С.Р. МИНЦЛОВ

Издательство «ЛЕВ»

С.Р. МИНЦЛОВ ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ

С. Р. МИНЦЛОВ

L E V
85, Rue Rambuteau,
75001 Paris.

Текст «За Мёртвыми душами»
взят из журнала «Современные Записки».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1914 году я дѣлалъ въ Академіи Наукъ въ Петербургѣ докладъ Библіологическому Обществу о помѣщичьихъ библіотекахъ въ Россіи.

Докладъ заинтересовалъ собравшихся. Ко мнѣ подошелъ хранитель славянскаго отдѣла библіотеки Академіи Э. А. Вольтеръ и сказалъ: — непремѣнно опишите, Сергѣй Рудольфовичъ, ваши поѣздки, цѣннѣйшая будетъ книга!

Путешествіе въ Урянхайскій край, а затѣмъ разразившаяся война не дали мнѣ возможности привести въ исполненіе эту мысль, а дальнѣйшія событія заставили меня бѣжать изъ Россіи и совершить трехлѣтнее путешествіе вокругъ всего стараго свѣта. Нынѣ, просматривая на берегахъ Дуная, въ Сербіи, захваченныя съ собой рукописи, я наткнулся на газетную вырѣзку съ замѣткой о моемъ докладѣ о библіотекахъ и на отрывочныя записи о моихъ поѣздкахъ. И мнѣ вспомнился малый конференцъ-залъ Академіи, засѣданіе и слова симпатичнаго друга книги — Эдуарда Александровича...

Онъ былъ правъ! Много было сдѣлано мною поѣздокъ, наблю-

деній, находокъ. Огромное большинство того, что я видѣлъ — уже ничьи глаза не увидятъ: лишь кострища остались теперь отъ старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ, библіотекъ, картинныхъ галлерей и т. п...... Перечня всего мною видѣннаго и теперь погибшаго я дѣлать не собираюсь — для такого мартиролога требуется цѣлая спеціальная книга. Зарисую даже далеко не все, что сохранили мнѣ память и мои записи, а лишь то, что выдавалось изъ общаго уровня и что сможетъ пригодиться впослѣдствіи для исторіи быта русской провинціи.

Описываемыя поѣздки были совершены не подрядъ, не сразу, а въ періодъ времени съ 1895 по 1913 годъ и сведены мною въ общія главы. По понятнымъ соображеніямъ измѣнены фамиліи описываемыхъ лицъ и названія ихъ имѣній.

«За мертвыми душами» окрещена эта книга. И всякій, прочитавшій ее, увидитъ, что это названіе дано ей не мной, и не изъ претензіи подражать, или тѣмъ болѣе сравниваться съ великою поэмою Гоголя, а только по существу содержанія.

Собирать книги и предметы старины такъ, какъ это дѣлается всѣми нашими любителями — неинтересно.

Газетныя объявленія, аукціоны, антикварные магазины — вотъ всѣ источники, изъ которыхъ черпаютъ они всѣ свои пріобрѣтенія. Путь дорогой, не всякому доступный и съуженный до послѣднихъ предѣловъ; въ немъ нѣтъ творчества, это путь баръ, привыкшихъ, чтобы жареные рябчики сами валились имъ въ ротъ.

Между тѣмъ, Россія была полна оазисовъ, гдѣ въ тиши и въ глуши таились такія сокровища, какія весьма рѣдко можно встрѣтить на рынкѣ. А такъ какъ не гора пошла къ Магомету, а Магометъ къ горѣ, то въ одинъ августовскій вечеръ я сѣлъ въ вагонъ и онъ понесъ меня въ глубину Россіи.

Черезъ день, къ сумеркамъ, поѣздъ, не признающій по обыкновенію на боковыхъ линіяхъ такихъ пустяковъ, какъ расписаніе, съ большимъ опозданіемъ дотащилъ меня до станціи Ельня.

Моросилъ дождь; на пустынномъ перронѣ одиноко стояла длинная тощая фигура не то Гамлета, не то Мефистофеля въ черномъ кургузомъ плащѣ до таліи и въ черной шляпѣ съ широченными полями. До полнаго сходства ей не хватало только шпаги и пера на головѣ.

Это былъ Ченниковъ, мой пріятель, съ имѣнія котораго я рѣшилъ начать свое путешествіе.

Зоркіе, ястребиные глаза его сразу отыскали меня въ кучкѣ высадившихся пассажировъ, и онъ, безцеремонно расталкивая всѣхъ, поспѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Два часа уже тебя жду! — заявилъ онъ. — И жена со мной.

— Гдѣ-же она?

— Устала, въ экипажѣ сидитъ!

Я забралъ свой чемоданчикъ и пледъ съ подушкой,и мы вышли на другую сторону станціи. У подъѣзда стояла рыжая тройка, запряженная въ коляску съ поднятымъ кожанымъ верхомъ. Изъ подъ него протянулась маленькая женская рука.

— Здавствуйте, наконецъ-то дождались васъ!—привѣтливо заговорилъ знакомый голосъ Софьи Михайловны.

Чемоданъ водрузился на козлы, мы усѣлись, и коляска шагомъ тронулась съ мѣста.

— По городу иначе нельзя!..—пояснилъ Ченниковъ: —.колдобина на колдобинѣ; выберемся на большакъ, иная статья пойдетъ! Вотъ посмотри, полюбуйся на нашу Венецію! Онъ указалъ рукой на чудовищную, чуть не съ Марсово поле, грязную лужу. Кругомъ нея тянулся рядъ низенькихъ деревянныхъ домиковъ, безнадежно унылыхъ, темныхъ и мокрыхъ. Скука закрадывалась въ душу отъ ихъ вида.

Коляску колыхало какъ лодку на морѣ, и мы поневолѣ «жали масло» то изъ маленькой пышки — Софьи Михайловны, сидѣвшей съ одного края, то изъ мощей ея супруга, помѣщавшагося съ другого. Чтобы не откусить языкъ, мы ѣхали молча. Городъ нако-

нецъ кончился, коляска пошла ровнѣе. Ченниковъ подался впередъ къ спинѣ кучера.

— Ефимъ, тряхани! — сказалъ онъ.

Локти кучера зашевелились. Тройка перешла на рысь, потомъ взяла полнымъ ходомъ, и мимо замелькалъ густой лиственный лѣсъ; шумѣлъ вѣтеръ,чавкали копыта коней, по кожаному верху стучалъ дождь, а мы, уютно зажавшись въ глубинѣ коляски, вели оживленный разговоръ о далекомъ Питерѣ, о всяческихъ новостяхъ и о знакомыхъ.

Десять верстъ незамѣтно остались за нами. Ночь окончательно заволокла все кругомъ. Впереди замелькали огоньки усадьбы, раздался собачій лай,и мы вкатились въ черный зѣвъ воротъ; коляска остановилась у дома. Въ освѣщенной висячей лампой столовой насъ ждали съ чаемъ и ужиномъ старикъ-отецъ Ченникова и три сестры послѣдняго.

Дмитрій Филипповичъ Ченниковъ — фигура не рядовая. Онъ былъ некрасивъ, на впалыхъ, желто-блѣдныхъ щекахъ и змѣистой, тонкой верхней губѣ у него темнѣли рѣденькіе темные волоски; большой плотоядный ротъ при разговорѣ всегда ощеривался, обнажая два ряда неровныхъ, крупныхъ зубовъ; подъ сѣрыми властными и внимательными глазами всегда лежала синь. Сразу въ немъ чувствовался себялюбецъ до мозга костей и что то хищническое.

И онъ, дѣйствительно, былъ большой хищникъ... волкъ по женской части въ своемъ уѣздѣ! Женщина была его альфой и омегой. Жизнь его являлась сплошной охотой на нихъ, циничной и откровенной.

Въ Питерѣ женщинамъ онъ не нравился: въ немъ было слишкомъ много уѣзднаго, начиная отъ рѣчи, не всегда правильной, чисто смоленской, съ ея «видитя», «слушайтя» и т. п. Студентомъ Харьковскаго института, дома на каникулахъ, онъ производилъ фуроръ: грива волосъ на головѣ, небрежный костюмъ, горячія рѣчи и тонъ а ля Базаровъ — все это дѣйствовало вокругъ Ельнинской лужи потрясающе. Ветеринарные студенты вѣдь всегда сердцеѣды и «нигилисты»!

Одѣвался онъ какъ художникъ: на шеѣ гигантской бабочкой торчалъ необыкновенный по величинѣ и яркости бантъ; длинные волосы падали почти до плечъ. Но онъ обладалъ тѣмъ, что у уѣздныхъ франтовъ обыкновенно отсутствуетъ: большой наблюдательностью, тонкимъ юморомъ и умомъ, дѣлавшими бесѣду съ нимъ всегда интересною. И когда вы говорили съ нимъ, то чувствовали, что передъ вами талантливый человѣкъ.

Что въ немъ было поразительно и неподражаемо — это мимическій даръ. Иногда среди разговора онъ вдругъ понуривалъ голову, скрещивалъ на груди руки — и вы уже хохотали: передъ вами стояла живая, мѣтко подмѣченная каррикатура того, о комъ шла рѣчь.

Незадолго до нашей первой революціи Ченниковъ зимы сталъ проводить въ Петербургѣ, гдѣ я и познакомился съ нимъ. Онъ выпустилъ «Думскій Альманахъ» съ каррикатурами на событія тѣхъ дней и на членовъ Первой Думы. Всѣ, вызывавшія такой смѣхъ читателей позы дѣйствующихъ лицъ художники рисовали съ самого Ченникова.

Актеръ онъ былъ великолѣпный, но сценой почему-то не интересовался. Студентомъ и позже онъ увлекался писательствомъ, печатался, но потомъ забросилъ перо и взялся за издательство. Года черезъ три онъ оставилъ и это, и значительно позже описываемаго здѣсь времени, въ сорокъ лѣтъ, вдругъ взялся за кисть и за палитру и, не учась, самоучкой, послѣ нѣсколькихъ плохихъ картинъ овладѣлъ техникой и такъ быстро пошелъ въ гору, что послѣднія работы его — пейзажи — уже можно назвать художественными произведеніями. И это увлеченіе погасло... Искрами отъ костра разбросался и исчезъ, не создавъ ничего, большой талантъ...

Еще крѣпкій, но уже впадавшій въ дѣтство, добродушный сатиръ и три безнадежно цѣломудренныхъ старыхъ сухаря разныхъ форматовъ — вотъ что такое были сестры и отецъ Ченникова.

Я увидѣлся съ ними въ первый разъ въ жизни, но папаша встрѣтилъ меня радостно, будто стараго знакомаго, и обѣими руками крѣпко пожалъ мою.

Во время ужина онъ сидѣлъ за большимъ овальнымъ столомъ противъ меня и раза два лукаво подмигнулъ мнѣ глазомъ. Грозные взгляды—шпаги—всѣхъ трехъ дѣвъ заставляли его поды-

мать свои выцвѣтшія зеркала души къ потолку и съ невиннымъ видомъ барабанить перстами по столу.

Въ чемъ заключалось дѣло, я понялъ послѣ ужина.

Выпалъ мигъ, когда я одинъ остался въ столовой и вдругъ почувствовалъ, что кто то дергаетъ меня за рукавъ. Я оглянулся: изъ за большого фикуса на меня глядѣло лицо старика.

— Женскій полъ любите?—шепотомъ, но довольно громко спросилъ онъ. Не успѣлъ я раскрыть рта, какъ старикъ отвернулся, замурлыкалъ и уткнулся въ оконное стекло.

— Ахъ, старый чортъ!—укоризненно произнесъ голосъ вошедшаго Дмитрія Филипповича. — Сказано тебѣ разъ навсегда, чтобы не смѣлъ приставать ни къ кому. Убирайся вонъ!

Старикъ бочкомъ выбрался изъ зеленой заросли.

— А ты-то, Митечка, самъ любишь вѣдь? — забормоталъ онъ съ заискивающимъ видомъ: — бесѣдка-то, а?

Дмитрій Филипповичъ помогъ ему ускоренно достигнуть двери и захлопнулъ ее.

— Что ужъ ты такъ вытолкалъ старика?—примирительно замѣтилъ я:— пускай себѣ болтаетъ!

— Субординація нужна!—отвѣтилъ Ченниковъ,сѣвъ на стулъ и вытягивая длинныя ноги до середины комнаты. — Его распусти только — чортъ знаетъ что натворитъ. Ахъ, и развратный же хрѣнъ! — Ченниковъ помоталъ головой и залился тончайшимъ фальцетнымъ смѣшкомъ.—Разъ какъ то такъ случилось, что на Рождествѣ онъ на три дня одинъ въ домѣ остался. Пріѣзжаютъ потомъ сестры вечеромъ — весь домъ освѣщенъ, а въ немъ Содомъ и Гоморра: полны комнаты дѣвокъ, всѣ пьяныя, пляшутъ, поютъ и среди нихъ папахенъ въ видѣ Адама па выдѣлываетъ!

— А вѣдь и ты, братъ, тѣмъ же мѣстомъ ушибленъ!—помолчавъ, сказалъ я.

— Ушибленъ, вѣрно!—съ убѣжденіемъ, комически воскликнулъ Ченниковъ.—Всѣ подъ Боженькой ходимъ, планида, значитъ, такая!

Мы перешли къ обсужденію дальнѣйшаго плана моихъ дѣйствій. Объ отъѣздѣ на другой день нечего было и думать — Дмитрій Филипповичъ и Софія Михайловна воспротивились этому самымъ рѣшительнымъ образомъ. Порѣшили на томъ, что я выѣду

вмѣстѣ съ Дмитріемъ Филипповичемъ черезъ два дня къ Фирскимъ, въ знаменитое когда то имѣніе композитора М. И. Глинки. Дальше путь мнѣ предстоялъ уже въ одиночествѣ, на наемныхъ лошадяхъ и по составленному на общемъ совѣтѣ маршруту.

У мелкихъ и средней руки помѣщиковъ кромѣ общечеловѣческихъ слабостей имѣется еще и спеціальная: по пріѣздѣ новаго гостя всѣ они считаютъ непремѣннымъ долгомъ показать ему свое хозяйство. Часа два васъ водятъ по конюшнямъ съ Россинантами, по пустымъ скотнымъ дворамъ, по вонючимъ свинарникамъ, требующимъ не показовъ, а чистки, и наконецъ васъ, достаточно унавоженнаго, приводятъ въ садъ и даютъ возможность отдохнуть въ тѣни и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Ченниковъ этою маніей не страдалъ. Утромъ, минуя всѣ конюшни, мы вышли съ нимъ въ садъ и обошли его по еще сырымъ дорожкамъ. Въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ угловъ, среди ольховой заросли, торчала побурѣвшая отъ времени бесѣдка-башенка съ тесовою, прогнившею кровлей.

Ченниковъ указалъ на нее костлявой рукой.

— Храмъ любви!!..—какъ бы изнывая отъ воспоминаній,шутовски заявилъ онъ: — семейное, такъ сказать, учрежденіе.... Осматривать не стоитъ: кромѣ рваной кушетки, другихъ музейныхъ рѣдкостей въ ней нѣтъ!

Садъ былъ невеликъ и весь заросъ лопухами и дуплистыми, никуда негодными яблонями съ мелкими кислыми яблоками.

— Я не хозяйничаю!..—поспѣшилъ сказать Дмитрій Филипповичъ,замѣтивъ мое недоумѣніе.—Съ выговорами обращайся къ сестрамъ: имѣніемъ занимаются онѣ. Одна вѣдаетъ молокомъ, другая садомъ, третья полемъ, жена дѣтьми... На мнѣ тяготѣютъ одни высшія соображенія!

— А именно? Заклады имѣнія?

— Закладъ дѣло не худое: я на него второе имѣньице прикупилъ! — отвѣтилъ Ченниковъ.

Мы обошли вокругъ дома. Онъ оказался совсѣмъ новымъ, пристроеннымъ къ небольшому, старому флигелю. Ни сколько-нибудь

старинной мебели, ни бумагъ, ни даже книгъ, кромѣ самыхъ новѣйшихъ, въ немъ не имѣлось.

— Погоди, завтрашній день тебя вознаградитъ за все! — сказалъ мнѣ Ченниковъ въ видѣ утѣшенія. — Узришь и пораженъ будешь!

Вечеромъ всѣ мы засидѣлись въ столовой до полуночи; шли разговоры о предчувствіяхъ,привидѣніяхъ и вообще о потустороннемъ.

Старикъ Ченниковъ исчезъ сейчасъ же послѣ ужина и потомъ разъ пять проходилъ съ озабоченнымъ видомъ черезъ столовую; интереса къ нашему разговору онъ не выказывалъ ни малѣйшаго. Огромный зато интересъ проявили всѣ остальные; у нѣкоторыхъ на глаза набѣгали даже особыя слезы, появляющіяся, какъ извѣстно, у слушателей только при самыхъ жуткихъ мѣстахъ повѣствованій.

Дмитрій Филипповичъ въ Бога не вѣрилъ до ярости, не желалъ даже крестить дѣтей своихъ, такъ что каждыя крестины стоили добродушной и кроткой Софьѣ Михайловнѣ долгой борьбы съ нимъ. А въ чертовщину, оказалось, вѣрилъ до слезы. Исторій было разсказано множество,и наконецъ мы разошлись съ зажженными свѣчами по своимъ комнатамъ. Какъ мнѣ ручалась потомъ Софья Михайловна, даже самъ домашній Мефистофель пробирался къ себѣ, потрухивая въ душѣ; необыкновенно боялся онъ, какъ оказалось, трехъ вещей: возможности заболѣть, привидѣній и мышей.

Я вступилъ въ свою маленькую комнатку, еще не оклеенную обоями и пахнувшую свѣжей сосной, заперъ дверь и только что поставилъ свѣчу на ночной столикъ, въ окно слегка стукнули.

Я невольно вздрогнулъ. Сквозь стекло смутно обрисовалось чье-то прижавшееся къ нему, сплюснутое лицо. Я поспѣшилъ къ окну и отворилъ его; передо мной въ видѣ мокраго и растрепаннаго перепела стояла фигура родоначальника дома. Въ спальню мою ворвались свѣжесть и шумъ деревьевъ — былъ вѣтеръ.

— Марья въ бесѣдкѣ ждетъ!.. — зашепталъ старикъ, подавшись плечами въ комнату: — лѣзьте въ окошко!

— Какая Марья? — съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Скотница!.. чего вы тамъ пустяками-то занялись? лѣзьте скорѣй, здѣсь низко!..

— Нѣтъ, благодарю васъ!..—отвѣтилъ я, сообразивъ въ чемъ дѣло.

— Папаша?!. — пронесся среди темноты визгливый зовъ; я узналъ тонкій голосъ вертлявой и маленькой старшей сестры Дмитрія Филипповича.

Старикъ такъ и присѣлъ, держась руками за край подоконника и часто заморгалъ глазами. Только голова и кончики пальцевъ виднѣлись мнѣ.

— Папаша-а?! — проверещалъ, очень похожій на первый голосъ второй сестры.

— Идите же, вѣдь васъ ищутъ! — сказалъ я.

Старикъ нырнулъ и разомъ исчезъ во мракѣ. Шорохъ быстро кравшихся шаговъ долетѣлъ до меня и слился съ шелестомъ листьевъ.

— Папаша,папаша,папаша?!!—хоромъ прокричали всѣ три.

— Папаша-а-а?!.—покрылъ всѣ звуки ночи басокъ плечистаго богатыря, младшей Ченниковой.

Было до того каррикатурно похоже на знаменитую любовную серенаду «трехъ кавалеровъ», что я засмѣялся и высунулся наружу; съ задняго крыльца во тьму и пространство тянулись три руки съ горѣвшими свѣчами. Я подался впередъ еще больше и узрѣлъ всѣхъ трехъ сестеръ, сбившихся въ тѣсную кучу; лица и руки ихъ казались совсѣмъ бѣлыми.

— Иду, чего тамъ!... — недовольно отозвался гдѣ-то, совсѣмъ близко отъ крыльца, старикъ.

Я закрылъ окошко и улегся спать.

На слѣдующій день, послѣ сытнаго завтрака и горячаго прощанья,знакомая тройка рыжихъ понесла меня и Димитрія Филипповича по дорогѣ къ Фирскимъ.

Имѣніе ихъ расположено на высокой, издалека видной горѣ, словно нарочно насыпанной среди равнины. Вершина ея вся заросла густымъ лѣсомъ, и усадьбы долго видно не было. Подъѣ-

хавъ ближе, я увидалъ, что то былъ не лѣсъ, а вѣковой липовый паркъ; дорога дала петлю и затѣмъ стала подыматься къ нему. Скоро передъ нашими глазами на обширной пустынной полянѣ, будто старый, огромный грибъ-шляповикъ, выросъ, еще Екатерининской стройки, деревянный домъ съ большимъ мезониномъ; часть оконъ его была заколочена досками; стеколъ въ большинствѣ рамъ не имѣлось совершенно. Верхній балконъ давно обрушился, и только боковыя перила, съ частью еще державшихся точеныхъ балясинъ, точно двѣ безпомощно опустившіяся руки торчали въ воздухѣ. Подъѣзда не было и помина, но слѣды его, въ видѣ свѣтлыхъ полосъ, какъ бы шатеръ, рисовались надъ распахнутой дверью. Крыша на домѣ кое гдѣ провалилась: доски обшивки мѣстами отстали и сползали со стѣнъ, обнажая темныя ребра-бревна.

Тройка остановилась противъ входной дыры въ домъ; тамъ виднѣлся широкій корридоръ, заполненный кулями съ овсомъ.

— Да развѣ здѣсь живетъ кто-нибудь?—спросилъ я озираясь.

— Внукъ Глинки, членъ земской управы, потомственный дворянинъ Фирсній собственною своей персоной!.. — съ усмѣшкой, вполголоса отвѣтилъ мой спутникъ.

Мы вышли изъ экипажа.

— Что же, разоренъ онъ совершенно,что ли? — продолжалъ я допросъ.

Удивленію моему не было предѣловъ: домъ грозилъ ежеминутнымъ паденіемъ, и какъ могли въ немъ жить люди—мнѣ казалось непостижимымъ?

— Нѣтъ... — отозвался Ченниковъ.

Домъ стоялъ на довольно высокомъ фундаментѣ, и, чтобы попасть во внутрь, приходилось взбираться по кучѣ крупныхъ камней, оставшихся отъ развалившагося крыльца.

Только что мы одолѣли это препятствіе и какъ по тропинкѣ стали пробираться между двумя стѣнами изъ кулей, откуда-то сбоку показался деревяннаго вида господинъ лѣтъ тридцати пяти съ необыкновенно узкимъ, точно обтесаннымъ по бокамъ, лицомъ и дубовымъ носомъ; незнакомца украшала рыжая, французская бородка, одѣтъ онъ былъ въ сѣрый измятый пиджакъ, изъ подъ котораго виднѣлась подпоясанная шнуркомъ синяя рубаха.

— Здравствуйте, Иванъ Павловичъ! — воскликнулъ Ченниковъ, выступавшій впереди. — Сколько времени не видались мы съ вами?!

— Здравствуйте... — равнодушно отозвался тотъ,подвергаясь энергичному трясенію руки. Наше неожиданное появленіе ровно ничѣмъ не отразилось ни на лицѣ, ни въ безцвѣтныхъ глазахъ хозяина.

Дмитрій Филипповичъ познакомилъ насъ.

— Со стариной нашей губерніи пріѣхалъ ознакомиться! — сказалъ онъ про меня. — Разумѣется, ваше имѣніе никакъ нельзя было объѣхать!..

— Что-жъ,милости просимъ... пожалуйста!...—монотоннѣе кукушки отвѣтилъ хозяинъ.

Мы вступили въ обширную лакейскую. Вокругъ стѣнъ ея тянулись новые лари для ссыпки зерна. Фирскій открылъ высокую дверь съ двумя-тремя уцѣлѣвшими кусочками золоченой рѣзьбы въ верхней части ея и еще разъ повторилъ: — пожалуйте!

Передъ нами была огромная и высокая,странная зала — бѣлая, съ темнымъ клѣтчатымъ потолкомъ. Только нѣсколько минутъ спустя я сообразилъ причину ея необычайности: потолокъ былъ покрытъ старинною крупною подрѣшеткою,самой же штукатурки на немъ давно не существовало.

У стѣнъ, точно въ магазинѣ, было нагромождено множество старой мебели. У двери имѣлся уголокъ, устроенный на подобіе гостиной; у стѣны справа безмолствовалъ длинный рояль краснаго дерева съ украшеніями изъ золоченой бронзы.

Хозяинъ ткнулъ намъ пальцемъ по направленію креселъ, жавшихся кругомъ овальнаго стола, а самъ пошелъ за женою.

Мы сѣли. Опускаясь въ кресло, я замѣтилъ, что сажусь на растрепанную мочалу: обивка на сидѣньѣ и спинкѣ отсутствовала и только по клочьямъ синей ткани, удержавшейся кое гдѣ на гвоздикахъ, можно было судить, что таковая когда-то имѣлась. Я перевелъ глаза на диванъ и другія кресла и убѣдился, что всѣ они были въ такомъ же состояніи. Мебель въ залѣ находилась всевозможная: диваны краснаго и орѣховаго дерева со сломанными спинками,кушетки,стулья,кресла александровской эпохи съ перебитыми ножками и т. д. Все это было изодрано и испачкано,

и только немногіе предметы казались цѣлыми.

— Рояль Глинки!..—многозначительно проронилъ Ченниковъ.

Я оглянулся и тутъ только замѣтилъ, что ножекъ и педали у рояля нѣтъ и что драгоцѣнный инструментъ стоитъ на трехъ толстыхъ и круглыхъ березовыхъ полѣньяхъ. Мой спутникъ откинулся на спинку кресла, вытянулъ впередъ ноги и съ видомъ Мефистофеля закачалъ острыми носками ботинокъ. Мое изумленіе его забавляло.

А я былъ пораженъ какъ никогда! Я ѣхалъ въ гости къ великой тѣни и былъ убѣжденъ, что наслѣдники и родственники автора «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы» любятъ и берегутъ его уголокъ и что я найду послѣдній хотя бы въ приблизительной неприкосновенности.

— Бѣлый залъ!.. — вполголоса отчеканилъ Ченниковъ:—посмотри — на стѣнахъ остатки золоченыхъ шпалеръ... Представляешь себѣ Глинку, гуляющаго, или сидящаго здѣсь?

— Нѣтъ! — вырвалось у меня: — это хоромы Плюшкина!

Отворилась лѣвая изъ двухъ противоположныхъ дверей, и показалась довольно полная блондинка не первой молодости и свѣжести, въ бѣлой, очень похожей на ночную, кофтѣ и въ полосатой юбкѣ. За ней понуро шагалъ глава дома.

— Здравствуйте! — привѣтливо заговорила она, идя къ намъ. — Какъ это мило, Дмитрій Филипповичъ, что вы вспомнили, наконецъ, своихъ сосѣдей!

Ченниковъ представилъ меня, и хозяйка жестомъ театральной грандъ-дамъ указала намъ на наши кресла. Мы опустились на нихъ, и среди рынка начался «свѣтскій» разговоръ. Хозяйка видимо не понимала всей его нелѣпости и вознеслась въ эмпиреи. Ченниковъ поролъ ей въ тонъ всякую околесину, а я сидѣлъ какъ на иголкахъ: хотѣлось поскорѣе уйти прочь, заглянуть во всѣ уголки стараго дома, пройтись по парку, нашептавшему Глинкѣ его мелодіи...

Ченниковъ понялъ наконецъ мое душевное состояніе и обратился къ хозяйкѣ съ просьбой разрѣшить мнѣ посмотрѣть домъ.

— Да, да, разумѣется, конечно!...—любезно согласилась она: — только сперва мы выпьемъ кофе, не правда ли? Я уже распорядилась... Ваничка, поторопи....

Ваничка, все время съ видомъ жертвы разсматривавшій свои ногти, всталъ и ушелъ торопить. Черезъ нѣсколько минутъ босая, растрепанная дѣвка, со щелками вмѣсто глазъ и рта, ухмыляясь видимо необычному ей дѣлу, внесла большой подносъ съ четырьмя чашками блѣдно-рыжаго кофе и со всѣмъ, что въ деревнѣ къ нему полагается — съ ломтями бѣлаго хлѣба, масломъ и густыми сливками.

Иванъ Павловичъ водворился на прежнее мѣсто и принялся жевать хлѣбъ и пить кофе.

— А библіотека Глинки у васъ сохранилась? — спросилъ я хозяйку.

— Библіотека? — удивилась та и повернулась къ мужу: — Ваничка, гдѣ у насъ библіотека?

Тотъ вынулъ изъ чашки свой носъ и задумался.

— Была въ курятникѣ.... — нѣсколько погодя отвѣтилъ онъ.

— Въ старомъ?

— Нѣтъ...

Должно быть глаза у меня вылѣзли на лобъ отъ ихъ мирной бесѣды; хозяйка примѣтила мое изумленіе и поспѣшила пояснить обстоятельства дѣла: — это, видите-ли, угловая комната у насъ въ домѣ — сказала она: — библіотечная стала сильно протекать, книги и перенесли въ угловую. А потомъ на зиму пришлось перевести туда куръ, онѣ вѣдь боятся, знаете-ли, холода!

— Если эти книги не составляютъ для васъ семейныхъ реликвій... — осторожно сталъ я подходить къ цѣли моей поѣздки,—то, можетъ быть, вы не откажете часть ихъ продать мнѣ?

— Онъ великій любитель книгъ! — вступился Ченниковъ:— у него замѣчательная библіотека!

— Да... но какія же книги у насъ? — все хламъ, старье: ни модныхъ романовъ, ничего порядочнаго....

— Чѣмъ старше, тѣмъ лучше!.. отвѣтилъ я.

— Но я боюсь, что мосье испачкается: тамъ пыль, паутина!..

— Это не страшно!.. Разрѣшите встать и пройти взглянуть?..

Хозяйка съ любезной улыбкой наклонила голову, и затылокъ ея показалъ мнѣ фигу изъ жидкихъ волосъ.

— Пожалуйста! Ваничка, проводи...

Ченниковъ остался любезничать съ хозяйкою, а я вслѣдъ за

Иваномъ Павловичемъ пересѣкъ залъ и вышелъ въ широкій коридоръ.

Слѣва и справа вели куда-то высокія двери. Коридоръ заполняли всякихъ размѣровъ кадушки, пустыя и съ огурцами; между ними торчали бутыли, валялись пузырьки и даже два заднихъ колеса отъ телѣги. Казалось, что я шелъ по какому-то «развалу», куда ветошники вынесли для торга всякую заваль и никудышину.

Мой вожатый отворилъ послѣднюю дверь справа, и мы очутились въ полусумеркахъ. Свѣтъ золотыми полосками проникалъ въ щели между досками двухъ большихъ, заколоченныхъ оконъ.

Иванъ Павловичъ подошелъ къ ближайшему и ударомъ ноги отшибъ одну тесину, затѣмъ другую, и въ комнатѣ стало свѣтло. Справа и слѣва отъ входа, наклонившись впередъ, темнѣли два хромоногіе, большіе комода. Ящики изъ нихъ были полувыдвинуты и виднѣлось содержимое — книги и тетради. Поперекъ комнаты, лѣстницей, были устроены нашесты для куръ, занимавшіе всю заднюю половину. Подъ нашестами аршина на полтора въ вышину грудился куриный пометъ, спекшійся отъ времени въ твердую кору.

— Только и всего у васъ книгъ? — освѣдомился я, указывая на комоды.

— Иванъ Павловичъ глубокомысленно придержалъ себя двумя пальцами за самый кончикъ бородки.

— А тутъ то? — отвѣтилъ онъ, показывая глазами на кучу навоза.

— И тамъ книги? — вскрикнулъ я.

— Ну да. Навозу на нихъ совсѣмъ чуть-чуть развѣ на четверть! Куры вѣдь только зимой здѣсь у насъ сидятъ!

Я забрался подъ нашестъ и увидалъ, что спутникъ мой былъ правъ. Навозъ былъ совершенно сухой и легко снимался цѣлыми пластами. Я скинулъ пиджакъ и долго не могъ найти мѣсто, куда бы возможно было приткнуть его безъ риска превращенія его въ шкуру пятнистаго ягуара; стѣны были въ паутинѣ; комоды покрывала, по крайней мѣрѣ на палецъ толщиною, пыль. Я повѣсилъ, наконецъ, пиджакъ на ручкѣ двери и приставилъ калѣку-стулъ къ лѣвому комоду.

— Нельзя ли щетку, или метелку у васъ попросить? — обратился я къ Ивану Павловичу.

— Зачѣмъ?

— Мѣстечко на полу для книгъ надо очистить — класть ихъ изъ комодовъ некуда.

— Да полъ-то на что?

— Грязенъ онъ очень!

— Какая же это грязь? это пыль.... мягко, что имъ тамъ сдѣлается? Книга пыль любитъ. Валите къ стѣнѣ и ладно!

Я обтряхнулъ носовымъ платкомъ стулъ, отчего золотистое облако наполнило на нѣсколько минутъ комнату, затѣмъ усѣлся и съ волненіемъ приступилъ къ разборкѣ.

Иванъ Павловичъ молча сопѣлъ позади меня:

— А я ужъ уйду?.. — проговорилъ наконецъ онъ: — если понадоблюсь, покричите!

Я остался одинъ.

Поймете ли вы, читатель, то, что испытывалъ я въ тѣ минуты? Курятника не стало, домъ омолодѣлъ, зазвенѣли давно умолкнувшіе голоса. Въ шелестѣ листковъ альбомовъ и писемъ слышался шелестъ платьевъ, чувствовался ихъ ароматъ, незримыя тѣни плыли мимо.....

Но надо было торопиться! Я бережно, на платокъ, отложилъ особою кипкою письма и рукописи и принялся за просмотръ книгъ. Къ прискорбію моему, почти всѣ онѣ оказались разрозненными, а главное испорченными: цѣлые десятки листовъ были вырваны изъ нихъ чьими-то злодѣйскими руками.

Покончивъ съ комодами, я перебрался къ грудѣ и принялся отдирать навозные слои.

Впервые здѣсь я убѣдился, какой благодѣтель куриный пометъ для россійскихъ книгъ и какъ великолѣпно онѣ сохраняются подъ нимъ! Портятся только самыя верхнія, облицовочныя, книги и то лишь въ томъ случаѣ, если онѣ безъ переплетовъ. За то ни одна каналья не полѣзетъ подъ нашесть, чтобы вытащить «на цыгарки» загаженную книгу и всегда предпочтетъ запустить лапу въ шкафъ, или ухватить что ни попало и выдрать наискось столько страницъ, сколько захватятъ корявые пальцы. Книги главнымъ образомъ были Екатерининскаго времени, но попадались и изда-

нія временъ Анны Іоанновны и Елизаветы. Пару книгъ я выудилъ Петровской эпохи, а затѣмъ нѣсколько массонскихъ, изданныхъ въ царствованіе Александра I.

Раза два ко мнѣ навѣдывался и что-то говорилъ Ченниковъ, безмолвно сопѣлъ за моей спиной хозяинъ, звали меня завтракать, но было не до того: какъ можно говорить о завтракахъ, когда у тебя въ рукахъ «Описаніе о Японѣ», увидавшее свѣтъ въ 1734 году? Съ пола я всталъ только тогда, когда перебралъ всѣ книги до послѣдней. Отдѣльно я отложилъ порядочную кучку книгъ, рукописей и альбомовъ.

Выйти въ гостиную въ видѣ зебры было немыслимо. Я воззвалъ въ корридорѣ къ Ивану Павловичу и, когда онъ появился, показалъ ему чумазыя руки и такія же невыразимыя, и онъ повелъ меня мыться и чиститься.

Та же босоногая дѣвка принесла мнѣ глиняный тазъ съ водой, усердно, какъ конюхъ лошадь, со всѣхъ сторонъ поскребла меня стертой до-нельзя щеткой, и мы направились въ гостиную.

И Ченниковъ и хозяйка, видимо, изнемогали отъ звѣрской обязанности два часа безпрерывно занимать и пріятно улыбаться другъ другу.

Увидавъ меня, оба просіяли.

— Ну, что, увѣнчались ваши труды успѣхомъ, нашли что-нибудь интересное? — обратилась ко мнѣ хозяйка.

— О, да! — отвѣтилъ я. — И даже очень много!

— Отдохните, садитесь!.. — продолжала она:—вы, я думаю, совсѣмъ измучились! Вотъ вы какой любитель... даже странно видѣть въ нашъ вѣкъ?...

Отъ отдыха я отказался и выразилъ желаніе осмотрѣть домъ и затѣмъ погулять по парку

— Въ домѣ смотрѣть у насъ нечего! — отвѣтила хозяйка: — все, знаете-ли — протекаетъ, такъ мы живемъ только въ трехъ комнатахъ, остальное все пусто. Но если вы такой интересанъ, пожалуйста! Ваничка, покажи!

На этотъ разъ Ченниковъ предпочелъ наше общество тетъ-а-тету съ хозяйкой и, взявъ Ивана Павловича подъ руку, пошелъ съ нимъ впереди.

Широко жили наши предки! Объ этомъ свидѣтельствовала вся-

кая комната, въ которую вступали мы. Каждая изъ нихъ легко могла вмѣстить обычную петербургскую квартиру въ три-четыре клѣтки. Хода на верхъ не было; вмѣсто него загадочно глянула на насъ дыра въ потолкѣ: лѣстница давно обвалилась и исчезла въ печахъ въ зимнюю пору.

Обходя домъ, я понялъ почему залъ произвелъ на меня впечатлѣніе мебельнаго магазина: въ него была поснесена обстановка почти изо всѣхъ комнатъ; Иванъ Павловичъ распахивалъ одну дверь за другой, и темень и пустота обдавали насъ запахомъ гнили и сырости; вглядѣвшись, можно было различить висѣвшія съ потолка доски и зеленыя и черныя пятна плѣсени, расползшіяся по стѣнамъ.

— Протекаетъ... — неизмѣнно куковалъ передъ каждою комнатой хозяинъ.

— А гдѣ же былъ кабинетъ Михаила Ивановича? — спросилъ я.

Иванъ Павловичъ молча открылъ дверь съ противоположной стороны корридора; въ два большихъ окна лился свѣтъ, на насъ глянулъ садъ; одна изъ липъ въ самую комнату вдвинула свою зеленую руку. Рамъ не было и помина, но окна со стороны сада почему-то стояли не заколоченными.

— Кабинетъ... — произнесъ хозяинъ. — Рояль, что въ залѣ, здѣсь стоялъ, а тамъ другой былъ!

Жилища всегда сохраняютъ въ себѣ излученія душъ его обитателей. И мы, живыя станціи вѣка безпроволочнаго телеграфа, чувствуемъ эти излученія и переводимъ ихъ не только во впечатлѣнія, но и въ ощущенія.

И въ пустой, высокой комнатѣ я почувствовалъ присутствіе Глинки. Въ ней впервые прозвучалъ — «Дивный теремъ стоитъ». Пѣлъ ее калѣка-рояль, тогда полный звуковъ и силъ, слушала молодежь — теперь старые, разбитые стулья и кресла, да эти липы, что глядѣли и теперь въ окно..... Какъ ненужно и чуждо дѣлается все остающееся отъ ушедшаго поколѣнія тѣмъ, кто смѣняетъ его! Книги, мебель, оружіе, даже монеты — все служитъ только одному, много двумъ поколѣніямъ. Рѣдко-рѣдко что-либо переходитъ изъ вѣка во вѣкъ! Кому-то нужна смѣна жизни и разрушенія. И какъ хорошо, что существуетъ дѣтство, юность, осень и смерть!...

Изъ кабинета мы вернулись въ корридоръ и вышли въ садъ.

— Пожалуйста не церемоньтесь съ нами! — сказалъ Ченниковъ хозяину:—у васъ навѣрное есть дѣла, и идите себѣ. Я паркъ знаю и покажу его Сергѣю Рудольфовичу!

— Ну, что же!.... — съ примѣтнымъ облегченіемъ согласился Иванъ Павловичъ. — Меня, дѣйствительно, того.... ждетъ кое кто!

Онъ исчезъ.

Мы вступили точно въ тоннель со сводомъ изъ зелени; по обѣ стороны темнѣли неохватные стволы липъ. Аллея густо заросла лопухами и травой, и только по самой середкѣ куда-то въ сумерки, въ прохладу и даль вилась протоптанная тропочка: казалось, мы попали въ сказочный лѣсъ; вотъ-вотъ впереди должна была показаться избушка на курьихъ ножкахъ, или домикъ изъ пряниковъ!

— Видѣлъ гдѣ я нашелъ книги: подъ куринымъ навозомъ?!— воскликнулъ я; я все еще не могъ придти въ себя отъ избытка впечатлѣній.

Ченниковъ вздернулъ вверхъ угловатыя плечи.

— Неблагодарный!—напыщенно произнесъ онъ.—Возблагодари судьбу, что тамъ сидѣли только куры! Что бы сталось съ твоими книгами, если бы въ угольной прозимовала корова?

— Но почему же они живутъ такъ? — продолжалъ я: — въ долгу они какъ въ шелку, да?

— Отнюдь! Дворянское дно и только! Чувствуютъ себя оба прекрасно, нигдѣ рѣшительно не бываютъ и вотъ уже десять лѣтъ все рѣшаютъ, что дѣлать — продать имѣніе, или строить новый домъ.

Аллея свернула влѣво; она въ видѣ квадрата окаймляла обширный лугъ, очевидно бывшій когда-то сплошнымъ цвѣтникомъ. Домъ стоялъ на серединѣ одной изъ сторонъ и виднѣлся отовсюду. Со стороны цвѣтника онъ опирался на четыре колонны; за ними расположилась длинная крытая веранда.

Мнѣ вдругъ вспомнилась чудесная картина — «Все въ прошломъ». На заднемъ планѣ ея изображенъ совершенно такой же домъ, и мнѣ почудилось даже, — ужъ не съ него ли писалъ свою картину художникъ?

Мы обошли главную аллею и попали на дворъ.

Наши выпряженныя лошади стояли середи него, поодаль отъ

всѣхъ строеній, привязанныя къ задку коляски, и ѣли сѣно. Кучеръ со скучающимъ и небрежнымъ видомъ похаживалъ кругомъ нихъ и помахивалъ вѣточкой жасмина.

— Закладывай, Ефимъ! — приказалъ Ченниковъ. — Накормили тебя?

— Сытъ-съ.... — съ презрѣніемъ въ голосѣ отвѣтилъ тотъ.

— Что, или плохо?

— Да добросовѣстно-съ. Оно бы при такихъ хоромахъ и не шло даже!... Я ужъ коней къ стѣнамъ близко и не ставилъ: убьетъ, борони Господь! Мы взобрались въ домъ и опять мимо кулей съ овсомъ вернулись въ залъ. Немедленно изъ дальнихъ дверей показались и хозяева. Отобранныя мною книги высокой грудой лежали въ «гостиной» на диванѣ.

— Понравилось? правда чудесный паркъ?.. — спросила хозяйка. — Конечно, запущенъ немного....

— Паркъ дивный!—поспѣшилъ согласиться я.—Разрѣшите теперь закончить дѣло: — сколько я вамъ долженъ за эти книги и рукописи?

— За эти? — она взглянула на груду, потомъ на мужа. Тотъ пожалъ плечами.

— Ничего, конечно!

Меня обдало какъ холодной водой.

— Какъ ничего, помилуйте?!

— Разумѣется-жъ ничего... это даже смѣшно говорить о такихъ пустякахъ!

— Да вовсе не пустяки!... — Хозяйка не дала мнѣ договорить. — Мы дворяне! — напыщенно произнесла она: — дворяне книгами не торгуютъ!

— Но я-то въ какомъ положеніи передъ вами? Мнѣ-то за что вы ихъ дарите?

— На память о Глинкѣ: вы такой поклонникъ его! Пусть онѣ послужатъ вамъ въ вашей библіотекѣ!

Дѣлать было нечего! Пришлось шаркать ножкой, цѣловать ручку и говорить акаѳистныя слова. Книги были увязаны въ пачки, узкоглазая дѣвка вынесла ихъ на дворъ, и мы стали прощатьсъ хозяевами.

Оба вышли проводить насъ. Я сунулъ въ руку дѣвкѣ на чай

рублевку. и она такъ ошалѣла отъ такой диковины, что сперва застыла, разинувъ ротъ и глядя на бумажку, а потомъ со всѣхъ ногъ, словно желая забодать, ринулась цѣловать мнѣ «ручку». Я едва спасся въ экипажъ.

— Пошелъ! — сказалъ Ченниковъ.

— Добраго пути! — крикнула хозяйка, посылая намъ что-то вродѣ воздушныхъ поцѣлуевъ. Мы, махая шляпами, беззвучно закатились по травѣ. Одинъ поворотъ, и старый домъ скрылся изъ вида....

— Да, братъ!.. «Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей»! — продекламировалъ мой спутникъ. А посему: — «Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій»!

Я молчалъ; я еще былъ въ аллеѣ Глинки.

— Такъ, вѣдь, а?.. — Ченниковъ слегка хлопнулъ меня по колѣнкѣ.

— Любопытная вещь, — отвѣтилъ я, — въ библіотекѣ Глинки отсутствовали французскія книги; были почти сплошь все русскія!

— Путное что-нибудь осталось?

— И даже порядочно. Я отобралъ лишь квинтъ-эссенцію.

— Что-жъ ты не сказалъ мнѣ? — вскинулся Ченниковъ, — все-бы и забрали до-чиста! Даромъ вѣдь отдавали!

Я отмахнулся.

— Полно! И такъ очень непріятно и неудобно вышло!..

Ченниковъ неодобрительно посмотрѣлъ на меня.

— Ты вотъ, что, друже, — назидательно произнесъ онъ, — коли взялся дѣло дѣлать, такъ душевную меланхолію свою оставь! Грабь и тащи все, что ни увидишь — все равно собакѣ подъ хвостъ пойдетъ! Книги пыль разводятъ, мѣста онѣ много зря за-

нимаютъ, но и въ печку ихъ попросту запихать какъ-то неудобно, и вдругъ является благодѣтель — твоя милость! Какія же тутъ могутъ быть церемоніи?! А, во-вторыхъ — чѣмъ ты рискуешь? На тебя — извини за правду — все равно вездѣ будутъ смотрѣть какъ на юродиваго, ну, какой нормальный человѣкъ поѣдетъ за сто верстъ киселя хлебать — за старыми книгами? Вѣдь это же мертвыя души, ты Чичиковъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ тройка принесла насъ на постоялый дворъ въ большое село. Тамъ произошла пересадка.

Ченниковъ, вездѣ распоряжавшійся, какъ полиціймейстеръ на пожарѣ, вытребовалъ къ себѣ нѣкоего Мирона — рябого и невзрачнаго бѣлобрысаго мужиченку, занимавшагося извозомъ, и самъ договорился съ нимъ о дальнѣйшемъ моемъ путешествіи, при чемъ подробнѣйшимъ образомъ перечислилъ всѣ имѣнія, куда тотъ долженъ былъ меня завезти и на какую станцію желѣзной дороги затѣмъ доставить.

Торгъ окончился къ общему удовольствію, и Миронъ побѣжалъ запрягать.

Я поручилъ свои книги пріятелю, поблагодарилъ его за хлопоты, и мы распростились.

— Смотри же, будемъ ждать тебя! — сказалъ, садясь въ коляску, Ченниковъ, — если не заѣдешь на обратномъ пути — клянусь, что не увидишь книгъ этихъ, какъ ушей своихъ! Помни же: грабь!! — крикнулъ онъ уже на-ходу, и коляска скрылась уже за воротами; пелена пыли, какъ дымъ отъ паровоза, разостлалась надъ улицей.

Черезъ нѣсколько минутъ на дворъ, звеня и бренча всѣми желѣзными частями, вкатилась запряженная парой лопоухихъ бѣлыхъ лошадокъ, старая бричка, съ кожанымъ, порыжѣлымъ и рванымъ сидѣньемъ. Я уложилъ свои вещи, усѣлся, Миронъ задергалъ вожжами, и мы среди бѣсновавшихся собакъ проѣхали немного по улицѣ и свернули въ проулокъ; кругомъ открылись желтыя сжатыя поля съ темными линіями лѣсовъ на горизонтѣ.

Миронъ повернулся въ полуоборотъ ко мнѣ. Голубые глазки его внимательно осмотрѣли меня, словно взвѣсили, съ сапоговъ до шляпы.

— Къ Батенькову ѣдете? — проговорилъ онъ: — знакомые, что-ли?

— Нѣтъ, по дѣлу.

— Вотъ оно что!.. Овесъ, стало быть, покупать у него?.. Хорошіе овсы у него стояли; — во, истинный Богъ! — Миронъ показалъ рукой аршина на два отъ земли. — По купецкой части, стало быть, будете?

— По купецкой. А кто такой этотъ Батеньковъ?

— Батеньковъ-то?

— Да.

— Баринъ. Баринъ какъ есть, во всей формѣ! — съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Миронъ.

— Молодой онъ, или старый?

— Молодой. Годовъ двадцать два ему; опеку года два только какъ сняли; померши родители-то у него! — Миронъ захихикалъ и закрутилъ носомъ. — И прокуратъ же! — добавилъ.

— Какъ это пріѣдетъ изъ Питера съ пріятелями — кіятры въ дому, пиры горой... Веселый!

— Далеко до его имѣнія?

— До Вихровки-то? Пятнадцать верстовъ, вотъ сколько! — Онъ глянулъ на солнце, стоявшее уже довольно высоко. — Въ шесть часовъ на мѣстѣ будемъ.

Расчетъ моего возницы оказался математическимъ: ровно въ шесть часовъ дня мы точно по корридору изъ подстриженной акаціи въѣхали на просторный дворъ. Справа густой стѣной стоялъ садъ, слѣва, описывая широкій полукругъ, отходила строго вытянутая линія хозяйственныхъ строеній. Изъ гущи сада, изъ-за кустовъ сирени, блестѣли стекла мезонина барскаго дома.

Противъ него, между двухъ старыхъ яблонь, одиноко росшихъ на самой серединѣ двора, блѣдно горѣли два костра; кругомъ нихъ стояло четверо людей, помѣшивавшихъ что-то въ огнѣ палками. Тутъ-же находились двѣ большія бѣльевыя корзины, наполненныя разноцвѣтными бумагами. Завидѣвъ насъ, всѣ оставили свое дѣло и повернулись въ нашу сторону.

— Купца привезъ къ тебѣ, Петра Иванычъ! — прокричалъ Миронъ, подъѣзжая къ кострамъ. — Весь овесъ заберемъ!

Бричка остановилась, я слѣзъ.

— Могу я видѣть г. Батенькова? — освѣдомился я у человѣка среднихъ лѣтъ, сдѣлавшаго нѣсколько шаговъ навстрѣчу мнѣ. Одѣтъ онъ былъ въ синюю русскую рубаху, подпоясанную ремнемъ, въ пиджакѣ и въ высокихъ сапогахъ. По всей его фигурѣ сразу можно было заключить, что передъ вами приказчикъ; весь онъ былъ настороженный, строгій и вмѣстѣ съ тѣмъ готовый сейчасъ-же стать слаще акридъ и меда.

— Баринъ въ Петербургѣ... — слегка свысока отвѣтилъ онъ — чѣмъ могу служить?

Въ эту минуту изъ-за его спины взвились двѣ книги и, растопыривъ листы, какъ крылья, шлепнулись въ огонь.

— Что вы это тутъ дѣлаете? — спросилъ я вмѣсто отвѣта и поспѣшилъ къ корзинамъ. Обѣ онѣ верхомъ были нагружены книгами, книги же горѣли вмѣсто дровъ и въ кострахъ.

— Очисточку производимъ... — снисходительно пояснилъ приказчикъ, — дрянь всякую велѣлъ баринъ посжечь!

Появилось еще двое людей, приволокшихъ новую корзину съ книгами.

— Ради Бога подождите, не жгите! — воскликнулъ я, — дайте сперва мнѣ пересмотрѣть, можетъ быть, я куплю ихъ у васъ?

— Пожалуйста... только смотрѣть не на что: одно лохмотье!.. А вамъ по какому дѣлу желательно было видѣть барина?

— По личному. Ахъ, какъ жаль, что его нѣтъ; нарочно, вѣдь, къ нему пріѣхалъ!

— Откуда изволили прибыть?

— Изъ Питера.

Строгая оффиціальность исчезла съ лица приказчика: персона превратилась въ лакея. Онъ засуетился.

— Пожалуйте въ домъ-съ!... — совсѣмъ инымъ тономъ заговорилъ онъ, — отдохните-съ...

— Но вѣдь нѣтъ барина? — усомнился я.

— Такъ что же-съ? Да они меня со свѣту сживутъ, ежели узнаютъ, что я пріѣзжаго къ нимъ не принялъ; пожалуйте-съ!.. Бери, розиня, вещи, неси въ домъ!.. прынецъ тоже! — крикнулъ онъ на облечённаго въ бѣлый передникъ долговязаго малаго, уставившагося на меня, какъ въ столбнякѣ. Тотъ очнулся, ухватилъ мой багажъ и стремглавъ побѣжалъ съ нимъ впередъ. Несмотря на

уговоры приказчика, собиравшагося для моего удобства отослать корзины обратно въ домъ, я остался у костровъ и пересмотрѣлъ все, приговоренное къ ауто-да-фе.

Это были, главнымъ образомъ, журналы: «Москвитянинъ», «Современникъ» и другіе, но среди нихъ попались мнѣ Снегиревскія: «Русскіе въ своихъ пословицахъ» и «Простонародные праздники и суевѣрные обряды», изданныя въ сороковыхъ годахъ.

— Обидно, что разминулись вы съ бариномъ!.. — соболѣзновалъ тѣмъ временемъ приказчикъ:—всего только третьеводни изволили они отбыть. Досадовать будутъ!

Неся отобранныя мною книги, мы направились къ дому.

Отъ двора его отдѣляла длинная овальная куртина, засаженная жасминами и сиренью; свѣже-посыпанная пескомъ дорога огибала ее и проходила мимо подъѣзда. Домъ былъ большой, темно-сѣрый, еще александровской стройки, съ обычными бѣлыми колоннами той эпохи.

Мнѣ показалось, что я гдѣ-то въ окрестностяхъ Петербурга: въ такой чистотѣ и порядкѣ все содержалось, начиная отъ подстриженныхъ шпалеръ изъ акацій и кончая массивными мѣдными ручками входныхъ дверей. Контрастъ съ Фирсовскимъ имѣніемъ былъ разительный.

Я не могъ удержаться и, остановившись передъ домомъ, вслухъ похвалилъ порядокъ, въ которомъ все содержалось.

Приказчикъ былъ чрезвычайно польщенъ.

— Чистота у насъ первое дѣло-съ! — отвѣтилъ онъ: — и сами баринъ съ утра выйдутъ, какъ стеклышко, и съ другихъ того-же требуютъ. Нельзя иначе: Европа-съ!

Дверь подъѣзда стояла распахнутой; ее почтительно поддерживалъ долговязый малый въ передникѣ, очевидно, состоявшій въ лакейской должности. Плетеная изъ веревки, сѣрая дорожка покрывала нѣсколько ступеней лѣстницы и вестибюль; мы вошли въ обширную лакейскую, обставленную кругомъ деревянными диванами, на которыхъ когда-то сидѣли и дулись въ носки поколѣнія лакеевъ. Она была пустынна.

Малый въ передникѣ очутился впереди насъ и распахнулъ, какъ на сценѣ для входа короля, среднюю дверь. Мы вошли въ похожую на корридоръ, довольно узкую комнату, всю увѣшанную

портретами. Кое-гдѣ у стѣнъ стояли небольшіе столы изъ корельской березы, а по бокамъ ихъ, попарно, такіе же стулья съ твердыми, какъ кирпичи, небесно-голубыми сидѣньями и спинками.

— Патретная-съ... — словно по секрету пояснилъ приказчикъ; въ домѣ онъ, должно быть по привычкѣ, сталъ объясняться только вполголоса.

Со всѣхъ сторонъ, изъ потускнѣлыхъ золоченыхъ рамъ—этихъ оконъ съ того свѣта, на меня глядѣли напыщенныя лица рода Батеньковыхъ. Пудреные парики и разноцвѣтные кафтаны указывали на Елизаветинскую и Екатерининскую эпохи. Выпяченныя груди многихъ украшали многочисленные ордена и звѣзды.

— Всѣ въ рыгаліяхъ-съ!.. — благоговѣйно произнесъ мой спутникъ, — заслужить тоже надо было-съ!.. А вотъ это папаши нашего нонѣшняго барина, Владиміра Григорьича... — Онъ остановился передъ портретомъ благодушнаго, тучнаго старика, одѣтаго въ простой черный пиджакъ; — скончались шесть годовъ назадъ и какъ необнаковенно; — на антресоляхъ библіотека существуетъ, а въ ней диванъ турецкій замѣчательный-съ: лошадь на немъ поперекъ уложить можно! Григорій Михайлычъ—это они-съ,— онъ осторожно лбомъ указалъ на портретъ, — оченно этотъ диванъ послѣ обѣда обожали. Велятъ завести граммофонъ, возьмутъ въ руки книжку и лягутъ. Подержатъ-подержатъ книжку и уснутъ-съ. А граммофонъ имъ для лучшаго сну играетъ да играетъ — особый человѣкъ для заводу его состоялъ; ровно часъ долженъ былъ играть! Только однажды легли они, отыгралъ имъ граммофонъ все, что полагалось, сталъ ихъ человѣкъ будить, анъ въ нихъ уже и дыханья нѣтъ: отошли... Такъ все и осталось тамъ наверху; молодой баринъ и къ граммофону ни разу не коснулись, даже нота на немъ лежитъ та самая, подъ которую Григорій Михайлычъ скончались... Не узнать-съ человѣку назначенія своего! — вздохнувъ, философски добавилъ мой спутникъ.

Изъ портретной мы попали въ залъ. Онъ былъ на половину меньше Глинкинскаго, но все же достаточно просторный. Несмотря на день, въ немъ было сумрачно: густая зелень кустовъ и деревьевъ почти вплотную закрывала окна и съ лѣвой и съ правой стороны. Вдоль темныхъ стѣнъ бѣлѣли стулья съ малиновыми, сильно выцвѣтшими сидѣньями. У противоположной стѣны без-

молвно прижался рояль. Наши шаги и потрескиванье прекрасно натертаго паркета нарушили тишину: отозвалось эхо, точно проснувшееся гдѣ-то подъ потолкомъ.

Мы миновали сиреневую гостиную, наполненную мебелью еще Елизаветинскихъ дней, отразились въ высокомъ простѣночномъ зеркалѣ, съ улыбкой проводилъ насъ взглядомъ бронзовый золоченый амуръ, опершійся на такіе-же часы, и мы оказались въ небольшой, но весьма уютной комнатѣ; вдоль двухъ стѣнъ ея, въ видѣ буквы Г, тянулся сплошной зеленый диванъ. Около него лежали мои вещи.

— Диванная-съ... — произнесъ приказчикъ, — всѣ пріѣзжіе господа здѣсь теперь останавливаются. Угодно помыться будетъ?

— Будьте добры... — отвѣтилъ я.

Мой спутникъ указалъ на другую дверь.

— Тамъ ходъ въ столовую и въ садъ, ежели пройтись пожелаете. Можетъ скушать чего угодно?

— Да, не отказался-бы! — сознался я.

Приказчикъ вышелъ, а вмѣсто него появился тотъ-же малый съ бѣлымъ полотенцемъ въ рукѣ, съ тазомъ и съ кувшиномъ воды.

— Какъ васъ зовутъ? — спросилъ я, разоблачаясь.

— Гамлетомъ-съ, — отвѣтилъ онъ.

Я остановился.

— Какъ?!

— Гамлетомъ-съ, — повторилъ тотъ, переступилъ съ ноги на ногу, потупился и принялъ позу жеманной горничной. — Схожъ я очень съ этимъ прынцемъ-съ, баринъ и приказали такъ зваться!— скромно пояснилъ онъ.

Я не могъ скрыть улыбки: передо мной стоялъ пѣтый дуралей; носъ у него былъ въ видѣ кларнета, съ раструбомъ, глазки удивительно напоминали пару подсолнечныхъ сѣмечекъ. Бѣлобрысая голова его была густо напомажена, раздѣлена ровнымъ проборомъ и украшена такой гигантской бабочкой изъ волосъ, закрывавшей весь лобъ и виски, какой я еще не видывалъ.

— А Офелія у васъ есть? — освѣдомился я.

Гамлетъ хихикнулъ.

— Имѣется-съ...

— Кто же такая?

— Дѣвушка-съ. Глаша она, конечно, ну да баринъ Охфеліей кличутъ-съ!..

— Веселый баринъ у васъ, какъ видно! — замѣтилъ я.

Гамлетъ опять похихикалъ.

— Веселые-съ! — согласился онъ.

Только что я успѣлъ вымыться и одѣться, вошелъ приказчикъ.

— Сейчасъ самоварчикъ поспѣетъ!... — сообщилъ онъ мнѣ,— ужъ извините, не ждали васъ, такъ, кромѣ яичницы и цыпленка не сообразилъ ничего поваръ.

— И великолѣпно! — отозвался я. — А пока до самовара вы, можетъ быть, покажете мнѣ домъ и библіотеку?

— Съ великимъ удовольствіемъ-съ!

Комната за комнатой мы обошли весь низъ дома; онъ казался музеемъ старинноой мебели, нельзя сказать, чтобы роскошной, но все же стильной и выдержанной. Преобладалъ ампиръ, но что удивило меня, — ни бездѣлушекъ, ни бронзы, ни часовъ, кромѣ видѣннаго мною уже амура, въ домѣ не имѣлось.

Я высказалъ свою мысль приказчику.

— Полно всего этого было! — отвѣтилъ онъ, — опекли только все въ чистую. Двое опекуновъ, вѣдь, было, возьмите это въ соображеніе-съ?..

Мы очутились передъ широкой деревянной лѣстницей, ведшей на площадку, а оттуда дѣлавшей обратный поворотъ на антресоли. Ее огораживала дубовая балюстрада.

Мы взошли наверхъ и, миновавъ какую-то, почти совершенно пустую комнату, вступили въ святое святыхъ.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, было дѣйствительно необыкновенныхъ размѣровъ сооруженіе съ высоченною спинкой, стоявшее у противоположной стѣны и болѣе походившее на разрубленный пополамъ Ноевъ ковчегъ, чѣмъ на диванъ.

Три окна, полузакрытыя тяжелыми портьерами изъ пестрой ковровой ткани, пропускали свѣтъ на правую стѣну; всю ее закрывали ряды книгъ, разставленныхъ на открытыхъ полкахъ; между окнами, у средняго простѣнка, умѣщался круглый столикъ съ граммофономъ на немъ; по бокамъ возвышались два готическихъ кресла, обитыя, какъ и диванъ, тою же ковровой тканью. Среди книгъ царилъ хаосъ: мѣстами онѣ лежали кучами, многія были

растрепаны и не переплетены. У полокъ стояла бѣльевая корзина, наполненная ими же.

— Вы это все намѣрены сжечь? — съ ужасомъ спросилъ я приказчйка, указывая на полки.

— Зачѣмъ-же все-съ? — отвѣтилъ онъ, — только что безъ переплетовъ, то приказали баринъ изничтожить! Изволите сами видѣть — срамота вѣдь, лавочка на толкучкѣ, а не какъ въ Европѣ-съ!

— Значитъ, можно будетъ отобрать у васъ кое-что изъ того, что безъ переплетовъ?

— Да хоть всѣ заберите-съ — для насъ одно удовольствіе! И эту дубину сожгемъ!—угрожающе добавилъ онъ, видя, что я снялъ съ полки одну изъ лежавшихъ поперекъ нея книгъ большого формата, — хоть и въ переплетѣ, а никуда не входитъ! Что не подъ ранжиръ, все, значитъ, приказали баринъ похерить!

— Да самъ то онъ пересматривалъ книги?

Приказчикъ даже какъ будто обидѣлся.

— Что вы-съ? до этого они, извините, не доходятъ-съ! Они что стеклышко всегда, а тутъ изволите видѣть что — развратъ-съ. Мнѣ приказано: — «На эти книжки», изволили они сказать-съ — «только смотрѣть возможно, а читать ихъ не мысленно-съ»! А вотъ не угодно-ли взглянуть на диванъ: книжечка кожаная на подушкахъ лежитъ, та самая-съ, что покойный баринъ въ ручкахъ передъ сномъ держивали... Чтобы не соврать, годовъ двадцать здѣсь ее помню!

Я развернулъ ее: то было туманное «англійское твореніе Іонга: «Плачъ, или ночныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи», изданное въ Петербургѣ въ 1799 году.

— Каждый день онъ ее читалъ? — удивился я.

— Нѣтъ-съ... въ ручкахъ только держали, для сну, такъ я полагаю-съ! Однако, самоваръ, надо быть, уже на столѣ; пожалуйте откушать сперва, а потомъ, коли вамъ въ охоту съ книжками разбираться, воротиться сюда можно-съ!

Мы сошли внизъ, въ сплошь отдѣланную темнымъ дубомъ, длинную столовую. Рѣзной, великолѣпный буфетъ словно монументъ вздымался въ глубинѣ ея. На овальномъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, пускалъ пары никелированный самоваръ, имѣв-

шій видъ вазы; поодаль стоялъ обѣденный приборъ для одного и фарфоровое плато съ нарѣзаннымъ чернымъ хлѣбомъ.

Мгновенно, съ той же стороны, откуда мы вошли, вывернулся Гамлетъ съ подносомъ въ рукѣ, на которомъ помѣщалась тарелка съ яичницей и маленькое блюдо съ цыпленкомъ.

— Пожалуйте-съ! — произнесъ приказчикъ, отодвигая для меня стулъ.

Я сѣлъ.

— Присаживайтесь и вы со мной, Петръ Ивановичъ! — сказалъ я, указывая на сосѣдній стулъ.

Приказчикъ даже покраснѣлъ отъ неожиданности.

— Что вы, помилуйте-съ?!.. я и постою!..

— Садитесь, садитесь, — настойчиво потребовалъ я, — побесѣдуемте, мнѣ одному скучно. Чайку вмѣстѣ попьемъ...

Послѣ нѣсколькихъ повтореній съ моей стороны, приказчикъ откашлянулся, присѣлъ напротивъ меня, и сталъ разглаживать бородку, имѣвшую видъ дѣтской лопатки. Гамлетъ стоялъ, какъ въ столбнякѣ, раскрывъ ротъ и не сводя съ насъ немигающихъ бѣлесоватыхъ глазъ.

Приказчикъ покосился въ его сторону.

— Пшолъ вонъ! — вполголоса, внушительно произнесъ онъ. Малый встрепенулся и пропалъ въ мгновеніе ока.

— Ужъ вы извините, совсѣмъ онъ дурашный! — обратился ко мнѣ приказчикъ. — Уткнется вотъ эдакъ въ кого-нибудь глазами — до утра, выпучившись, простоять можетъ.

— А почему его Гамлетомъ зовутъ?

— А вы ужъ знаете-съ? Да, вѣдь, какъ же не Гамлетъ, глупъ онъ очень! — Приказчикъ вдругъ тряхнулъ головой и усмѣхнулся. — Баринъ, конечно, все это произвели: кіятеръ тутъ со скуки на Рождествѣ затѣяли. Этого самаго Ваньку въ Гамлеты поставили, а Глафиру, горничную, въ Офеліи. Съ тѣхъ поръ ихъ такъ все и кличутъ-съ!

— Ну, а что же вышло изъ этого театра? — заинтересовался я. — Разскажите пожалуйста все.

— Оно занятно, конечно-съ! — согласился приказчикъ, — такое можно сказать вышло, что чуть не до самоубивства публика отъ смѣху дошла. По-настоящему все производили, какъ въ заправ-

скомъ театрѣ-съ. Костюмы актерамъ пошили, на Ваньку парикъ долгогривый нацѣпили, шпагу на бокъ ему повѣсили. Офелію въ бѣлое платье обтянули; полная она у насъ очень, такъ будто въ трикѣ въ какомъ вышла. Гостей созвали только особыхъ-съ, съ пониманіемъ которые. Подняли это занавѣсъ, первымъ Ванька отжаривать началъ: «либо быть, либо нѣтъ» отчиталъ. Ну, въ публикѣ смѣшокъ. А какъ проголосилъ про стоптанные башмаки — того пуще-съ; одинъ гость плакали даже! Потомъ Офелія вышла, стали вдвоемъ раскомаривать: онъ по сценѣ отъ ней шарахается, она за нимъ, ловитъ его. Бѣжитъ она, а фасады у ней спереди и сзади въ землетрясеніи... Онъ ей:—«ты, говоритъ, мнѣ не нужна»! и все съ такой, знаете, съ дамской жестикуляціей. — «Иди въ монашенки, у меня по царству и безъ тебя всего достаточно!» Ну она — «ахъ-ахъ!» конечно, да басомъ, голосокъ-то у ней, что у протодьякона. Да цопъ за сердце себя — пронзило ее будто очень Гамлетово невѣжество. А ужъ какое тамъ, извините, сердце: два дни до него не дорыться; прямо, значитъ, за молочный бидонъ себя ухватила, а они у нея бутылокъ на двадцать кажный-съ! Публика выть начала: какъ поросята иные визжали, ей-Богу-съ! Одинъ баринъ, какъ откинулись назадъ въ креслѣ, такъ и вымолвить ничего не могли; хотятъ что-то сказать, а сами «икъ» да «икъ», — вмѣсто словъ только одни пузыри выходили! Такой потѣхи надѣлали — трое сутокъ потомъ въ себя придти не могли; до дрыганья ногъ доходили!

Смѣялся и я, и это придало куражу моему собесѣднику. Онъ нажалъ грушевидную кнопку электрическаго звонка, висѣвшую на лампѣ, и появился Гамлетъ.

— Скажи Глашѣ, чтобы ромку къ чаю принесла!.. — распорядился Петръ Ивановичъ.

Гамлетъ исчезъ. Приказчикъ деликатно подмигнулъ мнѣ.

— Нарочно велѣлъ Офеліи придтить!.. — сказалъ онъ, — сами взгляните какова!

Приказанія въ этомъ домѣ исполнялись, какъ по щучьему велѣнію; очевидно, Батеньковскіе досуги были велики и обильны и онъ посвящалъ ихъ на дрессировку слугъ. Не прошло и трехъ минутъ — въ дверяхъ показалась невысокая, полная дѣвушка, лѣтъ двадцати четырехъ. Круглое бѣлое лицо ея съ густымъ здоровымъ

румянцемъ было миловидно и только густыя, черныя брови, крутымъ изломомъ сросшіяся на переносицѣ, придавали ей что-то грозное и нѣсколько портили общее пріятное впечатлѣніе. Изъ-подъ нихъ привѣтливо глядѣли большіе каріе глаза.

Въ обнаженныхъ до локтя бѣлыхъ рукахъ она держала подносикъ съ порядочныхъ размѣровъ хрустальнымъ графинчикомъ, наполненнымъ темно-красной жидкостью.

— Здравствуйте... — глубокимъ груднымъ контральто произнесла она, наклоняя голову такъ, какъ давно уже разучились дѣлать это женщины городовъ. Неторопливо она поставила около меня графинчикъ и обратилась къ Петру Ивановичу.

— Баринъ гдѣ ночевать будутъ: — въ диванной?

— Да, — отвѣтилъ тотъ, — тамъ сготовьте постелю...

Дѣвушка удалилась.

— Видали? — спросилъ, выждавъ съ минуту, приказчикъ.

— Красивая!.. — отвѣтилъ я. — Очень пріятное лицо у нея!..

Я подлилъ своему собесѣднику въ чай хорошую порцію рома и онъ сдѣлался еще разговорчивѣй. Изъ разсказовъ его я узналъ, что баринъ его недавно окончилъ Петербургскій лицей и всевозможныя подробности изъ жизни семьи Батеньковыхъ. Молодой хозяинъ вырисовался передо мной во весь свой ростъ: выхоленный, несомнѣнно неглупый, кандидатъ въ чудаки, а, быть можетъ, въ герои, или подвижники: у насъ, на Руси, такое «лампопо» водится.

Послѣ третьяго стакана я поднялся и снова отправился въ библіотечную продолжать пересмотръ книгъ. Раскраснѣвшійся, съ блестѣвшими глазами, Петръ Ивановичъ, перемѣстившій въ свою утробу больше полуграфина рома, увязался за мной. Шелъ онъ на этотъ разъ уже безъ прежней почтительности, крѣпко ступалъ на каблукъ и разговаривалъ отнюдь не вполголоса. Частица «съ», уснащавшая его рѣчь до чая, была имъ забыта.

Спутникомъ на этотъ разъ онъ оказался довольно непріятнымъ, такъ какъ все время разглагольствовалъ и отвлекалъ меня своей болтовней отъ дѣла. Я не слушалъ и лишь изрѣдка подавалъ ему краткія реплики.

Пересматривалъ я только книги безъ переплетовъ и наткнулся среди нихъ на значительное количество весьма любопытныхъ.

Среди таковыхъ имѣлись: изданная въ очень маломъ количествѣ экземпляровъ въ 1872 году въ Варшавѣ «Наша семейная лѣтопись» Авенаріусовъ, очень рѣдкія воспоминанія Бурнашева, путешествія въ Нижній и въ Кіевъ Долгорукаго и др. И вдругъ глаза мои наткнулись на двѣ старинныя, едва затиснутыя на полку книги въ четверку, съ полустертыми натисками на корешкахъ — «Житіе и славныя дѣла Петра Великаго».

У меня екнуло сердце. — Неужто это Θеодози? неужто Венеціанское изданіе?! — думалъ я, съ усиліемъ высвобождая большіе томы. Наконецъ, я вытащилъ одинъ и развернулъ: оно и есть. Съ титульнаго листа на меня глянуло: — «Венеція 1772 года».

— А эти будете жечь? — спросилъ я не своимъ голосомъ.

Приказчикъ сидѣлъ, развалившись въ креслѣ.

— Эту? — тономъ судьи произнесъ онъ, принимая отъ меня книгу и взвѣшивая ее на рукѣ. — Будемъ!

— Значитъ я могу ихъ взять?

— Всенепремѣнно!..

Я все еще не вѣрилъ своему счастью.

— Навѣрное сожгли-бы, правда?

— Не утруждайте себя безпокойствомъ! — небрежно отвѣтилъ онъ; — есть о чемъ разговоръ имѣть?

Я молча отложилъ драгоцѣнныя книги къ кучкѣ уже отобранныхъ мной. Немного погодя опять попалась переплетенная книжка, тоненькая и большого размѣра. Я раскрылъ ее. То были письма царевича Алексѣя Петровича, увидавшія свѣтъ въ Одессѣ въ 1849 году.

— Эта тоже не подъ ранжиръ? — уже смѣло заявилъ я, показывая свою находку.

— Крысиная снѣдь... въ печку! и охота вамъ соприкасаться, ей Богу, пылища, паутина!..

Я присоединилъ и ее къ своимъ.

Становилось уже темно и приходилось отложить окончаніе моей ревизіи до утра.

Приказчикъ, несмотря на мои протесты, забралъ въ охапку всѣ отложенныя мной книги и самъ понесъ ихъ.

— Ужъ и не знаю какъ благодарить васъ! — сказалъ я, идя съ нимъ по залу. — Такія это все интересныя книги, что и сказать

не могу; я и не видалъ никогда даже нѣкоторыхъ!..

— Помилуйте, что вы?! — воскликнулъ приказчикъ,—дерьма онѣ стоютъ! Для васъ оно, конечно, лестно, а для нашего барина — тьфу! Эдакую Азію въ домѣ развели — до невозможности! Въ два дни велѣно, чтобы все это какъ стеклышко было... какъ по ниточкѣ выровнять!

Въ моей комнатѣ Петръ Ивановичъ ссыпалъ на диванъ свою ношу, обтряхнулся и подалъ мнѣ руку съ растопыренными пальцами.

— Теперь до свиданьица! — произнесъ онъ: — спокойной вамъ ночи! А мнѣ еще распорядиться кое-чѣмъ надо!

Я остался одинъ со своими спасенными отъ огня сокровищами. Вѣрите-ли, читатель, схватилъ я оба старые, чуть тронутые червемъ тома Өеодози, прижалъ ихъ къ груди и сочно отчмокалъ ихъ: — такая радость, такой восторгъ наполняли меня!

День выпалъ необыкновенно удачный: рѣдкихъ книгъ и сильныхъ впечатлѣній набралось множество.

Я пересмотрѣлъ еще разъ свои находки и рѣшилъ пойти прогуляться. Черезъ залъ вышелъ я на обширную веранду. Изъ-за четырехъ массивныхъ бѣлыхъ колоннъ глянули темныя, мѣстами тронутыя золотомъ купы сада. Широкая лѣстница сводила въ него; у дома раскидывался цвѣтникъ, еще полный, несмотря на совсѣмъ близкую осень, разнообразныхъ цвѣтовъ.

За клумбами начиналась аллея.

Уже завечерѣло. Было тихо, такъ тихо, что ни одинъ листокъ не шевелился на вѣткахъ.

Я спустился въ цвѣтникъ и пошелъ влѣво среди георгиновъ всякихъ формъ и окрасокъ. Дорожка привела меня къ другой — боковой аллеѣ, и я, наслаждаясь свѣжестью и воздухомъ, медленно направился по ней. У поворота я остановился и оглядѣлся. Впереди чернѣла густая чаща: въ ней уже стояла ночь. Влѣво петлями бѣжала куда-то узенькая тропочка. Вправо пролегала березовая аллея, полная сумерекъ и бѣлыхъ привидѣній. Я свернулъ на тропку и черезъ нѣсколько минутъ очутился около шпалеры изъ низко подстриженной акаціи, служившей вмѣсто ограды. По ту сторону ея, за пыльной дорогой, поднимались сѣрыя дворо-

выя строенія, справа отъ нихъ, сейчасъ же за плетнемъ, вставала узкая полоса конопли. Изъ-за нея, словно косматыя шапки Робинзона, торчали соломенныя крыши крестьянскихъ избъ; дальше, на ясномъ, какъ-бы хрустальномъ блѣдномъ небѣ отчетливо рисовались зеленый куполъ и золоченый крестъ церковки. Стрижи сотнями рѣяли надъ нею: доносились звенящіе зовы ихъ, такіе родные угасанію дня...

Стукъ двери заставилъ меня отвести глаза отъ дали и оглянуться; изъ крайняго флигеля, вѣроятно изъ людской, не спѣша вышла Глаша. И только что она показалась, словно изъ подъ земли, изъ-за плетня выросла огромная, неуклюжая фигура безбородаго, здоровеннѣйшаго верзилы въ черномъ сюртукѣ и голубомъ галстукѣ.

— Офелія!! О, нимфа?!. — съ паѳосомъ, басомъ провыла фигура, съ размаху ударивъ себя въ грудь кулачищемъ.

Рядомъ надъ плетнемъ поднялась другая, совершенно такая же дубина, явно семинарскаго происхожденія.

— О, помяни меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ!! — на манеръ ектеніи проревѣла она.

Глаша шарахнулась въ испугѣ прочь, но опомнилась и остановилась.

— О, чтобъ васъ!! — разостлалось ея звучное контральто — бугаи!!

Она плюнула отъ всей души и поплыла къ дому.

За плетнемъ загрохотали какъ-бы двѣ телѣги, несущіяся по кочкамъ: заржали охваченные полнымъ телячьимъ восторгомъ семинары. Лицами оба они смахивали на инородческихъ идоловъ. Они обмѣнялись другъ съ другомъ парой словъ и кинулись въ коноплю.

Я вернулся къ аллеѣ и сталъ продолжать по ней путь.

Была совсѣмъ ночь, когда я, обойдя садъ, вернулся въ свою комнату.

Я раздѣлся, еще разъ пересмотрѣлъ книги и съ чувствомъ полнаго удовлетворенія задулъ свѣчу и растянулся на прохладной, бѣлоснѣжной простынѣ. Но сна не было. Напрасно я ворочался съ бока на бокъ на мягкомъ пружинномъ диванѣ: мысль продол-

жала оставаться наверху, у невѣдомыхъ еще книгъ, и искала тамъ новыя драгоцѣнности.

— Лежать сдѣлалось невтерпежъ. Я сѣлъ, зажегъ свѣчу и взглянулъ на карманные часы: была полночь.

Разсчитывать встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь въ домѣ не приходилось, и я, надѣвъ лишь мягкія туфли, въ одномъ бѣльѣ, со свѣчей въ рукѣ вышелъ изъ своей комнаты.

Залъ казался высокимъ, громаднымъ храмомъ. Я поднялъ свѣчу, чтобы освѣтить большее пространство впереди и шелъ беззвучно, какъ привидѣніе; паркетъ едва похрустывалъ. Знакомымъ путемъ добрался я до лѣстницы, взялся рукой за перила и вдругъ вспомнилъ, что тамъ, куда я иду, умеръ человѣкъ.

Я не суевѣренъ, но меня пощекотало непріятное чувство; я призадержался. Черезъ какой-нибудь мигъ я, конечно, поднимался дальше, тѣмъ не менѣе у бѣлой закрытой двери я прислушался, затѣмъ нажалъ ручку, отворилъ дверь и освѣтилъ комнату.

Все въ ней было, какъ раньше. Спящимъ слономъ вытягивался диванъ; портьеры длинными тѣнями свѣшивались отъ потолка до пола, на полкахъ вкривь и вкось, еще безобразнѣе, чѣмъ днемъ, торчали натырканныя кое-какъ книги. Было душно.

Непріятное ожиданіе чего-то непостижимаго, гнѣздившееся въ глубинѣ души, исчезло совершенно. Я поставилъ свѣчу рядомъ съ граммофономъ, распахнулъ окна и погрузился въ работу. Торопиться было некуда, я любовался одними изданіями, пробѣгалъ глазами другія, иными зачитывался...

Не знаю который былъ часъ, когда я кончилъ — вѣроятно, очень поздній. Кресло, на которомъ я сидѣлъ, оказалось окруженнымъ валомъ изъ отобранныхъ мною книгъ. Рѣдкостей среди нихъ не имѣлось, но интересныхъ было много и оставлять ихъ на жертву огню было-бы непростительно.

Свѣча моя сгорѣла почти вся; я всталъ и почувствовалъ утомленіе; давно было пора идти спать, но уходить не хотѣлось. Предчувствовался разсвѣтъ, черное, искрившееся звѣздами небо начало блѣднѣть... Гдѣ-то далеко, далеко пропѣлъ пѣтухъ, за нимъ — еще дальше — второй, третій... И опять оковала все волшебная тишина.

Мнѣ захотѣлось завести граммофонъ и услыхать звуки, вмѣстѣ съ которыми улетѣла въ это окно душа человѣка. Стало даже казаться, будто я вижу его лежащимъ на диванѣ — такого грузнаго, съ большимъ, облысѣлымъ лбомъ и добродушнымъ лицомъ, выбритымъ начисто.

Я покрутилъ ручку механизма и пустилъ кругъ, а самъ сѣлъ на подоконникъ. Раздалось шипѣніе, пробѣжала по невидимому фортепьяно хрустальная прелюдія, и невѣдомыя струны трепанули по струнамъ гитаръ и мандолинъ: зазвенѣла и завертѣлась, вся въ колѣнцахъ и выкрутасахъ, когда-то знаменитая,развеселая полька-трамблянъ.

Я слушалъ, не отрывая глазъ отъ звѣзднаго неба. Не думалось, а чувствовалось. И прежде всего было неизъяснимо странно, что хозяина нѣтъ, что онъ ушелъ навсегда, а въ опустѣвшемъ домѣ очнулась и поетъ и хохочетъ все та же полька-трамблянъ...

Хрипъ и трескъ смѣнили музыку; я поспѣшилъ остановить кругъ и, взявъ свѣчу, отправился къ двери. Огромная черная тѣнь выросла на стѣнѣ рядомъ со мною. Я не хотѣлъ ея сопровожденія, вытянулъ впередъ руку съ огнемъ, и она исчезла.

Уснулъ я у себя, какъ пристрѣленный.

Утромъ, только я открылъ глаза, первое, что отразилось въ нихъ, были пріотворенная дверь и выглядывающая изъ-за нея обезпокоенная физіономія съ бабочкой. Бабочка этотъ разъ была весьма встрепанная.

Увидавъ, что я проснулся, Гамлетъ вошелъ въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ-съ, баринъ! — произнесъ онъ,забирая для чистки мое платье. — А мы ужъ усмлѣвались, все-ли съ вами благополучно?

— Да развѣ-жъ я такъ заспался?

Я схватился за часы: они показывали всего восемь.

— Не во снѣ дѣло-съ!—таинственно отвѣтилъ Гамлетъ и слегка нагнулся ко мнѣ, держа на рукѣ мои вещи. — Баринъ покойный опять этой ночью по дому ходили-съ! — вполголоса доложилъ онъ.

— Что за чушь?! — воскликнулъ я.

Гамлетъ отрицательно качнулъ головой.

— Ей-Богу-съ! — съ непоколебимымъ убѣжденіемъ подтвердилъ онъ. — Вчерась на ночь глядя вамъ побоялся доложить, а у насъ въ дому очень нечисто-съ.

— Да что-же произошло?—все еще не соображая въ чемъ дѣло, спросилъ я.

— На граммофонѣ ночью упокойникъ играли-съ! — совсѣмъ понизивъ голосъ, сообщилъ Гамлетъ, — сторожъ въ саду ходилъ, да вдругъ видитъ свѣтъ бариновy комнату наверху осіялъ. Такъ онъ и обмеръ-съ! А тамъ вдругъ какъ вдарятъ комаринскаго, да въ плясъ: визгъ, крики-съ!.. упаси Господи!! Сторожъ дубинку шваркъ, да домой по цвѣтамъ безъ памяти! ума рѣшился, ей-Богу-съ! Жена, значитъ, перепугалась, пытаетъ его — что, молъ, стряслось съ тобой, а онъ только ва-ва-ва... по-волчьи зубами лязгаетъ-съ! Водки въ него вкатили полбутылки — отошелъ, разсказалъ, что видѣлъ. Истинно страсти!!

Мнѣ стало неудержимо смѣшно.

Я сѣлъ и сдѣлалъ видъ, будто усиленно сморкаюсь въ платокъ.

— Кого-же онъ видѣлъ? — справился я.

— Барина-съ! Нечистыхъ полонъ домъ былъ: оно понятно-съ — безъ покаянія, вѣдь, скончались!..

Разубѣждать его не приходилось — такая глубокая вѣра дышала въ каждомъ его словѣ.

Гамлетъ ушелъ, а я легъ въ ожиданіи его возвращенія навзничь и закинулъ руки за голову. Мнѣ вдругъ пришла мысль,— а что-бы я почувствовалъ, если-бы произошло чудо, и вчера въ залѣ, или отворивъ дверь въ библіотеку, я лицомъ къ лицу столкнулся-бы съ мертвымъ Батеньковымъ?

Дать себѣ отчета я не успѣлъ; Гамлетъ принесъ платье, помогъ мнѣ умыться, и я отправился въ столовую.

Тамъ меня уже ждала Глаша съ кофе, съ булочками и чудесными сливками; все было подъ стать ей — бѣлое, румяное, свѣжее.

Гамлетъ бросился отодвигать мнѣ стулъ. Глаша стала наливать кофе.

Можно было подумать, что я хозяинъ Вихровки. Все это меня забавляло и я рѣшилъ подшутить надъ Гамлетомъ.

— Можно будетъ васъ попросить принести мнѣ книги?—обратился я къ нему.

— Какія-съ?—на лицѣ его написалась готовность немедленно летѣть хоть за тридевять земель.

— Сверху, изъ библіотеки. Онѣ тамъ около кресла лежатъ, вчера не захватилъ я ихъ!

Гамлетъ такъ и остался стоять согнувшись. Лицо его побурѣло, глазки все больше и больше стали разъѣзжаться врозь и сдѣлались совсѣмъ безсмысленными.

— Сверху-съ? — пролепеталъ онъ.

— Да...

Гамлетъ пошевелилъ пальцами, какъ тараканъ усами, и глянулъ по сторонамъ, будто ища выхода.

— День, вѣдь, бѣлый! — спокойно, какъ-бы въ сторону, замѣтила Глаша.

Гамлетъ хмыкнулъ носомъ и направился къ двери; ни прыти, ни развязности въ немъ не осталось и слѣда.

— Что это онъ какъ будто боится идти наверхъ? — освѣдомился я у Глаши.

— Кто-же его знаетъ? — не глядя на меня отвѣтила Глаша,— опасаются у насъ этой комнаты: баринъ старый тамъ померли!

— Что-же, является онъ тамъ, что-ли?

— Я не видала. А что плетутъ другіе, такъ вѣдь всего не переслушаешь!

Я поблагодарилъ ее за кофе и отправился разыскивать своего возницу и приказчика.

Выйдя изъ подъѣзда, я услыхалъ голоса, доносившіеся со двора изъ-за куртины. Сначала я не разобралъ кто говорилъ, и только черезъ нѣсколько шаговъ убѣдился, что надменный и повелительный голосъ принадлежалъ Гамлету.

— Трусъ паршивый! — съ неизъяснимымъ презрѣніемъ говорилъ онъ. — Чего ты боишься: вѣдь день бѣлый? Что это передъ сопаткой-то у тебя — солнце, или нѣтъ?!

— Солнце! — отвѣтилъ голосъ мальчика, — а ежели тамъ за ногу ухватитъ кто?

— Какъ-же, на, баринъ и померъ, чтобъ тебя за ноги ловить! Э-эхъ!!. тьма деревенская!

— Дяденька, вы сами-же сказывали, что вы ерой? Вотъ вы-бы и принесли? — ядовито и вмѣстѣ съ тѣмъ чуть не плача возразилъ мальчикъ.

— Есть мнѣ время паутину на себѣ разводить! — отрѣзалъ Гамлетъ. — Маршъ, коли приказываю! А коли душа у тебя курячья, такъ Митьку покличь съ собой. Ноги въ руки и чтобы въ секундъ оборотъ сдѣлать! Всѣ до одной забрать, что вкругъ кресла лежать!

Гамлетъ засвисталъ мотивъ изъ оперетки «Мадамъ Анго» и зашагалъ въ противоположную отъ меня сторону.

Я вышелъ изъ-за куртины; Гамлета уже не было, а по двору, съ видомъ побитой собаки, уныло плелся мальчикъ въ красной рубахѣ, лѣтъ двѣнадцати. Ни приказчика, ни моего Мирона дома не оказалось: Петръ Ивановичъ съ ранняго утра уѣхалъ въ поле и его ждали съ минуты на минуту; Миронъ отлучился на деревню.

Я попросилъ встрѣтившагося работника прислать ко мнѣ Петра Ивановича, когда онъ возвратится, а самъ прошелся по саду и вернулся въ домъ.

Въ столовой меня поджидалъ Гамлетъ. Бабочка его была уже прилизана и на лицѣ отражалось полное самодовольствіе.

— Готово-съ... всѣ книжки у васъ! — произнесъ онъ.

— Сами принесли?

— Самъ-съ, конечно!.. Кому-жъ поручить? Народъ необразованный-съ!..

Не больше какъ черезъ четверть часа появился въ запыленныхъ сапогахъ и въ разстегнутомъ темно-синемъ кафтанѣ приказчикъ; въ рукахъ его были картузъ и ногайка — видимо, человѣкъ только что успѣлъ спрыгнуть съ сѣдла.

— Здравія желаю-съ!—весело произнесъ онъ,—какъ изволили почивать?

— Отлично, спасибо! — отвѣтилъ я, протягивая ему руку; онъ пожалъ ее съ меньшей развязностью, чѣмъ наканунѣ. — Собираюсь сейчасъ уѣзжать, такъ хотѣлъ проститься съ вами!

— Что-же такъ мало погостили-съ? Поживите еще?

— Никакъ нельзя: — дѣла ждуть! А я безъ васъ докончилъ просмотръ книгъ, такъ будьте добры, взгляните, могу-ли я ихъ всѣ взять?

— Всѣ и берите-съ...

— Нѣтъ, а все-таки посмотрите...

— Да гдѣ онѣ?

— Въ диванной.

Приказчикъ вошелъ въ нее вмѣстѣ со мной.

— Эти-съ? — спросилъ онъ, ткнувъ ногой въ бѣльевую корзину съ книгами.

— Да.

— Что-же туть смотрѣть-то? Навозъ, навозъ и есть. Берите-съ, коли нужны!

— Сколько-же я вамъ долженъ за нихъ?

Приказчикъ не понялъ.

— Чего-съ? — переспросилъ онъ.—Какъ это вы мнѣ должны?

— Да за книги? Я, вѣдь, хочу купить ихъ у васъ!

Петръ Ивановичъ развелъ руками.

— Господь съ вами, сударь! Да за что-же тутъ съ васъ деньги брать; въ стыдъ даже такой разговоръ считаю-съ! Ни-ни-ни-съ!!. — рѣшительно запротестовалъ онъ,видя, что я собираюсь возражать: — да за такое дѣло меня баринъ въ двадцать четыре вздоха выгонять-съ!

— Ну, такъ позвольте поблагодарить васъ за безпокойство и любезность! — произнесъ я,вынувъ десятирублевку и протягивая ее приказчику.

Онъ отступилъ на шагъ назадъ и прижалъ къ сердцу руку съ картузомъ.

— Не возьму-съ!.. какое такое было мое безпокойство?

— Вы меня обидите, если не возьмете!—твердо заявилъ я:— я же пользовался вашимъ гостепріимствомъ и прошу это принять, какъ отвѣтное угощеніе!

— Да напрасно-съ!!.

— Нѣтъ, не напрасно: это мой маленькій знакъ вниманія къ вамъ!

— Ей-Богъ напрасно-съ! — пробормоталъ Петръ Ивановичъ,

принимая бумажку и пряча ее.—Весьма благодарны-съ!.. — онъ протянулъ мнѣ руку и почтительно встряхнулъ мою.

— А это, пожалуйства, вашему барину передайте,—я досталъ свою визитную карточку. — Скажите ему, что очень сожалѣлъ, что не удалось повидать его.

— Безпремѣнно-съ... все передамъ!

— Можно будетъ попросить васъ послать сыскать моего Мирона и велѣть ему запрягать? Да, кстати, не найдется-ли у васъ веревочки, книги перевязать?

— Сію секунду все будетъ!

Онъ ушелъ и прислалъ Гамлета съ клубкомъ толстой бичевки. Я бережно, самъ, не довѣряя рукамъ принца, могшимъ въ пылу усердія затянуть книги до порѣза полей, перевязалъ ихъ. Вышло пять большихъ пачекъ, всего пудовъ на шесть вѣсомъ.

Гамлетъ ухитрился захватить три связки, Глаша двѣ, я забралъ остальныя вещи, и мы вышли на подъѣздъ. Лопоухіе бѣлячки уже ожидали меня; Петръ Ивановичъ и Миронъ стояли и бесѣдовали около нихъ.

Возница мой, открывъ ротъ, обозрѣлъ пачки съ книгами, которыя Гамлетъ принялся размѣщать въ бричкѣ, затѣмъ влѣзъ на козлы. Я далъ Глашѣ и Гамлету на-чай; первая освѣтилась улыбкой, второй низко раскланялся. Приказчику я пожалъ руку и,какъ архіерей, бережно подсаживаемый подъ ручку Гамлетомъ, устроился на сидѣньѣ.

— Добраго пути!!.—проводилъ меня хоръ изъ трехъ голосовъ.

— Прощевайте,Петра Иванычъ!—крикнулъ Миронъ,и мы выкатились на дворъ.

Тамъ уже опять дѣйствовала инквизиція: какой-то молодой парень вилами ворошилъ плохо горѣвшія книги.

— Фиверки!—вскрикивалъ онъ, подбрасывая высоко на воздухъ кучи пылавшихъ листовъ.

Садъ закрылъ домъ, потянулись шпалеры изъ акацій, показались четыреугольные, каменные столбы воротъ, и мы очутились въ полѣ.

— Ты это что-же—купилъ? — спросилъ Миронъ,указывая на книги.

Въ тонѣ его ни прежней почтительности, ни заискиванья не было и въ поминѣ.

— Купилъ, — отозвался я.

— А сказывалъ — овесъ покупать ѣдешь?

— Это, братъ, ты сказывалъ, а не я! — поправилъ я.

— Ну? А хоть-бы и я: на дѣло вѣдь надоумливалъ! Дешево-бы взялъ!..А ты ишь чего набралъ!..—Миронъ неодобрительно покачалъ головой.. — То-то думалъ я: жидокъ ты для купца!

Нѣкоторое время мы ѣхали молча.

— На что тебѣ книжки-то? — заговорилъ опять Миронъ. Мысль о нихъ, видимо, не давала ему покоя.

— Читать.

— Эдакую уймищу? Это, братъ, зачитаешься!!.

Онъ опять качнулъ головой и собралъ ротъ въ видѣ комка.

— А пачпортъ-то у тебя есть?—вдругъ строго спросилъ онъ.

— А тебѣ на что?

— Да Богъ-же тебя знаетъ кто ты такой? Можетъ тебя не возить, а по начальству я предоставить должонъ? Одинъ вотъ возилъ такого-же у насъ по уѣзду съ книжками, да до острога и довозился!..

У меня было необыкновенно весело на душѣ; не малую роль въ этомъ играло и то, что я невольно населилъ чертями усадьбу Батеньковыхъ; забавенъ былъ и мой встревожившійся возница; если-бы я везъ тигра, вѣроятно, онъ былъ-бы обезпокоенъ гораздо меньше.

— Не сумлѣвайся, — въ тонъ отвѣтилъ я ему: — и паспортъ есть и бумагу особую на разъѣзды имѣю отъ начальства!..

— Съ печатью?

— Съ орломъ даже!

Миронъ просіялъ.

— Ну, тогда дѣло свято! — воскликнулъ онъ: — а ужъ я бы-

ло высаживать тебя хотѣлъ, ей-Богу! Долго-ли до грѣха; сейчасъ тебя урядникъ за хвостъ и пожалуйте! По-настоящему, какъ я понимаю, всѣ книжки собрать, да въ землю зарыть слѣдоваетъ: одинъ вредъ отъ нихъ! Живетъ человѣкъ, какъ человѣкъ, можно сказать хозяйственный, а почитаетъ въ книжку — и шабашъ: — сейчасъ коней воровать, либо пьянствовать почнетъ! На что ты ихъ, скажи на милость, скупаешь?

— Не однѣ книжки, я всякую старину собираю: тарелки, чашки фарфоровыя, серебро, все что придется...

— Ну,такъ, такъ,такъ!!.—совсѣмъ успокоившись,сказалъ Миронъ. — Это ничего, это дозволяется!

Онъ подхлестнулъ лошадокъ.

— Теперича къ Павлихѣ, стало быть. Ѣдемъ?

— Къ Павловой! — поправилъ я.

— Ну вотъ и я тоже говорю! Эта баба жжоохъ!—высокой нотой протянулъ Миронъ: — этой пальца въ ротъ не клади-и-и! Эта облапошитъ!!.

— А далеко до нея?

— До Павлихи-то? къ полднямъ будемъ... Э-эхъ вы, развеселые! — воскликнулъ онъ, опять подхлестывая едва тащившихся коньковъ. Миронъ принялся мнѣ повѣствовать о мѣстныхъ помѣщикахъ, я его слушалъ краемъ уха и глядѣлъ по сторонамъ.

Кругомъ было приволье. Подувалъ легкій свѣжій вѣтерокъ; справа, среди жнивья, вставала семья изъ трехъ кургановъ въ зеленыхъ кустарниковыхъ шапкахъ; ни души не замѣчалось кругомъ.

Какая радость жить и бродить по свѣту!!

Солнце перешло за полдень, когда мы шагомъ перебрались по животрепещущему мосту черезъ неподвижную, какъ-бы застывшую узенькую рѣчонку, и въѣхали въ тѣсный дворъ усадьбы Павловой.

Двухъ-этажный господскій домъ былъ невеликъ и болѣе походилъ на Петербургскую дачу, чѣмъ на помѣщичье обиталище.

Миронъ остановился у крыльца, съ котораго насъ созерцала босоногая дѣвчонка лѣтъ двѣнадцати.

— Барыня дома? — спросилъ я, сойдя съ брички.

Дѣвчонка не отвѣчала и не двигалась.

— Ай уснула?—крикнулъ ей Миронъ:—подь,умница, скорѣй, доложь барынѣ, гость, молъ, изъ Петенбурха пріѣхалъ!

Дѣвчонка,какъ заяцъ,шарахнулась въ комнаты.Тамъ поднялся переполохъ: въ одно изъ оконъ глянуло молодое, очень полное женское лицо, за нимъ выставилось другое, еще болѣе круглое, потомъ безцеремонно уставилась на меня какая-то тощая и носатая старуха, свирѣпаго вида.

Я остался около брички, наблюдая за носившимися по комнатамъ обитательницами дома, и дѣлалъ видъ, что обозрѣваю дворъ.

Минутъ черезъ пять подъѣздъ точно выстрѣлилъ тою-же дѣвчонкой: взволнованная и пылавшая, что кумачъ, она вылетѣла на крыльцо и остановилась.

— Велѣли иттить! — возгласила она.

Я послѣдовалъ за нею и, миновавъ тѣсную переднюю, попалъ въ гостиную; мягкую мебель покрывали чехлы, высокую стоячую лампу окутывала бѣлая тряпка, картины на стѣнахъ были аккуратно закрыты газетами. Въ гостиной никого не было. Дверь, ведшая изъ нея въ другія комнаты, была затворена,и за нею слышался шорохъ и неясный шопотъ: за мной, очевидно, подглядывали.

Прошло еще минутъ десять, и таинственная дверь наконецъ распахнулась: изъ нея сперва выставилась необычайныхъ размѣровъ грудь, а затѣмъ величественно появилась дама лѣтъ сорока, подрумяненная и съ подведенными бровями. Видно было, что ее только что затянули въ корсетъ и едва-едва втиснули въ давно ставшее узкимъ свѣтлое платье; руки ея у плечъ походили на окорока, и она несла ихъ на манеръ борца, шествующаго на парадѣ.

За ней, взявшись подъ руки, скромно выступали двѣ видѣнныя мною дѣвицы: обѣ обѣщали перещеголять тѣлесными статьями маменьку, и обѣ, повидимому, испытывали тѣ же непріятности отъ корсетовъ и платьевъ. На пухлыхъ устахъ мамаши играла пріятная улыбка, но сѣрые холодные глаза въ плутовствѣ губъ не участвовали и имѣли опредѣленно непріятное выраженіе. Я представился и объяснилъ цѣль моего визита.

— Очень рады, очень рады. — любезно произнесла она. И въ то же время глаза ея старались проникнуть не только въ мою подоплеку, но и въ мои карманы.

— Разумѣется, у насъ всего множество; мы не знаемъ даже куда дѣваться отъ всѣхъ этихъ книгъ и бездѣлушекъ! Въ старыхъ дворянскихъ фамиліяхъ всегда, знаете ,накапливается бездна интересныхъ вещей!

— А книгъ у васъ много?

— О, Господи, чего у насъ нѣтъ! Онѣ у меня такія любознательныя, — она кивнула головой въ сторону своихъ двухъ грацій. — И фарфора сколько угодно. Удивляюсь я людямъ: теперь вѣдь, знаете, мода на фарфоръ, то и дѣло кто-нибудь пріѣзжаетъ покупать его. И деньги платятъ безумныя, я этого не понимаю:

странно, неправда-ли? У насъ и монеты есть замѣчательныя: вы интересуетесь?

— Да, — отвѣтилъ я, — и даже очень! Разрѣшите взглянуть на ваши собранія?

— Лили, Аннетъ, — обратилась хозяйка къ дочерямъ, — приготовьте въ столовой фарфоръ и коллекцію монетъ: она знаете гдѣ?

— Знаемъ! — сочно отозвались обѣ дѣвицы. И онѣ гуськомъ, потупясь и поджавъ бутонами губки, выбрались изъ гостиной.

У насъ начался свѣтскій разговоръ. Всякій жестъ Павловой, даже повороты головы, сопровождался легкимъ потрескиваніемъ обоевъ; прислушиваясь, я сообразилъ, что обои здѣсь не при чемъ, и что эти звуки исходятъ отъ платья моей собесѣдницы, очевидно собиравшагося разлетѣться въ лоскутья. Не безъ опасенія я ожидалъ свершенія этого событія и лицезрѣнія во всей красѣ новой Евы.

Пока я соображалъ все это, хозяйка успѣла поставить меня въ извѣстность, что покойный мужъ ея происходилъ изъ семьи, «оставившей видный слѣдъ въ нашей литературѣ», что они записаны въ шестой книгѣ, что она пѣвица и обворожила какъ сирена пѣніемъ какого-то губернатора, что у дочерей ея чудесные голоса и т. д.

Въ головѣ у меня началась стукотня; я кивалъ головой, дѣлалъ пріятное лицо, подмычивалъ, а самъ искоса посматривалъ на дверь, откуда должно было придти избавленіе.

Она наконецъ отворилась и показалась Лили — старшая дочка, раскормленная немного менѣе сестры. Не входя въ комнату, она заявила: — Готово, мама...

— Прошу! — благосклонно вымолвила хозяйка.. Мы поднялись съ мѣстъ и я очутился въ зальцѣ, гдѣ чахли два фикуса отражался въ длинномъ, потускнѣвшемъ трюмо старый рояль.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, была высокая и еще прямая вѣдьма, стоявшая опершись потемнѣлой, что мощи, рукой на рояль; на ней, какъ на огородномъ шестѣ съ перекладиной, висѣлъ засаленный до нельзя малиновый капотъ; сѣдая голова

ея тряслась, въ другой, опущенной, рукѣ она держала табакерку и платокъ ,состоявшій изъ однихъ табачныхъ пятенъ.

Ходить въ столь чумазомъ видѣ — привилегія только хозяевъ, а потому я поклонился ей на ходу, но она не отвѣтила даже кивкомъ и проводила меня испытующимъ взглядомъ. Въ зеркало я увидалъ, что старуха сдѣлала за моей спиной знакъ внучкамъ и тѣ подались къ ней.

— Въ оба глядите: еще стянетъ что-нибудь! — явственно и злобно прошептала вѣдьма.

— Ш-штъ!! — шикнули тѣ разомъ, поднявъ руки и оглядываясь.

— Ой, что лопнуло у меня? — съ испугомъ проговорила младшая, хватая себя подмышкою.

Я сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ и не видалъ ничего. Въ столовой на обѣденномъ столѣ словно только что играли дѣти: онъ былъ покрытъ множествомъ фарфоровыхъ дешевыхъ статуэтокъ, слоновъ, пастушковъ и пастушекъ, среди нихъ выдѣлялось нѣсколько стѣнныхъ тарелокъ и разрозненный японскій чайный сервизъ. Все было самое заурядное и самой старой вещи было развѣ лѣтъ двадцать.

Съ разочарованіемъ окинулъ я взглядомъ весь этотъ хламъ.

— А чего нибудь поинтереснѣе нѣтъ у васъ? — обратился я къ владѣлицѣ.

— Интереснѣе?! — изумилась та. — Но вѣдь это же все первоклассныя вещи? Взгляните, какая прелесть! — она схватила и подала мнѣ какую-то статуэтку изъ тѣхъ,что по сю пору заполняютъ оконныя выставки посудныхъ магазиновъ средней руки. — Вѣдь это же старина: — она еще съ Екатерининскихъ временъ у насъ хранится.

Барыня, очевидно, рѣшила, что я новоиспеченный собиратель, и вознамѣрилась поправить свои финансы самымъ безцеремоннымъ образомъ. Спорить о степени дѣйствительной древности статуэтки я не сталъ и попросилъ показать мнѣ коллекцію монетъ.

— Вотъ она! — произнесла старшая изъ дѣвицъ, высвобождая изъ-за своей спины руку и протягивая коробку изъ подъ конфектъ.

Я открылъ ее. На меня глянули полустертые Екатерининскіе пятачки, нѣсколько такихъ же, ничего не стоющихъ рублей Анны и Павла и разная мелочь. Я поставилъ коробки на столъ.

— Никуда не годятся! — сказалъ я. — И это все, что у васъ есть?

— Не понимаю, что вамъ тогда надо? — заявила недовольнымъ тономъ хозяйка и обвела рукой столъ съ разставленными на немъ богатствами. — Кажется, все рѣдкія, цѣнныя вещи!...

— А во сколько вы ихъ цѣните? — полюбопытствовалъ я.

Хозяйка испытующе поглядѣла на меня.

— Лили, сколько здѣсь предметовъ? — обратилась она къ старшей дочери.

— Фарфоровыхъ ровно пятьдесятъ, мама, — отвѣтила та.

— Ну вотъ видите... Если считать самымъ грошевымъ образомъ, ну, скажемъ, хоть по десять рублей, выйдетъ пятьсотъ рублей! Дешевле пареной рѣпы.

Я усмѣхнулся.

— Ваши вещи мнѣ не подходятъ, — сказалъ я — но разрѣшите мнѣ сказать, что это цѣна невѣроятная!

— Невѣроятная?! — маменька смѣрила меня глазами съ ногъ до головы. — А вы знаете почемъ теперь любители платятъ за фарфоръ: тысячи рублей за штуку!

— Штука штукѣ рознь. Но не забудьте, что фарфоръ не золото и цѣны на него начинаются съ двугривеннаго!

— Какая же ваша цѣна?

— Не цѣна, а оцѣнка! — поправилъ я. — На любителя, вмѣстѣ съ сервизомъ, рублей тридцать.

— Лили, убирай все прочь! — грозно приказала Павлова, отвернувшись отъ меня.

Я счелъ дальнѣйшее свое пребываніе излишнимъ.

— Прошу извиненія, что обезпокоилъ васъ! — произнесъ я. — Имѣю честь кланяться.

— Вы же собирались еще книги посмотрѣть? — сердито бросила она мнѣ черезъ плечо.

— Пожалуйста, покажите...

Аннетъ отворила дверцы низенькаго шкафика, стоявшаго

тутъ же, противъ стола. На три четверти онъ былъ полонъ всякаго рода учебниками, остальное населеніе его состояло изъ бульварныхъ романовъ, изданій Ахматовой, Библіотеки для Чтенія и даже Свѣта.

Я мелькомъ окинулъ взглядомъ полки и не прикоснулся къ книгамъ.

— Не подойдутъ и онѣ, — произнесъ я. — Всего хорошаго.

— Прощайте, — ледянымъ тономъ отвѣтила Павлова. — Очень жалъ, что васъ не интересуютъ рѣдкія вещи. Разумѣется. въ старинѣ понимать надо, не всякій ее знаетъ!

Я съ усмѣшкой согласился съ этой истиной и, не провожаемый никѣмъ, пошелъ изъ столовой.

Въ передней меня нагнала Аннетъ.

— Мама отдаетъ за четыреста! — быстро выговорила она.

Я пожалъ плечами. — Мнѣ такія вещи не нужны!..

Аннетъ съ оскорбленнымъ видомъ вскинула назадъ голову и осталась стоять выпятивъ впередъ шею, какъ индюкъ, собирающійся забормотать.

Миронъ сидѣлъ, согнувшись на подножкѣ, и поджидалъ меня.

— Что, ай ничего не купилъ? — спросилъ онъ, увидавъ, что я иду съ пустыми руками.

— Ничего! — отвѣтилъ я — дрянь все, а ужъ цѣну хотятъ!! — я только махнулъ рукой.

Позади послышался топотъ и на крыльцѣ появилась, вся расколыхавшаяся и запыхавшаяся, Лили.

— Хотите за двѣсти? это самая крайняя цѣна! — воскликнула она, остановившись у ступенекъ.

— Нѣтъ!

Лили совсѣмъ какъ мать вздернула плечи, повернулась и съ невыразимымъ презрѣніемъ вихнула мнѣ задомъ.

— Ахъ, мать честная?! — изумился Миронъ — смотри какая мода пошла — замѣсто головы задомъ кланяется?!

Бричка двинулась. Не успѣли вы отъѣхать и двухъ десятковъ сажень — позади послышался визгъ.

И я и Миронъ обернулись: за нами во всю прыть неслась босоногая дѣвчонка.

— Стойте! стойте! — верещала она поросячьимъ голосомъ.

Миронъ остановилъ лошадей.

— Велѣли воротиться! — едва переводя духъ, выкрикнула она, примчавшись къ намъ — за тридцать рублевъ отдаютъ!

— Скажи, что и даромъ не возьму!

Я засмѣялся.

— Да что ты покупалъ то у ей? — вмѣшался Миронъ.

— Куколки дѣтскія фарфоровыя хотѣла она всучить мнѣ!..

— За тридцать рублевъ?! — ужаснулся Миронъ. — Накося, выкуси!!. — вдругъ рѣшительно возгласилъ онъ, сложивъ всероссійское троеперстіе и нѣсколько разъ потыкавъ имъ чуть не въ самый разинутый ротъ дѣвченки. — Что мы деньги то бреднемъ въ рѣкѣ что ли ловимъ?!

— Э-эхъ вы, особливыя!! — онъ зачмокалъ на лошадей и тѣ затрусили рысцою. — Сказывалъ я тебѣ, жмотъ баба! — заговорилъ Миронъ, когда усадьба осталась за нами.

— Кулакъ въ юбкѣ! — отозвался я.

— Вѣрно! Вотъ ты и слушайся меня вдругорядь; я то знаю, куда тебя везти, куда нѣтъ! Зря только время на нее извели! А что, ваше благородіе, пора бы лошадокъ покормить и самимъ пообѣдать?

— Что, иль плохо угостили тебя у Павловой? — пошутилъ я.

Миронъ пренебрежительно сплюнулъ.

— Тамъ угостятъ: мордой объ столъ рази?.. А тутъ за бугромъ скоро село будетъ, трактеръ тамъ — ну, я тебѣ скажу, въ Питерѣ такой поискать! съ машиной, ей Богу!

— Ѣдемъ въ трактиръ! — согласился я.

Миронъ откинулся назадъ и задергалъ коньковъ. — Но, но, развеселыя!! — крикнулъ онъ съ довольнымъ видомъ. Лошадки прибавили ходу и скоро со взгорка открылось большое село, вытянувшееся вдоль широкаго большака, обсаженнаго дуплистыми березами, еще Екатерининской посадки. Будто зеленая рѣка протекъ онъ по желтымъ полямъ между двухъ черно-синихъ морей-лѣсовъ, облегшихъ горизонтъ слѣва и справа.

Почти по серединѣ села подымался пятиглавый красный каменный храмъ съ отдѣльною колокольней. Село, видимо, было изъ богатыхъ.

Мы спустились въ низину и черезъ проулокъ попали на улицу. Съ обѣихъ сторонъ вставали просторныя,высокія избы; многія были крыты тесомъ, а иныя даже желѣзомъ.Съ крышъ глядѣли рѣзные коньки; бѣлыми и синими заплатами пестрѣли раскрашенныя ставни.

Мы миновали старый, обширный домъ съ приколоченною надъ шатровымъ крылечкомъ доской съ надписью «волостное правленіе», обогнули церковь и остановились въ концѣ села у крыльца новаго двухъэтажнаго дома. Надъ входомъ въ него красовалась синяя вывѣска: — «трахтеръ и съ крѣпкими напитками».

Подъ окнами нижняго этажа во всю длину его тянулась коновязь;у нея стояло нѣсколько крестьянскихъ телѣгъ и лошадей. Я сошелъ съ брички, а Миронъ подъѣхалъ въ упоръ къ бревну сталъ привязывать лошадей.

— Книги здѣсь оставимъ? — нерѣшительно спросилъ я.

— А то съ собой таскать?! — откликнулся Миронъ. — Кто на нихъ польстится-то?

Онъ отправился во дворъ за сѣномъ, а я взошелъ на грязное крыльцо и попалъ въ сѣни; наверхъ вела лѣстница; распахнутая слѣва дверь какъ-бы приглашала войти въ просторную комнату съ некрашенными, затоптанными полами; стѣны ея были оклеены грошевыми розовыми обоями. Въ глубинѣ комнаты виднѣлась стойка съ ведернымъ боченкомъ на ней, съ кучкой бутылокъ пива и нѣсколькими тарелками съ какими-то закусками. За ней дремалъ желтолицый, обрюзглый и длиннобородый человѣкъ лѣтъ сорока, въ русской свѣтлой рубахѣ съ мушками и въ надѣтомъ поверхъ нея жилетѣ.

Трактиръ наполняли деревянные столы разныхъ размѣровъ; за двумя изъ нихъ располагались компаніи мужиковъ человѣкъ съ десятокъ; передъ ними находились большія деревянныя миски, бутылки съ водкой и горы нарѣзаннаго ломтями чернаго хлѣба.

Запахъ щей обдалъ меня пріятной густой волной. Не успѣлъ я перешагнуть за порогъ, дремавшій открылъ глаза и уставился на меня. Повернулись въ мою сторону и обѣдавшіе.

Я поздоровался и подошелъ къ прилавку. Изъ-за него, опершись обѣими, широко разставленными руками, тяжело поднялось словно налитое водой, огромное тѣло съ отекшимъ лицомъ и безцвѣтными глазами.

— Нельзя-ли у васъ пообѣдать? — спросилъ я.

— Отчего же нельзя, можно-съ! глухо, утробой отвѣтилъ хозяинъ. — Пожалуйте наверхъ на чистую половину; сейчасъ я къ вамъ паренька пришлю-съ!

Я вернулся въ сѣни и поднялся по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ.

Чистая половина состояла идъ двухъ небольшихъ горенокъ и отличалась отъ нижней тѣмъ, что на столахъ въ ней были накинуты грязныя скатеретки розовато-кирпичнаго цвѣта; вмѣсто скамеекъ стояли простые деревянные стулья.

Изъ задней горенки на меня выглянуло румяное, круглое лицо въ овалѣ изъ темно-русой бородки, принадлежавшее какому-то молодому духовному.

Я сѣлъ около окошка, заказалъ прибѣжавшему вихрастому половому яичницу и селянку и сталъ смотрѣть на улицу. Проѣзжихъ не было; на противоположной сторонѣ горячо бесѣдовали чемъ то двѣ бабы съ коромыслами на плечахъ; пара мальчишекъ съ крикомъ и смѣхомъ гонялась за третьимъ; тотъ метался изъ стороны въ сторону какъ заяцъ,но преслѣдовавшіе настигали его.

— Не утекешь! не утекешь! — визжали они въ полномъ восторгѣ.

Вдругъ визгъ мальчишекъ оборвался и они прыснули по дворамъ; бабы оглянулись въ ихъ сторону и, принявъ чинный видъ, заспѣшили прочь, покачивая боками и ведрами: изъ-за угла проулка показался сѣдогривый великанъ въ сѣромъ подрясникѣ. Онъ шелъ, опираясь на толстую дубинку со свѣтлымъ, должно быть серебрянымъ, набалдашникомъ.

Завидѣвъ его приближеніе, игравшіе кое-гдѣ около избъ ребята шарахались прочь; встрѣчный мужикъ торопливо скинулъ

картузъ и метнулся благословляться. Великанъ высоко поднялъ руку для знаменія и сунулъ ее къ губамъ мужика.

Тоже самое продѣлала и баба, поспѣшно бросившая для этого коромысло и ведра.

— Видали? — съ упоеніемъ произнесъ за моей спиной пріятный тенорокъ.

Я оглянулся: около меня стоялъ видѣнный уже мною духовный; каріе глаза его искрились отъ удовольствія.

— Богатырь! — отвѣтилъ я — кто это такой?

— Неужто не знаете? — удивился духовный — персона-съ! — отецъ протоіерй Алексѣй.

Мы познакомились. Собсѣдникъ мой оказался дьякономъ изъ сосѣдняго уѣзда, ѣхавшимъ во городъ къ тестю.

— Не угодно ли мнѣ компанію составить? — обратился ко мнѣ дьяконъ —та горенка посокровеннѣе, эта на юру какъ-то?

Я согласился и мы перебрались въ нее. Горенка, дѣйствительно, оказалась сокровеннѣе и уютнѣе. Въ дальнемъ углу ея на столѣ лежала гора съѣстныхъ припасовъ, завернутыхъ въ просалившіеся газетные обрывки; среди нихъ, словно наполненная рубинами, ярко пылала въ лучахъ солнца бутылка.

— Пожалуйста, присосѣживайтесь! -- приглашалъ дьяконъ, отодвигая къ одному концу свои свертки. — Неопалимая купина-то моя какъ свѣтится! — онъ подмигнулъ на бутылку — вкушаете?

А что такое? — освѣдомился я.

— Вишневка, домашняя, — благоговѣйно отвѣтилъ дьяконъ, бережно, обѣими руками беря бутылку. — Такую наливку развѣ у архіерея въ подвалахъ сыщете! Пять годовъ выдержана: свадебная!

Онъ осторожно, стараясь не пролить, налилъ стаканчикъ и поднесъ его мнѣ.

— Откушайте, сдѣлайте одолженіе!

Я попробовалъ; свадебная наливка, дѣйствительно, оказалась превосходною. Дьяконъ стоялъ, держа бутылку въ рукѣ словно орарь во время ектеніи и глоталъ слюнки, глядя какъ я отпиваю понемногу изъ стаканчика.

— Сама въ горло течетъ... истинно медъ и елей!!.

— Очень хороша! — похвалилъ и я.

Дьяконъ принялся разворачивать свертки.

— Полну торбу дьяконица мнѣ всего наклала: на день ѣзды, на недѣлю ѣды — такое ужъ правило у нея! Ахъ, и заботливая же она у меня!

Изъ свертковъ появилась жареная курица, кусокъ копченаго сала, вареный языкъ и т.д.

—Угощайтесь, пожалуйста. Мастерица дьяконица у меня: на свѣтѣ второй такой не сыскать! Въ пути сущимъ и въ постѣ разрѣшается!

Я поблагодарилъ и отказался; какъ разъ въ эту минуту половой внесъ заказанный мною обѣдъ.

— Это вотъ напрасно! — съ искреннимъ сожалѣніемъ произнесъ дьяконъ — съ собою надо возить — дорого все такое въ трактирахъ! небось рублевку отвалите?..

— Вѣроятно.

Дьяконъ вдругъ радостно разсмѣялся: — А мнѣ дьяконица денегъ на руку ни-ни, не даетъ! Харча всякаго — сколько угодно, а денегъ — нѣтъ, туго! Рупь на всю поѣздку отпустила! Онъ опять залился смѣхомъ. — Въ пузырькѣ содержусь у ней. Не вздумайте, что жадная она — нѣтъ, а такъ для порядку, чтобы не растратился!..

И языкъ и бѣлые зубы дьякона работали неутомимо; я убѣдился, что дьяконица была воистину мудра, наготовивъ мужу на два дня пути гору провизіи.

— А почему вы съ такимъ восхищеніемъ отозвались о здѣшнемъ благочинномъ? — полюбопытствовалъ я.

Дьяконъ широко раскрылъ глаза и отнялъ ото рта куриную ногу.

— Вы и не слыхали, стало быть, ничего про отца протоіерея? — несказанно изумился онъ.

— Нѣтъ...

— Ну да какъ же это?! — воскликнулъ дьяконъ — знаменитое лицо, воистину пастырь, — на всю губернію, можно сказать, единственный!

— Чѣмъ же онъ знаменитъ, проповѣдями?

Дьяконъ отмахнулся рукой.

— Что тамъ проповѣди! всякій эти хляби небесныя разверзать можетъ. А вотъ паству держать въ рукахъ какъ онъ — это ужъ извините! — дьяконъ вытянулъ передъ собой руку и сжалъ кулакъ — весь уѣздъ вотъ гдѣ у него!

— Какимъ же образомъ?

— Убѣдителенъ очень! Сами изволили видѣть — безъ вершка сажень въ человѣкѣ, силища — жеребца за переднія ноги на дыбки ставитъ! Мы если съ крестомъ обходъ дѣлаемъ — настоятель у насъ какъ пупырушекъ, старенькій, слабый — ну какое же причту уваженіе? кланяйся, если корчику ржи тебѣ въ мѣшокъ всыплютъ! А отецъ Алексѣй идетъ — заглядѣнье: Синай-гора; риза золотая, въ сіяніи весь, за нимъ цѣлый поѣздъ телѣгъ ѣдетъ; кто же такому пастырю меньше мѣры дать осмѣлится? Да еще если мѣра съ краями не въ ровень — глянетъ и слова не вымолвитъ, а только кулаку воздвиженье сдѣлаетъ — и ужъ весь дворъ какъ ошалѣлый за добавкой бѣжитъ! Намъ яичко — ему десяточекъ

— Да-съ!.. А кулачище — изъ другихъ уѣздовъ нарочно пріѣзжаютъ, чтобы его обозрѣть: въ арбузъ!

— Дерется стало быть?

— Зачѣмъ? И кого же ему бить то, помилуйте? Да онъ только въ лобъ когда для назиданія кому безымяннымъ перстомъ постучитъ — шишка вскакиваетъ! И безъ битья почитаютъ! Русскому человѣку, вѣдь, битья не надо: только бы палка всегда на готовѣ стояла — вотъ тогда онъ все понимать можетъ!

Дьяконъ со смакомъ опорожнилъ еще стаканчикъ свадебной и со стукомъ поставилъ его на столъ.

— Возьмите хоть бы такой случай. Сектъ у насъ по губерніи, по деревнямъ — сколько угодно. Бесѣды всякія мы по приказу преосвященнаго ведемъ, пренія.Ну, да что же изъ этого выходитъ? ты дураку слово, а онъ тебѣ въ отвѣтъ десять; ты ему текстъ, а онъ тебѣ три! Семь потовъ стечетъ, а онъ все свое долбитъ; зря только словесами воздухъ сотрясаемъ. А у отца Алексѣя

ни словопренiй, ни проповѣдей, а расколу — а ни Боже мой. и духу нѣтъ; благолѣпiе, порядокъ!!

— Чѣмъ-же онъ этого достигъ? неужели тѣмъ-же воздвиженьемъ?

— Зачѣмъ? словами! слово умѣетъ сказать! Да вотъ приведу я вамъ въ примѣръ: гусь тутъ неподалеку одинъ завелся, въ соблазнъ сталъ вводить мужиковъ. Ярмарка подошла. Отправился отецъ Алексѣй пройтись и видитъ—у церковной ограды толпа стоитъ, а середи нея гусь этотъ разглагольствуетъ. Подошелъ отецъ Алексѣй. Разступились всѣ, а онъ прямо къ сектанту.

— Ты это о чемъ же здѣсь умствуешь? — спрашиваетъ.

Смутился тотъ. — Да такъ, говоритъ, — промежду себя мы тутъ...

— Слыхалъ я, будто ты въ естествѣ Бога Сына сомнѣнiе имѣешь?

Тотъ туда-сюда, а отвѣчать надо: народъ стѣной стоитъ, слушаетъ!

— Имѣю! — отвѣчаетъ.

Отецъ Алексѣй цопъ его за загривокъ, да на воздуси въ вытянутой рукѣ и вознесъ, аки змiя въ пустынѣ.

— За мной всѣ! — приказалъ. И зашагалъ въ церковь, а Арiя этого самаго надъ народомъ,какъ на шестѣ повѣшеннаго,несетъ. Тотъ и не шелохнется, скрючился, скисъ со страху! Ярмарка, понятное дѣло, валомъ за нимъ; полна церковь набилась. Остановился отецъ Алексѣй середи храма, указалъ эдакъ вокругъ себя свободною рукой и спрашиваетъ — православные, кто это такiе на иконахъ изображены? Голосокъ то у него аки рыкъ львиный, такъ и загремѣло по всѣмъ угламъ!

— Святые — отвѣчаютъ.

— А мощи чьи въ церквахъ и монастыряхъ нетлѣнныя почиваютъ?

— Святыхъ же...

— А какъ они вѣрили? отметали ли они Господа Iисуса Христа, нашего Спасителя?

— Нѣтъ!! — кричатъ кругомъ.

— Какъ же ты, паршивецъ, отметать его осмѣливаешься? —

да какъ тряханетъ его — у того руки и ноги чуть прочь не поотлетали. — Умнѣй ты ихъ, святѣе? — Да опять позвонилъ имъ какъ въ колокольчикъ.. — Братцы, святъ сей или нѣтъ? Кому вѣрить: рожѣ этой или угодникамъ?!

— Смѣхъ, конечно,кругомъ! Поставилъ отецъ Алексѣй сектанта на полъ, а того ужъ и ноги не держатъ: на четвереньки палъ! К-э-э-къ зыкнетъ на него — вонъ изъ храма, поганый песъ! Попадись еще разъ мнѣ въ руки — башку объ колесо расшибу! Да носкомъ сапога подцѣпилъ его подъ чрево и метнулъ къ дверямъ: вѣрители — черезъ полъ-храма какъ нетопырь перелетѣлъ; вскочилъ съ полу, едва въ двери попалъ, пулей вынесся! И вотъ вамъ и все, и собесѣдованію конецъ; съ тѣмъ и ересь вся кончилась!

— Увѣровалъ послѣ этого Арій?

— Да еще какъ! Первый говѣльщикъ и церковникъ теперь. Съ отцомъ Алексѣемъ не наговоришь!.. Іоаннъ Златоустъ, воистину!

Я потребовалъ себѣ чаю, а дьякону пива — и пара бутылокъ разморила его окончательно.

Внизу неистово и хрипло, будто пьяный, заоралъ какую-то пѣсню граммофонъ.

— Машина! — Дьяконъ, наклонилъ голову, послушалъ и засмѣялся. — Ахъ ты, дьяконица какая... промолвилъ — вотъ ужъ воистину умна! Рупь дала? Что я на такой капиталъ сочинить могу? И не дома, а опять значитъ, въ пузырькѣ сижу!!.

Граммофонъ сыгралъ торжественный маршъ и смолкъ. Время было ѣхать.

Я расплатился, простился съ моимъ занятнымъ собесѣдникомъ и спустился внизъ.

Миронъ сидѣлъ за столомъ близъ стойки и разглагольствовалъ на весь трактиръ. Его снисходительно слушали два почтеннаго вида мужика и хозяинъ.

Передъ Мирономъ стояла совершенно пустая полубутылка отъ водки и стаканъ зеленаго пузырчатаго стекла. Что Миронъ отобѣдалъ на славу, свидѣтельствовали обширная лужа на столѣ съ капустными частицами и остатки хлѣба.

— Пора ѣхать! — сказалъ я.

Миронъ вскочилъ. — Вѣрно, что такъ! — воскликнулъ онъ. — Огребай съ меня кровныя, хозяинъ! — онъ полѣзъ въ карманъ и сталъ расплачиваться. Я отправился къ лошадямъ. Развеселыя стояли понурившись и развѣсивъ по ослиному уши. Черезъ минуту выбѣжалъ Миронъ, собралъ разбросанные остатки сѣна въ бричку и сталъ заворачивать ее. Я усѣлся и мы выѣхали на большакъ.

— Ты здѣшняго благочиннаго знаешь? — спросилъ я.

Миронъ повернулся ко мнѣ; водка, видимо, дѣйствовала на него скверно, лицо его стало блѣднымъ, оспины выступили рѣзче, на щекахъ пятнами горѣлъ малиновый румянецъ.

— Во-та-а?.. Да кто-жъ его не знаетъ? — отвѣтилъ онъ. — У, ерой! чистый Скобелевъ, одно слово!

— Чѣмъ же онъ герой?

— Строгъ. Ну, до чего строгъ — разсказать нельзя! Исправника мужики такъ не боятся, какъ его, ей Богу! А ужъ бабы! — Миронъ махнулъ рукой — однова онъ шасть невзначай въ избу къ здѣшнему мужику, а навстрѣчу ему невѣстка — молодуха и попадись! Такъ вѣдь что жъ бы ты, голова, думалъ? бякъ объ полъ да и родила съ перепугу!

Я засмѣялся.

— Чего смѣешься? истинный Господь, не вру! Спрашивали ее потомъ: чего ты, дура, испужалась? — Думала, говоритъ, что это медвѣдь взошелъ... Такъ то! Тутъ, другъ, не то что у насъ: здѣсь въ церкву явился — стой и не пикни, Богу молись, какъ слѣдоваетъ! Шу-шу-шу заведешь, отецъ Алексѣй изъ алтаря поглядитъ, да такъ те отчехвоститъ — въ щелку замѣсто дверей отъ стыда полѣзешь!

— А уважаютъ его прихожане?

— Уважаютъ! — убѣжденно отвѣтилъ Миронъ. — Какъ же не уважать: четверть вина человѣкъ выпить можетъ! Попробуй-ка, не уважь его!

— Ну, а съ бабами онъ такъ же распоряжается, какъ и съ мужиками?

— А ты думалъ въ зубы глядитъ имъ? Нѣ-ѣтъ! Самому окаяшкѣ не спуститъ! Ты бы на великомъ посту поговѣть сюда пріѣ-

халъ, вотъ бы тогда и поглядѣлъ на бабъ! На исповѣдь идутъ — съ лица спадаютъ, лихоманка бьетъ! Однова молодайка одна—она изъ сосѣдняго села сюда замужъ только что вышла, — впервой исповѣдаться къ отцу Алексѣю пошла.И такъ то мозгу у бабъ самая чуть, а тутъ напугали ее и совсѣмъ уму помутнѣніе сдѣлалось! Что ее отецъ Алексѣй ни спрашиваетъ — дрожитъ какъ листъ да все — «не грѣшна» — твердитъ! Онъ ее и объ этомъ и объ этомъ, отцу-матери не грубила ли, худыхъ словъ не говорила-ли — не грѣшна да и все тутъ; всѣ грѣхи растеряла! Взялъ онъ ее легонько сзади подъ ушки за шею, отодвинулъ ширму, выставилъ къ исповѣдникамъ да и кличетъ дьячка: — Михалычъ, подь ка сюда?

Тотъ тутъ какъ тутъ.

— Вотъ, — говоритъ, — поставь поди ей свѣчку: новая святая явилась! — и ширму закрылъ. Такъ безъ причастія баба и осталась: еще недѣлю грѣхи вспоминать пришлось! Попъ необнаковенный!..

Съ большака мы свернули на проселокъ и занырялн со взгорка на взгорокъ. Часа черезъ два показалась убогая деревушка, Миронъ въѣхалъ въ нее и остановился у крайней избы.

— Кума, ваше благородіе,повидать надоть!—заявилъ онъ мнѣ, какъ бы извиняясь, — въ секундъ ворочусь! — И онъ исчезъ въ воротахъ.

Пропадалъ онъ минутъ десять, и когда вернулся, носъ у него пылалъ какъ дьяконская бутылка со свадебной; разило отъ него на всю улицу. Съ блаженнымъ видомъ, не безъ труда, взобрался онъ на козлы и мы тронулись.Я молча наблюдалъ за нимъ,его,что называется,развезло; онъ что то бормоталъ самъ себѣ, усмѣхался и помахивалъ головой. Развеселыя, очевидно, учли это обстоятельство и пошли совсѣмъ шагомъ.

— А вѣдь ты назюзился, братъ? — сказалъ я — еще заплутаешься, смотри!

— Я?! — ужаснулся Миронъ — да никогда въ жисти! хоть на тотъ свѣтъ тебя предоставлю!

— А какъ мы до Чижикова доберемся, — спросилъ я, невольно усмѣхнувшись.

— До Мартьяновки? Да тутъ верстовъ пятнадцать всего!

Я вынулъ часы. Миронъ тоже заглянулъ въ нихъ.

— Это сколько же теперь вромени?

— Семь.

— Ну вотъ и по солнышку столько же выходитъ!.. предоставлю въ плепорцію! Э-эй вы, знаменитые! — и онъ принялся нахлестывать коньковъ.

Дорога вилась лиственнымъ лѣсомъ. Онъ царственно окутался въ золото и пурпуръ и синева небесъ надъ нимъ казалась еще бездоннѣе, еще удивительнѣй. Было свѣжо. Въ воздухѣ, какъ снѣжокъ, плыли бѣлыя паутинки.

Лѣсъ — это грезы земли.. Ей снятся мрачные и свѣтлые сны и тихо, будто туманы, выростаютъ шатры елей,кудри березъ, зовущій въ небо тополь.

Лѣсъ мѣсто выхода подземныхъ силъ. Вотъ почему онъ страшенъ и загадоченъ для человѣка, давно оторвавшагося отъ этихъ силъ...

Голосъ Мирона вернулъ меня изъ хоровода отрывковъ мыслей, неясныхъ грезъ и Богъ вѣсть чего-то прекраснаго и свѣтлаго, что какъ гашишъ опьяняетъ всегда въ пути путешественника.

— Эва, Мартьяновку видать! — возгласилъ онъ, нацѣливъ впередъ заскорузлымъ перстомъ.

Лѣсъ кончился. За небольшимъ оврагомъ, на днѣ котораго блестѣлъ ручеекъ, начинались безконечныя поля, частью уже перепаханныя, частью отдыхавшія подъ паромъ. Они, какъ приподнятая за два угла пестрая турецкая шаль, подымались къ горизонту и на самомъ гребнѣ бѣлѣлъ среди совершенной пустыни домъ, сразу отмѣтный по своей стройкѣ. Изъ-за него показывало желтый куполъ какое-то огромное дерево; больше кругомъ не виднѣлось ни кустика.

Я изумился; старина любила окружать себя густыми садами

и парками и отсутствіе ихъ вокругъ такого, истинно барскаго дома, казалось непонятнымъ.

— Что-жъ, онъ такъ съ поконъ вѣку и стоялъ на юру, какъ голый въ банѣ? спросилъ я.

— Зачѣмъ? паркъ кругомъ дому раньше былъ, огромаднѣющій. Вырубилъ его господинъ Чижиковъ.

— Для чего?

— Вотъ те 'здравствуйте, для чего! Для виду! Ишь теперь домъ то за сто верстовъ со всѣхъ сторонъ видать! Что толку въ лѣсъ то лѣзть? Ѣдешь, бывало, мимо и не мигнетъ оттолѣ ничто; не знай, лѣшій-ли тамъ, или живая душа! А теперь всякій видитъ — господинъ Чижиковъ проживаетъ въ свое удовольствіе! Опять же липа въ паркѣ была хороша: сколько онъ за нее съ токарей деньги снялъ?

Я сталъ разспрашивать о новомъ владѣльцѣ.

Происходилъ онъ изъ мѣстныхъ, мелкихъ купцовъ; занимался подрядами и сумѣлъ нажить большія деньги. — «Мельонъ, ей-Богу», — какъ завѣрялъ Миронъ. Человѣкъ онъ, видимо, былъ очень честолюбивый и пошелъ по дорогѣ пожертвованій; это принесло ему званіе попечителя мѣстной гимназіи, орденъ и даже какой-то значительный чинъ.

Миронъ повѣствовалъ о немъ чуть не съ благоговѣніемъ.

— Ума необнаковеннаго! — съ самимъ губернаторомъ за ручку 'здоровкается. Въ чилиндрѣ ходитъ, въ перчаткахъ желтыхъ! Всѣ ему — «ваше происходительство» — говорятъ, ну то есть орелъ, во всей формѣ!

Я слушалъ своего болтливаго возницу и поглядывалъ на домъ. Это былъ настоящій, двухъ-этажный дворецъ, хранившій отпечатокъ геніальной руки Растрелли. Со стороны дороги его отдѣляла невысокая, сквозная желѣзная рѣшетка. Въ значительномъ удаленіи отъ дома, позади него, привольно раскинулись флигеля и службы.

Только что мы подъѣхали къ перекрестку, изъ соломеннаго шалаша, стоявшаго у самой дороги, вылѣзла грузная лохматая фигура въ тулупѣ и поднялъ вверхъ руку на манеръ городового, останавливающаго движеніе гдѣ-нибудь на Невскомъ проспектѣ.

Миронъ остановилъ коньковъ.

— Куда Богъ несетъ? — лѣниво спросилъ мужикъ.

— Да къ вамъ, не утруждайся, лѣзь назадъ, на покой! Будь здоровъ, добрый человѣкъ.

— Здорово, — отозвался тотъ — ну, поѣзжай, коли къ намъ! И онъ полѣзъ обратно въ шалашъ.

Миронъ свернулъ влѣво и бѣляки доставили насъ черезъ открытыя настежь ворота къ шатровому подъѣзду.

— Книжки твои я ужъ сберегу! — вполголоса заявилъ мнѣ Миронъ — не робѣй, вали прямо въ домъ, тамъ холуи доложатъ! — И онъ заторопился отъѣхать по направленію къ дворовымъ постройкамъ.

Рядомъ съ подъѣздомъ помѣщалась новая собачья конура; съ нея свисала цѣпь, валявшаяся другимъ концомъ на землѣ; собака отсутствовала. Я поднялся по ступенямъ; парадная дверь была открыта, открытой оказалась и вторая дверь. Въ высокой передней было полутемно, вдоль стѣнъ ея шли коники для лакеевъ. Противъ входа стояли большіе англійсіке часы конца XVIII вѣка; они показывали девять. Около нихъ, въ видѣ изваянія фараона, сидѣлъ, выставивъ рѣденькую русую бородку, какой-то простоватаго вида человѣкъ въ засаленномъ сюртукѣ и въ грязной ночной рубашкѣ безъ воротничка. Руки его были положены вдоль колѣнъ, голова запрокинута назадъ; спиною онъ опирался на стѣнку, изъ раскрытаго рта вырывалось похрапываніе.

Ни души кругомъ больше не было. Я подошелъ къ спавшему и тронулъ его за плечо.

— Ммъ... да! — проговорилъ онъ во снѣ. Я потрясъ сильнѣе. По вѣкамъ его пробѣжала дрожь, онѣ раскрылись и на меня въ упоръ уставились два, еще ничего не видящіе безсмысленные глаза. Любопытно было видѣть какъ сознаніе искрами стало вливаться въ нихъ. Человѣкъ вскочилъ и, будто умываясь, потеръ лицо ладонями.

— Что, что угодно? — забормоталъ онъ.

— Павла Павловича могу видѣть? — спросилъ я.

Человѣкъ окончательно пришелъ въ себя.

— Отчего нельзя... можно! — отвѣтилъ онъ, окинувъ меня

принявшими сѣрый цвѣтъ проницательными глазами. — Вамъ по дѣлу, что ли?

— По дѣлу...

Я выбралъ изъ визитныхъ карточекъ самую торжественную, на которой были поименованы всѣ ученыя учрежденія, членомъ которыхъ я состоялъ, и далъ разговаривавщему со мной.

— Вотъ... пожалуйста, передайте! Павелъ Павловичъ уже всталъ?

— Всталъ. Шеппанское пьетъ... отвѣтилъ человѣкъ и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ повертѣлъ мою карточку. — Обождите тутъ!

Онъ ушелъ, а я осмотрѣлъ великолѣпные часы, вотъ уже два столѣтія важно и точно отсчитывающіе время, прошелся раза два по лакейской... посланный все не возвращался.

Наконецъ онъ показался въ дверяхъ.

— Пожалуйте! — пригласилъ онъ.

Я направился за нимъ. Мы пересѣкли какую-то длинную комнату и вошли въ большую гостиную.

— Подождите тутъ! — заявилъ мой вожатый. — Сейчасъ выйдетъ: убирается...

— Какъ убирается?

— Раздѣмшись хозяинъ былъ... въ однихъ подштанникахъ... припараживается теперь!

Я остался одинъ.

Гостиаую наполняла далеко не изящная мебель шестидесятыхъ годовъ; на полкѣ у большого простѣночнаго зеркала сіяли новые золоченой бронзы часы, изображавшіе двухъ возлежавшихъ головами другъ къ другу необыкновенно носатыхъ дѣвъ съ неизвѣстно почему обнаженными грудями.

Я посидѣлъ въ креслѣ, потомъ походилъ, опять сѣлъ... хозяинъ не показывался.

Дверь въ дальнѣйшія комнаты была затворена. За ней послышались какіе-то шерхающіе звуки: будто щеткою чистили платье. Я сообразилъ, что тамъ готовился парадъ.

Я всталъ и въ ту же минуту двѣ невѣдомо чьихъ руки — одна въ розовомъ рукавѣ, другая въ синемъ, проворно распахнули обѣ

половинки двери и исчезли. Передо мной предсталъ, будто поставленный въ дверяхъ,портретъ во весь ростъ какого-то бритаго по актерски господина въ черномъ сюртукѣ съ необыкновенныхъ размѣровъ Станиславомъ на шеѣ. Голова портрета была нѣсколько склонена къ правому плечу, глаза прищурены, руки скрещивались одна съ другой ниже пояса, при чемъ на лѣвой, приходившейся сверху, желтѣла перчатка. Волосы на головѣ этого господина были встрепаны и, видимо, только сейчасъ, на спѣхъ кое-какъ приглажены. —«Элегантъ съ крулевской псарни» — мелькнула у меня въ головѣ польская поговорка.

Секундъ пять мы глядѣли другъ на друга, какъ зачарованные. Первымъ ожилъ портретъ.

— Не узнаю? — съ величаво-пріятной улыбкой, немного на распѣвъ, выговорилъ онъ. — Но радъ васъ видѣть подъ своими пенатами!.. Голова его приняла естественное положеніе, глаза раскрылись по настоящему и оказались мутными и осоловѣлыми; мы сдѣлали нѣсколько шаговъ другъ къ другу на встрѣчу и поздоровались.

— Прошу садиться! — Чижиковъ съ вывертомъ указалъ мнѣ рукою на кресло, раздвинулъ фалды сюртука, опустился на диванъ и привольно раскинулъ по бокамъ себя руки. Запахъ вина распространился по всей комнатѣ.

— По дѣлу, стало быть, изволили пожаловать?

Я приступилъ къ изложенію.

— Домъ вашъ принадлежалъ родственникамъ Потемкина...

— Какъ же, какъ же! — Чижиковъ закинулъ ногу на ногу, выставилъ впередъ довольно округлый животъ и забарабанилъ по дивану всѣми десятью пальцами. Обвислыя щеки его и шея раздулись. — Не то что Потемкинъ, а и Екатерина Великая здѣсь у меня хаживала. И этотъ, какъ его,... Орловъ; мелкоты то всей этой сразу и не вспомнишь!

— Такъ вотъ я хотѣлъ познакомиться съ вами и съ вашими владѣніями. Мнѣ разрѣшите ихъ осмотрѣть и описать потомъ?

— Какъ это описать? — хозяинъ нѣсколько обезпокоился.

— Въ статьѣ... въ журналѣ напечатать?

Въ тусклыхъ глазахъ моего собесѣдника показались искорки;

видно было, что мои слова пробудили затаенное желаніе, давно гнѣздившееся въ его душѣ.

— А!.. можно, отчего же... съ нашимъ удовольствіемъ!.. Вы стало быть изъ газетчиковъ?

— Если хотите...

— Ну, ну, вижу теперь! А я было думалъ, что вы изъ сенату

Я изумился: въ карточкѣ моей рѣшительно ничего относящагося къ юстиціи не было.

— Какъ изъ сената?

— Да въ карточкѣ вашей напутано всякое. Я и подумалъ — не иначе вы какъ изъ сенату. Очень пріятно, будемте знакомы!— онъ привсталъ и опять подалъ мнѣ руку.

— Статью я хочу иллюстрировать рисунками, поэтому позвольте попросить такъ же вашъ портретъ?

— Въ газетахъ напечатаете?

— Да. Съ портретами Екатерины II и Потемкинскимъ...

Павелъ Павловичъ не понялъ моего затаеннаго умысла: Екатерина, Потемкинъ и рядомъ съ ними — Чижиковъ со Станиславомъ — развѣ это не великолѣпно? Онъ пріоткрылъ пухлыя губы и съ блаженнымъ видомъ прогоготалъ какъ гусь.

— Здорово!! дамъ... послѣднюю самую дамъ: въ формѣ! Во всѣхъ чинахъ и орденахъ я тамъ снятъ! — внушительно добавилъ онъ и даже потрогалъ на шеѣ страшеннаго Станислава, на крестѣ котораго, хоть и съ трудомъ, но можно было бы распять младенца.

Мое предложеніе оживило хозяина.

— Да чего-жъ это мы съ вами лясы зря точимъ? — произнесъ онъ, вставъ съ дивана. — Эй, Митька, Ванька?!

Никто не отзывался. Павелъ Павловичъ подошелъ къ открытой двери и заглянулъ въ нее.

— Ванька? гдѣ вы, дьяволы?! — заоралъ онъ на весь домъ.

Послашалась топотня и къ намъ ворвались два бѣлобрысыхъ подростка — одинъ лѣтъ пятнадцати, другой — поменьше — лѣтъ двѣнадцати. Оба были въ сапогахъ и въ жилеткахъ, надѣтыхъ поверхъ синей и розовой рубахъ; волосы обоихъ были обстрижены въ кружокъ, смочены квасомъ и раздѣлены на полы

проборомъ. Это они распахивали дверь передъ своимъ повелителемъ.

— Закусочку попроворнѣе... пштъ!! — Хозяинъ сдѣлалъ похожій на щелчекъ жестъ указательнымъ пальцемъ.Подростки вынеслись какъ листки со стола отъ сквозняка.

— Очень это вы хорошо надумали, что ко мнѣ пріѣхали! — обратился ко мнѣ Павелъ Павловичъ. Онъ потеръ было руки, но замѣтилъ, что одна изъ нихъ въ перчаткѣ и принялся ее стаскивать.

— Ученому человѣку окромя меня въ губерніи податься некуда! — съ самодовольствомъ сказалъ онъ: — Екатерина то по нашимъ мѣстамъ иначе какъ ко мнѣ ни къ кому бы не ѣздила!.. Ну-съ, прошу покорно!

У двери Павелъ Павловичъ остановисля, склонилъ голову на бокъ, слегка изогнулъ талію и вытянулъ впередъ руку. — Пожалуйте!..

Мнѣ захотѣлось подурачиться.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста вы! — серьезно произнесъ я, ставъ по другую сторону входа въ совершенно такую же позу маркиза восемнадцатаго столѣтія.

— Нѣтъ, ужъ вы первый... вы гость!

— Нѣтъ вы: вы хозяинъ!

— Да будьте столь любезны!—Павелъ Павловичъ положилъ свою десницу мнѣ на талію и сталъ выпихивать меня впередъ; я сдѣлалъ то же самое шуйцею; руки наши переплелись и мы, точно обнявшись, одновременно втиснулись въ сосѣднюю комнату.

Хозяинъ даже залоснился отъ удовольствія: хорошій тонъ былъ соблюденъ полностію.

Комнаты были чрезвычайно высокія, съ росписными потолками; на однихъ хороводами свивались амуры,на другихъ, среди цвѣтовъ и виноградныхъ лозъ, порхали птицы и бабочки. Но земля не соотвѣтствовала небесамъ: внизу глазъ только кое-гдѣ отыскивалъ изящный старинный диванъ, или пару креселъ — все остальное казалось лишь вчера прибывшимъ изъ гостиннодворскихъ складовъ. За то позолоты вездѣ было сколько угодно.

Павелъ Павловичъ шелъ до того раздувъ щеки и полный само-

довольства, что мнѣ казалось, что онъ вотъ-вотъ какъ индюкъ, скажетъ — ффыкъ и распуститъ скрытыя крылья по полу. Искоса онъ поглядывалъ, какое впечатлѣніе производитъ на меня столь золоченое убранство.

— Это все вы покупали? — спросилъ я, указывая на мебель.

— Я. А хороша?

— Дѣлаетъ честь вашему вкусу. Но куда же дѣвалась прежняя?

— Да ломъ, дрянь была: не смотрѣли раньше здѣсь ни за чѣмъ, я только одинъ и заботился — на чердакъ велѣлъ все постаскать!

Мы вошли въ длинную столовую. Я нежданно попалъ въ Венецію, эпохи Возрожденія. Это была комната замка, владѣльцы котораго привыкли садиться за обѣдъ со свитой не меньше какъ человѣкъ въ сорокъ. Въ ней вытягивались два темныхъ дубовыхъ стола, опправшихся каждый на четыре крылатыхъ, сидячихъ львовъ;другъ отъ друга столы раздѣлялись широкимъ проходомъ; тяжкіе, черные стулья съ высокими рѣзными спинками, тѣснымъ рядомъ окружали столы. Громада-буфетъ, весь покрытый рѣзными сценами изъ быта средневѣковья, черной горой занималъ одинъ изъ простѣнковъ. Противъ каждаго изъ столовъ, какъ бы башни, увѣнчанныя зубцами, выступали двѣ четыреугольныя русскія кафельныя печи темно-зеленаго цвѣта XVII вѣка съ рисунками.Надъ столами спускались двѣ люстры изъ разноцвѣтнаго стекла. Люстры были одного происхожденія и времени съ мебелью.

— Да!!—не удержавшись, произнесъ я.—Это комната! Будто въ капитулѣ въ какомъ то мы съ вами!

— Понятно!—поддакнулъ, не понявъ, Павелъ Павловичъ,— капиталъ всегда при насъ!

Мы усѣлись за столомъ справа. На уголъ его была накинута грязная синяя салфетка изъ разряда трактирныхъ и на ней стояли два прибора.

Одна изъ многочисленныхъ дверецъ буфета была пріоткрыта и въ нее, какъ въ прорубь, то и дѣло ныряли Ванька и Митька,

вытаскивая изъ таинственныхъ нѣдръ то бутылку ,то балыкъ, то икру, то грибы; все это пихалось ими на столъ какъ попало.

— Ужъ вы извините за пріемъ! — сказалъ Павелъ Павловичъ, когда мы усѣлись. — Хозяйки въ домѣ сейчасъ нѣтъ: больна, въ Москву, на консоме, знаете-ли пришлось отправить; по холостому васъ угощу, чѣмъ Богъ послалъ! Православную то пьете? — онъ взялся рукой за бутылку монопольки.

— Нѣтъ, предпочту рябиновку! — отвѣтилъ я, замѣтивъ среди добраго десятка бутылокъ эту послѣднюю. — Да не рановато-ли только?

— Вотъ придумали! Доброе дѣло всегда твори смѣло! — Павелъ Павловичъ ухватился за длинное горлышко произведенія Шустова съ сыновьями и налилъ мнѣ и себѣ по рюмкѣ.

— Съ пріѣздомъ! здравствуйте! — произнесъ онъ, протянувъ ко мнѣ свою руку.

Мы чокнулись и выпили. Закуски частью были разложены на тарелкахъ, частью оставались въ прозрачныхъ, магазинныхъ бумажкахъ.

— Сижу, я, здѣсь одинъ въ столовой, въ безбильѣ; сомнѣваюсь, знаете... и вдругъ докладаютъ — господинъ пріѣхалъ! Господь, значитъ, радость послалъ: это вы обнаружились! Очень это жоли съ вашей стороны! За ваше здоровьице... Здравствуйте?

Рука хозяина протянулась ко мнѣ съ полной рюмкой; оказалась налитой и моя. Мы выпили по второй.

— Хорошо дѣйствуете! — восхитился Павелъ Павловичъ: — по писанію; сразу видать, что православный человѣкъ! Можетъ канканировать со мной желаете?

— То есть какъ канканировать?

— Ну въ перегонки пить, кто больше?

— Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ: увольте!

— Правильно! Дара ежели нѣтъ — и не лѣзь! А вы тутъ чего выпялились? — вдругъ грозно вопросилъ онъ пареньковъ, застывшихъ у буфета. Пшть!! — онъ сдѣлалъ тотъ же жестъ пальцемъ и оба подростка бросились вонъ; слышно было, что они остановились и притаились за дверью.

— Стало быть вы питерскіе?

— Да.

— А моего протеже тамъ знаете?

Опять мнѣ пришлось превратиться въ знакъ вопроса.

— Ну, князя Голицина, Василья Михайловича? Онъ же меня въ генералы вывелъ, важнѣющій вельможа... губернаторомъ раньше у насъ былъ!.. О-о-очень обожалъ меня!

— Не знаю...

— Жалко!.. а то бы поклонъ ему передали!.. Одначе, что же это мы оконфузулись? — онъ опять схватился за рюмку- — за это время люди то ужъ по пятой бы пропустили! — здравствуйте!

— Будетъ, довольно! — запротестовалъ я.

— Да никогда въ жизни! Здравствуйте! — хозяинъ продолжалъ держать на вѣсу руку съ рюмкой.

— Не могу!..

— Здравствуйте! здравствуйте! — настойчиво твердилъ Павелъ Павловичъ. Пришлось проглотить еще одну.

— Рюмки у васъ ужъ очень большія! — замѣтилъ я, ставя свою подальше отъ Павла Павловича.

— Да вѣдь я-жъ женатый человѣкъ... нельзя иначе! — отвѣтилъ онъ — у меня все двухспальное!

Лицо Чижикова раскраснѣлось; рябиновка, видимо, лилась на старыя дрожжи, да еще поверхъ шампанскаго; въ немъ все больше сталъ чувствоваться Титъ Титычъ. Глаза его обыскали строй бутылокъ.

— Ванька? — рявкнулъ онъ всею грудью.

Изъ дверей точно кто въ шею вышибъ подростка побольше, въ синей рубахѣ.

— А шенпанское, идолъ, гдѣ?!

Ванька рванулся къ буфету, исчезъ и вынырнулъ съ парой Редерера въ рукахъ. Павелъ Павловичъ принялся за откупорку. Я придержалъ его за локоть.

— Бросьте вы это дѣло, пожалуйста, рано еще!

— Рано? — ужаснулся хозяинъ — да вы вѣрующій или нѣтъ? Писаніе то вы читывали?

— Читывалъ!

— Такъ гдѣ же въ немъ значится, чтобы утромъ пить нельзя

было? Въ Премудрости сына Сирахова, что говорится: «утро вечера мудренѣе». Это вотъ вы раскусите! Дьяконъ мнѣ недавно одинъ навязался, такъ все Писаніе мы съ нимъ прошли: по текстамъ выходитъ, что съ утра надо пить и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Такъ ужъ ау, не поперечишь!

Павелъ Павловичъ оборвалъ вилкою проволоку, наклонилъ бутылку и нацѣлилъ ее въ зазѣвавшагося на меня Ваньку. Раздался выстрѣлъ, пробка хлопнула Ваньку въ животъ, тотъ екнулъ отъ неожиданности, весь вспыхнулъ и кинулся на утекъ.

— Пшть!!. — шикнулъ вслѣдъ ему Павелъ Павловичъ и захохоталъ. — Ловко попалъ. Ужъ безпремѣнно я ему пробку въ ротъ загоню, чтобы не зѣвалъ, шельмецъ!

Къ ужасу моему онъ налилъ шампанское въ стоявшіе передъ нами обыкновенные чайные стаканы.

— Павелъ Павловичъ?! — взмолился я — когда же мы домъ то будемъ осматривать? Вѣдь я сегодня еще на станцію, къ поѣзду, поспѣть хочу!

Хозяинъ, тянувшійся ко мнѣ со стаканомъ, опустилъ руку. Шампанское расплескалось по скатереткѣ.

— Что? произнесъ онъ съ такимъ видомъ, будто я предложилъ ему лѣзть на луну. — Не разслышалъ я: ѣхать сегодня собираетесь?

— Да.

— Н-нѣтъ!! — съ глубочайшей увѣренностью сказалъ онъ замоталъ головой.

— Въ Сынѣ Сираховомъ этого не значится! Черезъ недѣлю— вотъ что-съ! А теперь — здравствуйте!

Я отпѣкивался, но хозяинъ схватилъ оба стакана и такъ присталъ ,что я долженъ былъ осушить свой. Въ головѣ у меня зашумѣло.

— Ну, спасибо! а теперь идемте! — рѣшительно произнесъ я и всталъ со стула. — Какіе, однако, они тяжелые! добавилъ я:

Поднялся и Павелъ Павловичъ.

— Не нравится мнѣ эта горница! — заявилъ онъ съ недовольнымъ видомъ, — не подходящая!

— Чѣмъ?

— Да что-жъ это: похоронная бюра, а не столовая! одна чернота кругомъ разведена. Сидишь за обѣдомъ — тутъ бы машина должна была стоять, съ музыкой, а передъ тобой катафалкъ этотъ ѣдетъ! — онъ указалъ пальцемъ на буфетъ — въ ротъ тебѣ, вмѣстѣ съ кускомъ, мысли о смертномъ часѣ лѣзутъ. Подъ вечеръ взойдешь — чисто на кладбище: ишь надгробіе то какое, по первой гильдіи!.. Черти въ немъ прячутся, ей Богу не вру! Дьяконъ змія ловилъ на немъ, да нѣтъ — уползъ!

Думалъ ли художникъ, пять вѣковъ тому назадъ создавая свои чудесныя произведенія, что на нихъ будетъ чертей ловить русская душа?!

Мы обошли домъ; кромѣ столовой да залы въ другихъ комнатахъ старины почти не сохранилось. Стѣны вездѣ были заново выкрашены масляной краской и лишь потолки свидѣтельствовали о минувшемъ.

Залъ опять очаровалъ меня.

Мы шли, отражаясь въ огромныхъ зеркалахъ, по великолѣпному паркету цвѣта кремъ изъ карельской березы... на насъ глядѣли блѣдно-розовые кресла и диваны для двухъ персонъ... вѣяло невыразимой прелестью! Мощь и грація сплетались кругомъ. Изящны были и хоры для оркестра,какъ-бы гнѣздо свитое изъ золоченыхъ прутьевъ: въ прошломъ, несомнѣнно, ихъ обвивала зелень растеній.

Хозяинъ повѣствовалъ о своихъ трудахъ по ремонту дома и о томъ, что онъ, какъ дворянинъ, собирается «запалить» такой балъ всему дворянству, что предводитель перевернется черезъ голову отъ зависти.

Я разсѣянно слушалъ его.

Девять десятыхъ комнатъ, если не больше, были нежилыми и служили только «парадными». Хозяева ютились въ трехъ самыхъ маленькихъ: тамъ царили саженныя перины, горы подушекъ въ цвѣтныхъ, ситцевыхъ наволочкахъ и грязныя скатерти... Я поспѣшилъ уклониться отъ обзора этихъ достопримѣчательностей и попросилъ разрѣшенія отправиться на чердакъ.

Сопровождать меня въ эту экскурсію Павелъ Павловичъ не

пожелалъ; былъ вызванъ Петръ, оказавшійся тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго я разбудилъ въ лакейской, и я былъ порученъ ему.

— Мнѣ еще пообмозговать кое-что надо! — объявилъ Павелъ Павловичъ — дѣла — вотъ! — онъ рѣзанулъ себя пальцемъ по горлу. — Въ парадной, то есть въ золотой, гостиной я буду!

По скрипучей двухъ-колѣнной деревянной лѣстницѣ мы поднялись на чердакъ.

Онъ оказался безконечнымъ сараемъ. Благодаря слуховымъ окнамъ тамъ царилъ полумракъ; глаза скоро притерпѣлись къ нему, и я различилъ, что горы чего-то непонятнаго, достигавшія до желѣза крыши, суть ничто иное, какъ сваленная въ груды старинная мебель.. Пыль и паутина, какъ мохъ, покрывали все. Елизаветинскіе громады-диваны изъ карельской березы въ видѣ широкихъ лиръ, съ украшеніями изъ черной рѣзьбы, Екатерининскіе и Александровскіе кресла и стулья — все это было изорвано, изломано и нагромождено другъ на друга. Не было сомнѣнія, что главнѣйшая ломка произошла во время переноски отъ безобразной и неосторожной уборки «хлама».

Я видѣлъ свѣже перешибленныя ножки и рѣзьбу, видѣлъ осколки ихъ,глубоко воткнувшіеся.какъ рогъ,въ сидѣнья и спинки своихъ сосѣдей.

Отжило свой срокъ — и брошено... участь всего на свѣтѣ отъ вещи до человѣка!

Кое-гдѣ встрѣчались окованные желѣзными полосами старинные сундуки. Я приподнялъ крышку одного изъ нихъ и увидалъ разноцвѣтные, шелковые и суконные камзолы Екатерининской эпохи, коротенькіе брючки, чулки и т.п.

Я вынулъ, лежавшій сверху, нѣжно-розовый камзолъ, обшитый по воротнику, бортамъ и рукавамъ кружевами и развернулъ

его. Онъ весь былъ точно изсѣченъ; изъ второго—зеленаго—тучей поднялась моль.

Петръ внимательно слѣдилъ за моими дѣйствіями.

— Одинъ навозъ! — проговорилъ онъ — все моль погубила!

— Люди, братъ, погубили! — отозвался я.

Въ другихъ сундукахъ оказалось то же самое и только одинъ былъ наполненъ пакетами съ какими-то бумагами. Я бѣгло просмотрѣлъ ихъ: то были счета и приходо-расходныя книги имѣнія за девятнадцатое столѣтіе.

— А другихъ книгъ здѣсь гдѣ-нибудь нѣтъ? — обратился я къ своему молчаливому спутнику.

— Да есть — отвѣтилъ онъ. — Вонъ, въ томъ концѣ навалены!

Подъ самымъ слуховымъ окномъ лежала довольно порядочная груда книгъ въ кожаныхъ переплетахъ; съ боку стояли два раскрытые сундука, биткомъ набитые ими же и связками бумагъ.

Съ часъ, должно быть, разбирался я во всемъ этомъ. Часть книгъ, ближайшая къ окну, неимѣвшему стеколъ, была безнадежно испорчена дождями и снѣгомъ. Другая, уцѣлѣвшая, состояла главнымъ образомъ изъ переводныхъ романовъ и оригинальной беллетристики XVIII и самаго начала XIX вѣка.

Тамъ отыскался «Бурсакъ» и «Два Ивана» Нарѣжнаго, этого предшественника и предвѣстника Гоголя, маленькія милыя книжечки —«Албертъ или Страстнаверпская пустыня», увидавшія свѣтъ въ Орлѣ въ 1822 году, «Замокъ въ Галиціи», 1802 года, «Лангедокская Путешественница» — 1801 года, любимая гадательная книга тѣхъ дней — «Волшебное Зеркало великаго Алберта» — ... милые томики, увлекавшіе нашихъ прабабушекъ, заполнявшіе ихъ мечты и досуги!

Шелестѣли страницы; ожило прошлое, со мной говорили дѣды. Ихъ платья, ихъ мебель, ихъ книги обвѣивали тепломъ и радостью, я былъ во дворцѣ, а не на чердакѣ, я былъ счастливъ!...

Среди бумагъ отыскались письма Разумовскаго, Энгельгардтовъ, и, какимъ то чудомъ — графа Аракчеева.

Я отобралъ цѣлую кучу всякой всячины и когда покончилъ и всталъ ,то замѣтилъ, что перепачкался до невѣроятія.

Петръ молча сидѣлъ позади на сундукѣ, курилъ и изрѣдка цикалъ слюной сквозь зубы.

Я попросилъ его помочь мнѣ связать все отложенное. Веревочки подъ рукой не попадалось. Петръ оглядѣлся, затѣмъ подошелъ къ грудѣ мебели и оторвалъ отъ Екатерининскаго дивана обвисшій толстый шелковый шнурокъ. Мы связали книги въ двѣ пачки и меня въ это время осѣнила мысль попытаться вовлечь въ заговоръ моего спутника и уѣхать тѣмъ же вечеромъ изъ подъ слишкомъ гостепріимнаго крова. Я намекнулъ объ этомъ Петру.

— Никоимъ манеромъ нельзя! — дѣловито возразилъ онъ.

— Почему?

— Пьянъ потому что вашъ извозчикъ: лыка не вяжетъ!

— Гдѣ же это онъ напился?! — воскликнулъ я.

— Здѣсь, по положенію. Какъ пріѣхалъ кто — кучера сейчасъ въ лоскъ напаиваютъ: гостю, значитъ, ни тпру ,ни ну — ночевать извольте!

— Да зачѣмъ это вашему хозяину надобно?

— Для конпаніи. Скучно одному по такимъ хоромамъ слоновъ водить, вотъ и плѣняетъ людей. По недѣлѣ, бываетъ, такимъ родомъ гапцываютъ!

—Однако?! — не безъ испуга проговорилъ я. — Слушайте, вы ужъ пожалуйста больше моего Мирона не напаивайте, на чай отъ меня получите!Я непремѣнно долженъ завтра ѣхать!

Петръ качнулъ головою.

— Не отъ меня зависитъ!.. пораньше ежели встанете, тогда еще можно!..

Мы пошли въ комнаты.

— Часто вашъ хозяинъ такъ запиваетъ? — началъ я опять разговоръ.

— Случается... изъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ году тринадцать пьянствуетъ.

— Какъ такъ тринадцать?

— По лунному календарю, говоритъ, дѣйствуетъ. Пока по купечеству состоялъ, всего разъ-два въ годъ захлестывало, а въ дворяне попалъ — и календаря подъ запой не хватило!

— Онъ меня увѣрялъ, будто изъ-за столовой пьетъ: черна очень! Почему онъ не продастъ ее?

— Не можетъ! Онъ бы ее давно изнилтожилъ, да нельзя: губернаторъ слово съ него взялъ, что не тронетъ ее! Вотъ онъ и обиждается. Да не столовая тутъ причиной, такъ ужъ это зря онъ на нее валитъ!

— Отъ чего же онъ дуритъ?

— Отъ капиталу. Возомнилъ о себѣ очень. Прежде и-и какой дѣлецъ былъ, а нонче все въ забвеніи. Глядѣть не на что.

— А вы кѣмъ у него служите?

— Прежде по купеческой части ходилъ, въ приказчикахъ, а нынче и самъ не знаю въ чемъ. Въ дармоѣдахъ, я такъ полагаю!

Мой спутникъ заинтересовалъ меня своимъ юморомъ и серьезностью: улыбка ни разу не появилась на лицѣ его.

Я остановился около лѣстницы и сталъ выпытывать его дальше.

— Да что-жъ я могу сказать? — отвѣтилъ Петръ. — Хорошаго нѣтъ ничего! По моему такъ: мужикъ ты — мужикомъ умирай; купецъ — купцомъ оставайся. А уѣдешь отъ своихъ — и къ чужимъ не пристанешь:—не въ свои сани не садись,говорятъ люди! Не такъ давно, ахъ какое благодатное дѣльце подвертывалось: башъ на башъ можно бы было взять! пошелъ ему говорить, а онъ съ дьякономъ тогда хороводился: Сына Сирахова съ нимъ изучалъ.

— Откуда онъ его взялъ?

— Да съ дороги: нешто не примѣтили — застава на ней стоитъ, проѣзжихъ господъ и духовныхъ въ домъ заворачиваютъ. Какъ гнѣздо Соловья-разбойника!

— Что же они съ дьякономъ творили?

— Ищу это я ихъ — нѣтъ нигдѣ, какъ провалились. Заглянулъ въ залу, а они тамъ кадрель вдвоемъ раздѣлываютъ! Грива у дьякона дыбомъ, подрясникъ что крылья вѣетъ! Нашъ оретъ, брыкается какъ телокъ... ужесть смотрѣть! Дѣльце то и прокадрилили!

— И долго у васъ дьяконъ прожилъ?

— Недѣлю. А вѣдь по спѣшному дѣлу, по вызову въ благо-

чинному ѣхалъ! Ну, какъ всѣ сроки пропустилъ — въ отчаянность впалъ: тутъ что было — и разсказать нельзя! Всѣ патреты въ домѣ личностью къ стѣнкамъ попереворачивали!

— Зачѣмъ?

— За пронзительность: не гляди такъ строго! А какъ же имъ иначе глядѣть, когда такое безобразіе? Винища вылакали — корову въ немъ утопить можно бы было! Посуды набили — двѣ корзины бѣльевыхъ черепковъ потомъ выкинули.

— Такъ!..значитъ Павелъ Павловичъ и потанцовать не прочь?

— Какъ же!... по образованности эта премудрость требуется! — съ ироніей отвѣтилъ Петръ. — Учится; на балы собирается зимой выѣзжаетъ. Предсѣдатель управы мазуркѣ насовѣтывалъ. ему обучиться, всѣ молъ генералы ее пляшутъ. Будку у крыльца видѣли?

— Видѣлъ.

— Для лаю поставлена.

— Для какого лаю?

— Какъ всѣ градусы перейдутъ — Павелъ Павловичъ на крыльцо садится, а компаньонъ на него изъ будки по собачьему гавкаетъ. Первое это удовольствіе: деньги даже за это платитъ! Намедни станового трое сутокъ хороводилъ и тотъ въ будку залѣзъ. И не хотѣлъ, а влѣзъ! Ну ужъ онъ нашего изъ будки то замѣсто лаю такой моралью обкладывалъ, что у-ухъ! Не всякому кучеру выговорить! И выходить не хотѣлъ — до пріѣзду губернатора рѣшилъ лежать: нашъ его ужъ сотельными бумажками изъ будки выманивалъ!

— Какимъ родомъ?

— Да положилъ передъ будкой бумажку, посвисталъ и кричитъ: втю ее! пиль! Тотъ головой мотаетъ: нѣтъ, молъ! Палъ Палычъ вторую поодаль положилъ, потомъ третью... только по пятой выползъ. Коммерція хорошая вышла: на пятьсотъ цѣлковыхъ матюковъ купилъ!

Мы спустились внизъ и направились въ «золотую» гостиную. Павла Павловича въ ней не оказалось.

— Не иначе онъ какъ въ залѣ! — рѣшилъ мой спутникъ.

Онъ былъ правъ. У открытыхъ дверей въ залъ я остановился:

противъ одного изъ среднихъ зеркалъ, спиной къ намъ, въ позѣ галантнаго кавалера, приглашающаго даму, прижавъ обѣ руки къ сердцу, стоялъ уже совершенно всклокоченный Павелъ Павловичъ. Его пошатывало.

— Мадамъ, пермете ангаже? — сладчайшимъ голосомъ произнесъ онъ. Затѣмъ будто получивъ согласіе невидимой дамы, выпрямился, закинулъ назадъ голову, лѣвую руку заложилъ за спину и вдругъ какъ гирями, грянулъ объ драгоцѣнный паркетъ каблуками, взбросилъ на высоту головы ногу и тяжело понесся по залу, яростно лягаясь во всѣ стороны.

— Выдра — тамъ! выдра здѣсь!! — сипло заголосилъ онъ на мотивъ мазурки изъ Жизнь за Царя; на вторыхъ словахъ онъ присѣдалъ, словно садился на корачки и ухалъ; лицо его было багрово. На повсрстѣ съ нимъ приключилось что-то въ родѣ родимчика: онъ сплелъ изъ ногъ ножницы, подскочилъ въ такомъ видѣ какъ медвѣдь, потомъ раскисъ отъ любви къ дамѣ, закатилъ глаза, замоталъ головой и прижалъ къ груди лѣвую руку.

— Алле-гале-сильвупле!! — изступленно заоралъ онъ въ полномъ упоеніи, какъ бы почувствовавъ приливъ новыхъ силъ. На второмъ поворотѣ онъ вздумалъ было припасть на одно колѣно, не удержалъ равновѣсія и шлепнулся на бокъ; рвенія его это не умалило: онъ перевернулся на четвереньки, сдѣлалъ безплодную попытку встать, затѣмъ поднялся, распростеръ руки, протопоталъ какъ иноходецъ и поскакалъ, брыкаясь, дальше.

Я выступилъ ему на встрѣчу и Павелъ Павловичъ увидалъ меня и пошелъ обыкновеннымъ порядкомъ.

— Моціонъ дѣлаю! — проговорилъ онъ запыхавшись. —Доктора велѣли: отъ однихъ умственныхъ-то занятій геморрой вѣдь приключается?

— — Отлично танцуете! — замѣтилъ я. — Прямо хоть въ Петербургъ, на балъ!

Бурые зубы Павла Павловича оскалились. — Придется скоро потрудиться, барынь нашихъ потѣшить! — Ну, а вы на чердакѣ что сыскали?

— Да вѣдь у васъ богатства тамъ лежатъ! — воскликнулъ я.

— Какія-съ? — не смотря на хмѣль хозяинъ насторожился.

— Мебель! Вѣдь ее только починить и она опять хоть куда!

Павелъ Павловичъ съ презрительнымъ видомъ поджалъ губы. отчего кончикъ его носа приподнялся кверху.

— Нну!!—протянулъ онъ.—Эта коммерція мелка для насъ... не подходящая! Пущай лежитъ!

— Тамъ и книги есть, — продолжалъ я,— кое-что я выбралъ. Можетъ не откажете продать мнѣ это?

Я указалъ на свою связку и на ту, которую держалъ Петръ, стоявшій позади насъ. Павелъ Павловичъ перевелъ глаза съ одной на другую.

— Можно-съ.

— Сколько же вы желаете за нихъ?

Хозяинъ опять поджалъ губы, взялъ одну связку и взвѣсилъ ее на рукѣ. Въ немъ проснулся купецъ.

— Двѣ красненькихъ!

Съ купцомъ и я заговорилъ по иному. — Одной довольно: все равно у васъ мыши съѣдятъ!

— Это какъ сказать!.. Полторы. «Стра...шная пу...стошь» по складамъ прочелъ онъ, переврaвъ при томъ надпись на корешкѣ одной изъ книгъ.

— Ишь самую квинтвисенцію выбрали!

— Ровно десять!

Павелъ Павловичъ, ломавшійся только для виду, махнулъ рукой.

— Получи деньги, Петра! — приказалъ онъ. — Для хорошаго человѣка не жалко; только для васъ уваженіе дѣлаю!

— Ну-съ, а теперь сдѣлочку вспрыснуть надо! — добавилъ онъ, когда я расплатился съ Петромъ и забралъ обѣ пачки. —Пожалуйте-съ!

— Какіе вспрыски, Христосъ съ вами, вѣдь мы только что пили?

— Позвольте, когда-жъ это было? Да вы время утратили: пока вы на чердакѣ дѣйствовали, я ужъ и этой... ну какъ ее... онъ пощелкалъ пальцами, помогая памяти... ну клептоманіей успѣлъ призаняться и моціонъ сдѣлалъ!

— Чѣмъ занимались?

— Клептоманіей! — внушительно повторилъ хозяинъ — руки свои изучаю, очень занятная штука: чтобъ судьбу свою узнать, человѣкъ, лядъ его знаетъ, куда лѣзетъ, на кофеѣ гадаетъ, а она нате вотъ: вся какъ есть у него же на ладошкѣ изображена!

Я понялъ, что рѣчь шла о хиромантіи.

— Кто же васъ научилъ ей?

— Дамы наши губернскія!... любятъ онѣ со мной хороводиться, — сдѣлавъ небрежный жестъ отвѣтилъ онъ, — талантъ по рукѣ, сказываютъ, большой я имѣю!

Павелъ Павловичъ чуть было не упалъ, но успѣлъ ухватиться за дверной косякъ.

Мы опять очутились въ столовой. На томъ же концѣ стола была постлана чистая бѣлая скатерть и приготовлены два «парадныхъ» прибора изъ англійскаго фарфора. Бутылокъ всякихъ калибровъ и видовъ выстроено было нѣсть числа. Въ сторонѣ отъ нихъ стояла громадная миска для крюшона со скрещенными на ней двумя длинными, блестящими ножами. Эта часть просвѣщенія, видимо, была извѣстна хозяину лучше иностранныхъ словъ.

Было около часа. На обѣдъ намъ подали щи изъ баранины, жареную свинину и необычайныхъ размѣровъ индѣйку. Все это было вкусно, но безмѣрно жирно. Павелъ Павловичъ ѣлъ мало, за то усердно опрокидывалъ въ ротъ рюмку за рюмкой; мнѣ на тарелку онъ наваливалъ горы всего; свою рябиновку я только пригубливалъ, и хозяинъ, заставивъ меня выпить пару полныхъ рюмокъ, пересталъ замѣчать мои уловки. Его захлестывало. По мѣрѣ питья онъ дѣлался все молчаливѣе и сумрачнѣй. Вмѣсто обычнаго своего «здравствуйте» онъ сталъ произносить «просятъ», чокался, проглатывалъ, затѣмъ начиналъ коситься по сторонамъ.

Я сообразилъ, что это «просятъ» есть ни что иное, какъ «прозитъ», вѣроятно слышанное имъ гдѣ-нибудь на пирушкѣ.

Только что я принялся за индѣйку, воспалившіеся глаза хозяина недвижно уставились въ мою сторону; онъ нагнулся, нахмурилъ брови и осторожно сощелкнулъ что то съ моего плеча.

Черезъ минуту онъ повторилъ то же самое.

— Что тамъ такое? — спросилъ я, оглянувшись.

Павелъ Павловичъ сидѣлъ крѣпко сжавъ губы и не сводилъ съ меня глазъ.

— Слабъ ты пить! — уже на «ты», вполголоса произнесъ онъ — чертики по тебѣ прыгаютъ. Брось, больше не пей! Въ голосѣ его слышалась забота обо мнѣ.

— Да и вы бы перестали! -- отвѣтилъ я.

Нѣсколько разъ въ жизни мнѣ приходилось наблюдать сумасшедшихъ людей и начинавшихъ впадать въ водобоязнь животныхъ. Сумашествію людей предшествуютъ волненіе и напряженность всего организма; собакой въ первомъ періодѣ овладѣваетъ радость,восторгъ,даже экстазъ. И я всегда бывалъ пораженъ совершенно одинаковымъ, особеннымъ сіяніемъ глазъ и тѣхъ и другихъ и его необыкновеннымъ сходствомъ съ сіяніемъ святости; разумъ какъ-бы претворяется въ лучи и уходитъ черезъ глаза... потомъ и мозгъ и они умираютъ. Глаза сумашедшихъ начинаютъ отливать тѣмъ синеватымъ огнемъ, который заревомъ покрываетъ зрачки здоровыхъ собакъ, когда онѣ теряются и перестаютъ понимать въ чемъ дѣло. Это сигналъ о берущемъ верхъ безуміи звѣря, всегда таящемся въ немъ и въ человѣкѣ рядомъ съ разумомъ.

Этотъ огонекъ я вдругъ подмѣтилъ въ глазахъ моего собутыльника; предвѣщаніе было плохое.

— Учи ученаго! — возразилъ онъ. — Сокрушонъ тебѣ нуженъ: мозгамъ отъ него легче, его пить можешь!

Онъ всталъ и поволокъ за собой скатерть; тарелка его грохнулась на полъ и разлетѣлась въ куски. Павелъ Павловичъ ничего не примѣтилъ, обошелъ столъ, придвинулъ къ себѣ миску и сталъ лить въ нее что попало подъ руку: рябиновку, ромъ, коньякъ, всякія вина, водку.

На звонъ тарелки изъ дверей вывернулись Ванька и Митька и принялись проворно откупоривать бутылки и подавать хозяину. Шампанское Павелъ Павловичъ откупорилъ самъ, обдалъ какъ изъ пожарной кишки пѣнистою струей блюдо съ индѣйкой ,затѣмъ справился съ придѣломъ и шампанское полилось въ миску.

Ванька водрузилъ на ножахъ верхушку головы сахара; Павелъ Павловичъ окатилъ ее спиртомъ и черкнулъ спичкой. Синее пламя охватило сахаръ, миску и ту часть стола, гдѣ происходило

священнодѣйствіе. Я набросилъ на огонь салфетку и затушилъ скатерть. Признаюсь, въ ту минуту я подумалъ лишь о спасеніи великолѣпной столовой, а не объ особѣ ея владѣльца!

Павелъ Павловичъ вернулся на свое мѣсто, налилъ въ наши стаканы новоявленный крюшонъ и, не измѣняя своей мрачности, сдѣлался необыкновенно заботливъ и нѣжно-внимателенъ ко мнѣ, какъ къ больному. Онъ то и дѣло легонько трепалъ меня по плечу, заглядывалъ мнѣ въ глаза и произносилъ — ну, ну, ничего... обойдется!.. не бойся: маленькіе вѣдь они, паршивцы!... Это ты, милый, въ катькину яму попалъ!

— Катценъ-яммеръ! — поправилъ я.

— Ну вотъ, вотъ!.. въ нее. Отойдетъ, ничего! Ну, какъ себя чувствуешь? — немного погодя обратился онъ опять ко мнѣ — не лазятъ больше по тебѣ?

— Кажется. нѣтъ.

— Ну вотъ и вѣрно: и я не вижу! — обрадовался Павелъ Павловичъ. — Да ты на этого идола не гляди, тамъ самое гнѣздо у нихъ! — воскликнулъ онъ, замѣтивъ, что я гляжу на буфетъ.— Тебѣ не отъ вина, а отъ этой анаѳемы почудилось! У, идолище поганое! Разражу! — вдругъ освирѣпѣвъ, крикнулъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу. — Лупи его, сатану! — онъ вскочилъ ухватилъ тяжелую бутылку изъ подъ шампанскаго. Я едва успѣлъ удержать его размахъ.

— Давайте лучше уйдемъ мы съ вами отсюда! — сказалъ я, — на чистомъ воздухѣ теперь хорошо бы побыть, подъ липой подъ вашей?

Павелъ Павловичъ тяжело дыша и сверкая глазами опустился на стулъ.

— Пойдемъ!.. — проговорилъ онъ — Ванька, Митька, сокрушонъ за нами волоките!

Мы встали и пошли изъ столовой. Въ дверяхъ Павелъ Павловичъ вдругъ остановился, повернулся назадъ и харкнулъ въ буфетъ черезъ всю комнату.

— Вотъ тебѣ!... у-у-у, жулябія!! — заявилъ онъ при этомъ.

Я взялъ его подъ руку и повелъ дальше. Павелъ Павловичъ огрузъ, отяжелѣлъ, его мотало изъ стороны въ сторону.

Подъ густовершинной, вѣковой липой была устроена скамья, охватывавшая ее въ видѣ квадрата съ четырехъ сторонъ. Тамъ же имѣлся врытый въ землю столъ; многочисленные окурки папиросъ, огрызки яблокъ, бумажки и т.п. свидѣтельствовали, что это мѣсто не разъ избиралось для кутежей хозяиномъ и его собутыльниками.

Миску и нѣсколько бутылокъ водрузили на столѣ, и мы расположились на свѣжемъ воздухѣ. Главной моей задачей явилось поскорѣе напоить Павла Павловича до положенія ризъ, затѣмъ какъ-нибудь вытрезвить Мирона и во что бы то ни стало удрать изъ этого виннаго царства. Чижиковъ былъ уже такъ пьянъ, что доконать его, казалось, можно было однимъ, двумя стаканами.

Павелъ Павловичъ зачерпнулъ изъ миски крюшонъ огромною серебряной разливательной ложкой и наполнилъ стаканы. Половина ложки была, конечно, розлита при этомъ по столу.

— Просятъ! — произнесъ хозяинъ, чуть не расшибивъ свой стаканъ объ мой.

Я отхлебнулъ и поставилъ крюшонъ на столъ; онъ оказался способнымъ заставить взвыть любого носорога.

— Просятъ — такъ пей! — мрачно заявилъ хозяинъ — что ты усы-то купаешь? Видишь, какъ надо! — онъ показалъ мнѣ свой пустой стаканъ. Я поспѣшилъ налить его и, злорадствуя въ душѣ, потянулся чокнуться.

— Чортъ съ тобой! — думалъ я — выпью пару стакановъ, за то ужъ ты у меня ляжешь!

Но сосѣдъ не легъ. Пришлось выпить сверхъ двухъ еще по одному... мнѣ показалось даже, что Павелъ Павловичъ какъ бы посвѣжѣлъ и повеселѣлъ отъ нихъ. Я хотѣлъ встать и къ ужасу своему почувствовалъ, что я пьянъ: ноги мнѣ почти не повиновались! А главное — я съ полною ясностью ощущалъ, что по лицу моему, не смотря на всѣ усилія противодѣйствовать, расползается блаженная улыбка. Было обидно и досадно, а улыбка продолжала раздвигать мнѣ ротъ.

Я собралъ всю силу воли, сдвинулъ брови, затѣмъ оперся на край стола и поднялся.

— Будетъ! — строго сказалъ я и явственно услыхалъ, что выговорилъ: «бурдетъ».

Я махнулъ рукой и кто-то другой засмѣялся моими губами; я хотѣлъ уйти.

— Куда? — завопилъ благимъ матомъ Павелъ Павловичъ, облапливая меня желѣзными ручищами и шмякая назадъ, какъ куль муки; скамья подо мной крякнула.

— Въ Сынѣ Сираховомъ что сказано: пей до дна! не оставляй зла въ дому своемъ! А тутъ гляди сколько еще осталось? — Истребляй. Штурмъ! Ура, бей его!! — онъ схватилъ бутылку и запустил ею въ стволъ липы: насъ обдало брызгами вина и стекла.

— Н-не х-хо-чу!— отвѣтилъ мой двойникъ.Тѣмъ не менѣе въ рукѣ у меня очутился полный стаканъ. Павелъ Павловичъ обнималъ меня, цѣловалъ, чокался, при чемъ мы полили другъ друга крюшономъ. Пилъ и я. Онъ объяснялъ мнѣ мѣсто изъ Сына Сирахова, гдѣ значится, что сокрушонъ названъ такъ потому, что этотъ напитокъ сокрушаетъ главу змія и что этого змія упустилъ дуракъ дьяконъ. Потомъ Павелъ Павловичъ спѣлъ арію Париса изъ Прекрасной Елены и «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ», причемъ шлепалъ ладонью по лужѣ на столѣ и плакалъ... кажется, затѣмъ мы спѣли что-то дуэтомъ... дальше я ничего не помню!

Когда я открылъ глаза, я увидалъ, что лежу одѣтый и въ сапогахъ на диванѣ въ высокой, совершенно мнѣ незнакомой комнатѣ. Въ окна глядѣли сумерки. Со стѣны насмѣшливо взирали портреты какихъ-то вельможъ въ звѣздахъ; среди нихъ я узналъ Потемкина. Голова болѣла нестерпимо. Я сѣлъ и никакъ не могъ вспомнить, гдѣ я и какъ попалъ сюда. Горло саднило, пить хотѣлось до невѣроятія.

— Проснулись — произнесъ позади меня знакомый голосъ. Я оглянулся и увидалъ Петра, стоявшаго у отворенной двери.

— Дайте мнѣ ради Бога пить — обратился я къ нему. — Надѣюсь, мой Миронъ еще трезвъ?

— Наливается уже помаленьку!

— Такъ прикажите не давать ему! — вскрикнулъ я — чтобъ не смѣлъ больше пить, пусть запрягаетъ, я сейчасъ ѣду!

Петръ принесъ мнѣ большую эмалированную кружку, наполненную холоднымъ квасомъ, и только тутъ я понялъ, почему Русь, веселіе которой есть пити, изобрѣла и любитъ этотъ напитокъ!

— Закладываетъ вашъ! — говорилъ Петръ, глядя, какъ я жадно припалъ къ кружкѣ. — Только какъ же вы голодный уѣдете?

— Это ничего. Я ѣсть совсѣмъ не хочу! — возразилъ я.

— Сейчасъ не хотите, потомъ захочется! Коль теперь аппетиту нѣтъ, дорогой закусите.

Онъ ушелъ. Я отправился вслѣдъ за нимъ и наткнулся на Ваньку.

— Нельзя ли помыться? — обратился я къ нему.

Ванька опѣшилъ; повидимому гости въ этомъ дворцѣ Растрелли умывались не часто.

— Мыться, такъ это на дворъ надо идтить! — отвѣтилъ онъ.

— А умывальника у васъ развѣ нѣтъ? — сердито спросилъ я.

— Тазъ жестяной есть. да онъ у барина стоитъ.

— А баринъ что дѣлаетъ?

— Спитъ еще.

Сообщеніе было пріятное: не нужно было опасаться досадныхъ приставаній, и можетъ быть даже ссоры изъ за моего отъѣзда.

Мы вышли черезъ кухню на дворъ, я скинулъ пиджакъ и Ванька сталъ поливать мнѣ на руки изъ ковшика. Генералъ Чижиковъ накупилъ полонъ домъ золотой мебели и только не счелъ нужнымъ обзавестись хоть однимъ умывальникомъ!

Я поручилъ Ванькѣ принести изъ столовой мои книги, а самъ, съ посылкой Маркова въ рукахъ, пошелъ пройтись вокругъ дома.

На мѣстѣ парка раскидывалось картофельное поле и огородъ; далеко тянулись длинные ряды пышной капусты.

«Гдѣ прежде процвѣтала
Троянская столица,
Тамъ въ наши времена

Посѣяна пшеница»

— Вспомнились слова пѣсенки.

Я обогнулъ домъ и увидалъ свою бричку, приближавшуюся къ нему. Петръ и Ванька стояли у подъѣзда и ждали меня; въ рукахъ у Петра виднѣлся большой свертокъ. Миронъ подъѣхалъ къ намъ. Лицо его было красно и измято, онъ съ недовольнымъ видомъ чуть приподнялъ шапченку и поздоровался.

— Это на дорогу вамъ! — сказалъ Петръ, показывая свертокъ. — Тутъ что отъ обѣда осталось я вамъ сложилъ. А это опохмѣлиться! — онъ сунулъ подъ козла между кипами книгъ бутылку.

— Зачѣмъ? не нужно! возьмите назадъ, пожалуйста! — запротестовалъ я — видѣть я не могу вина!

— Нельзя этого! — дѣловито возразилъ Петръ. — Всѣ по началу такъ то говорятъ; а безъ запасу нельзя! — Онъ скрестилъ руки и отступилъ назадъ.

— Понятное дѣло попадобится! — поддержалъ Миронъ. — Все время пьяные ѣздіимъ, такъ какъ же безъ похмѣлья возможно?

—. Ванька уложилъ купленныя мною у Чижикова книги, я простился и далъ всѣмъ на чай.

— Павлу Павловичу скажите, — обратился я уже изъ брички къ Петру, — что никакъ не могъ больше оставаться... случай такой вышелъ!..

— Какъ же, передамъ. Всего вамъ добраго!

Бричка тронулась. На перекресткѣ у заставы Соловья-разбойника Миронъ натянулъ возжи.

— Ну, куды-жъ теперь? — сердито спросилъ онъ.

— На станцію! — буркнулъ я — да живѣй, къ поѣзду поспѣть надо!

Суровый тонъ мой произвелъ на Мирона нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ повернулъ коньковъ налѣво и они запылили по хорошо накатанной дорогѣ.

Я взглянулъ на высившуюся позади громаду-домъ и мнѣ сдѣлалось легче: свѣжій воздухъ и полная вольная воля дѣйствовали благотворно.

Миронъ покряхтывалъ ,косился на меня, затѣмъ не выдержалъ:

— Ты чего же это отъ Чижикова сорвался? Иль тебя въ шею гналъ кто?

— Нужно, значитъ, — сухо отвѣтилъ я.

Миронъ поглядѣлъ на меня.

— Люди по недѣлѣ здѣсь гостятъ, ѣдятъ, пьютъ, а ты, э-эхъ!! Харчъ вольный, водка тоже... благодать! Жилъ бы себѣ, да жилъ!

— Ну, довольно! — вскинулся я на него — не мели зря!

Миронъ обидѣлся и умолкъ. Мнѣ сдѣлалось смѣшно: вѣдь оба мы съ нимъ злились по одной и той же причинѣ: «катькина яма», вспомнилось мнѣ!

Я сталъ глядѣть вдаль и мысль унеслась туда, въ лѣсъ, въ ночь, въ освѣщенный домъ съ башней... теперь и онъ угасъ навсегда!

Съ часъ мы ѣхали,, не обмѣнявшись ни словомъ. Миронъ началъ кряхтѣть и схватываться за животъ.

— Что тебя карежитъ? — спросилъ наконецъ я, замѣтивъ его продѣлки.

— Жгетъ! — отвѣтилъ онъ изнеможеннымъ голосомъ — замучило въ чистую!..

— Что такое замучило?

— Да я-жъ не опохмѣлился еще, а тебѣ ѣхать приспичило!— совсѣмъ какъ здоровый воскликнулъ Миронъ. — Вотъ и жгетъ... душа вымоталась! Дай Христа ради изъ бутылочки изъ твоей хлебнуть... хучь глоточекъ — голосъ и видъ у него опять сдѣлались самыми жалобными.

Я досталъ бутылку, сунутую Петромъ, развернулъ бумагу и увидалъ, что то былъ коньякъ; имѣлось его въ ней больше половины.

— На! — сказалъ я, протягивая бутылку. — Но сейчасъ дамъ только одинъ глотокъ — остально получишь, если во время доставишь на станцію!

— Доставлю! — обрадованно и совсѣмъ выздоровѣвъ отвѣтилъ Миронъ — это аминь, мое слово камень!

Онъ запрокинулъ бутылку себѣ въ ротъ; коньякъ забулькалъ и хоть я и поспѣшилъ отнять посудину, но онъ успѣлъ проглотить добрую половину.

— Важная водка! — произнесъ онъ, вытирая усы и бороденку — не иначе какъ графья на свадьбахъ ее пьютъ! Ну те ка вы, безпардонныя?! — онъ принялся за коньковъ; лицо его оживилось, языкъ замололъ безъ умолку.

Дорога бѣжала все лѣсомъ; приблизительно еще черезъ часъ передъ нами за поворотомъ, точно изъ подъ земли, выросло низенькое, маленькое зданіе станціи. Она казалась спящей.

— Вотъ и поспѣли! — воскликнулъ Миронъ, очень безпокоившійся подъ конецъ пути и все погонявшій своихъ бѣляковъ: боязнь лишиться графскаго напитка заполонила все существо его. — И поѣзда еще не слыхать!

Бричка загремѣла по вымощенному камнями дворику и остановилась. Я отправился покупать билетъ, а Миронъ со сторожемъ принялись таскать на перронъ мои вещи и книги. Мирона, оказалось, такъ разобрало, что онъ едва держался на ногахъ.

— Ну, ужъ мнѣ на чай съ тебя получать!! — заявилъ онъ чуть не свалясь мнѣ подъ ноги вмѣстѣ со связкой книгъ. — Этого братъ, такъ спустить нельзя — споилъ ты меня! Недѣлю я съ тобой ѣзжу и всю недѣлю пьянъ!Вотъ вѣдь исторія,братцы мои,какая? — добавилъ онъ, сѣвъ на мои книги и неизвѣстно къ кому обращаясь.

Вдали показался дымокъ. Изъ дверей станціи медленно вышло начальство: заспанный дежурный въ красной фуражкѣ и пожилой жандармскій унтеръ-офицеръ.

— Ладно, ладно, тащи скорѣй остальное!— приказалъ я;Миронъ всталъ, заспѣшилъ, заплетаясь ногами, и сейчасъ же возвратился: сторожъ уже несъ послѣднюю пачку.

— Съ тобой ѣздить бѣда-а!!. съ тобой запьешь!! — возгласилъ Миронъ, вернувшись ко мнѣ. — Ишь, книжищевъ-то, братцы, мои, сколько набралъ: горе! — Онъ ударилъ себя объ полы руками и закачалъ головой.

Я расплатился и трехрублевка на-чай заставила моего возницу сорвать съ себя шапченку и отвѣсить мнѣ поясной поклонъ.

— Вотъ это спасибо, господинъ! — сказалъ онъ. — Еще пріѣзжайте къ намъ. Всю губернію изъѣздимъ!..

Мимо насъ, пыхтя, прошелъ паровозъ, за нимъ замелькали и остановились вагоны. Спустя минуту я уже сидѣлъ въ совершенно пустомъ купе; мои книги загромоздили всѣ сѣтки.

— Съ досвиданьицемъ, господинъ! — крикнулъ съ перрона голосъ Мирона. — Ворочайтесь поскорѣича!

Я выглянулъ въ окно.

Паровозъ тяжело вздохнулъ, выбросилъ клубъ бѣлаго пара,и вагонъ двинулся. Будто густой молочный туманъ заволокъ всю станцію. Черезъ мигъ онъ разсѣялся, и я опять увидалъ взлохмаченнаго Мирона, обѣими руками державшаго у груди шапченку и глядѣвшаго намъ вслѣдъ; за угломъ зданія открылись запыленная бричка и спавшіе «кульерскіе»... Еще секунда,и все утонуло въ безконечномъ желтомъ морѣ березняка.

Орловская губернія — гнѣздо моихъ предковъ. Въ ней особый воздухъ, особые нравы. И я рѣшилъ поколесить по нѣкоторымъ, неизвѣстнымъ мнѣ уѣздамъ, чтобы ознакомиться съ ея многочисленными старинными усадьбами и съ тѣмъ, что сохранилось въ нихъ.

На одной изъ станцій близь Орла жилъ мой давнишній пріятель, купецъ Титовъ, имѣвшій мелочную лавочку, въ которой хозяйничали двѣ его дочери; самъ онъ «эвтими пустяками» не занимался и велъ довольно крупныя лѣсныя дѣла. Познакомился я съ нимъ случайно, въ Петербургѣ, въ домѣ у одного изъ своихъ друзей. Пріѣхалъ я какъ-то къ тому вечеромъ и мнѣ сразу бросилась въ глаза новая, очень примѣтная личность: высокій и сухощавый гость въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ и въ длинныхъ, хорошо начищенныхъ сапогахъ; съ продолговатаго лица его падала на грудь узкая, темная борода. Волосы на головѣ незнакомца были причесаны а ля мужикъ; маленькіе, каріе глаза глядѣли, изъ подъ точно углемъ проведенныхъ бровей, спокойно и чуть насмѣшливо. Отъ него такъ и дышало разсудительностью и невозмутимостью. Лѣтъ ему можно было дать около пятидесяти.

— Провъ Ивановичъ Титовъ!... — назвалъ его хозяинъ: — нашъ, Орловскій купецъ; лѣсъ пріѣхалъ у меня покупать... Рекомендую особенному вашему вниманію!

— Очень радъ, отвѣтилъ я, пожимая сухую, жилистую руку Титова: — но, увы, лѣсовъ у меня нѣтъ!

— Это археологъ и большой любитель старины! . . . — добавилъ хозяинъ, похлопавъ купца по плечу. — Потолкуйте съ нимъ, друзьями станете! . . .

— Какой ужъ я археологъ? . . . нѣсколько тягуче отвѣтилъ Титовъ: — архиолухъ развѣ . . . — такъ, придерживаю, что само въ руки плыветъ!

Мы присѣли къ сторонкѣ и разговорились. Титовъ оказался дѣйствительно любителемъ и собирателемъ старины; говорилъ онъ не торопясь, немногословно, характернымъ языкомъ, четко обозначая свою мысль. Какой либо неловкости, или стѣсненія, обыкновенно испытываемыхъ людьми, попавшими не въ свое общество, въ немъ не чувствовалось совершенно. Черезъ десятокъ-другой фразъ Титовъ сталъ говорить мнѣ ты; «тыкалъ» онъ рѣшительно всѣхъ, даже собственнаго губернатора. Титулованныхъ и чиновныхъ особъ именовалъ при этомъ «ты ваше сіятельство», или «ты ваше превосходительство».

Я долго стѣснялся употреблять по отношенію къ нему это мѣстоимѣніе —вѣроятно года два, пока Титовъ самъ не замѣтилъ этого и не сказалъ мнѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: — да чего это ты меня все выкаешь? Я вѣдь тебѣ не родитель!

Титовъ такъ заинтересовалъ меня, что я пригласилъ его къ себѣ и съ тѣхъ поръ онъ постоянно посѣщалъ меня, наѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ, что случалось довольно часто. И долженъ сознаться — рѣдко среди лицъ интеллигентныхъ я встрѣчалъ такихъ деликатныхъ и такихъ трезвыхъ умомъ людей, какимъ былъ этотъ, писавшій каракулями и не то что бы шибко разбиравшій грамоту вчерашній мужикъ.

Онъ постоянно тянулъ меня въ Орелъ, соблазняя раскопкой кургановъ, имѣвшихся на его землѣ. Иногда онъ привозилъ мнѣ кое-какіе предметы XVII вѣка. Я нѣсколько разъ собирался побывать у него и каждый разъ случалась какая нибудь помѣха.

Наконецъ наканунѣ Петрова дня въ 1907 году я сѣлъ въ вагонъ и почти черезъ двое сутокъ уже шагалъ, рядомъ со встрѣ-

тившимъ меня на станціи Провомъ Ивановичемъ, по разомлѣвшей отъ зноя, пыльной улицѣ поселка къ небольшому коричневому дому, изъ за котораго выглядывали верхушки деревьевъ садика. Вещи мои — чемоданъ, подушку и бурку — сопя тащилъ позади насъ рябой станціонный сторожъ.

— Ну вотъ и хорошо, что надумался, наконецъ, и пріѣхалъ! . . . говорилъ съ довольной улыбкой Титовъ: — получилъ вчерась твою телеграмму, ужъ такъ обрадовался! вполнѣ праздникъ вышелъ!

По невысокому крылечку мы поднялись и вошли въ тѣсную, деревенскую лавочку, гдѣ можно получить все, что нужно для незатѣйливаго обихода: ситецъ и чай, деготь и сахаръ, керосинъ, грошевые пряники и леденцы въ аляповатыхъ бумажкахъ и т. д. За прилавкомъ стояли двѣ принаряженныя, уже нѣсколько пожилыя дѣвушки — дочери Титова.

— Хозяйки мои! . . . — сказалъ Титовъ, кивнувъ на нихъ: — Марья и Пелагея!

Онъ отворилъ другую дверь и пропустилъ меня въ небольшую столовую, тѣсно заставленную мебелью. Насъ ожидалъ кипѣвшій самоваръ и столъ, весь уставленный закусками. Надъ столомъ опускалась съ досчатаго потолка керосиновая большая лампа съ бѣлымъ колпакомъ; на двухъ оконцахъ висѣли бѣлыя же тюлевыя гардины; сквозь нихъ зеленѣла герань.

Дѣвушки вошли за нами.

— Прошу, гость дорогой? . . . говорилъ хозяинъ: — садись гдѣ любо, хлѣба-соли откушай!

Мы размѣстились и Провъ Ивановичъ принялся подчивать меня то тѣмъ, то другимъ изъ обильно наготовленныхъ яствъ.

Мы поговорили о желѣзной дорогѣ, о питерскихъ новостяхъ, и разговоръ перешелъ на дальнѣйшую цѣль моей поѣздки. Провъ Ивановичъ задумался.

— Времячко ты не больно ладно выбралъ! . . . проговорилъ онъ. — Покосъ теперь вездѣ, лошадей трудно доставать будетъ!

— Какъ нибудь устроюсь!... отвѣтилъ я: — если бы отложилъ отъѣздъ — и совсѣмъ бы никуда не выбрался въ этомъ году!... Ну, а ты какъ поживаешь, Провъ Ивановичъ?

— Да я что жъ?... онъ слегка развелъ руками: — слава Богу, живемъ открыто — три раза въ день чай пьемъ!

— Лавка хорошо ли идетъ? Ишь, помощницы то у тебя какія отличныя!...

Дѣвушки обѣ потупились, а Провъ Ивановичъ качнулъ головой.

— Не помощницы онѣ у меня — хозяйки: сами дѣло ведутъ. Кажному человѣку надо занятье себѣ имѣть: не одни же сѣмячки весь вѣкъ лущить? Ничего себѣ, бредутъ, какъ богомолецъ съ клюкой!...

— А сынокъ какъ живетъ въ Орлѣ? Хорошо учится?

— Какое нонче ученье? Нѣтъ, возьму малаго; пущай въ приказчикахъ при мнѣ по лѣсному дѣлу ходитъ!

Мы покончили съ закуской и отправились въ кабинетъ хозяина осматривать его собраніе старины. Титовъ шелъ впереди и, когда онъ отворилъ дверь въ заднюю угловую комнату, мнѣ показалось, что я вхожу въ настоящій музей. Всѣ стѣны были покрыты картонами съ прикрѣпленными къ нимъ всевозможными натѣльными крестами, бляхами, серьгами, бусами и пр. вещами изъ могилъ. Картонки чередовались съ шишаками разныхъ сохранностей, ржавыми кольчугами и разнымъ оружіемъ. Красный уголъ и часть стѣнъ около него занимали старинныя иконы и на-воротные мѣдные кресты.

Среди комнаты стоялъ письменный столъ съ большими фикусами передъ нимъ; два книжные шкафа, набитые книгами, отдѣляли уголокъ, въ которомъ ютилась кроват хозяина. Комната блестѣла чистотой и порядкомъ. Письменный столъ оказался складомъ старинныхъ монетъ и всякихъ болѣе цѣнныхъ предметовъ. Провъ Ивановичъ осѣдлалъ кончикъ своего длинняго носа очками въ оловянной оправѣ и сталъ раскладыват передо мной свои драгоцѣнности. Многолѣтнее собираніе дало ему практическій нюхъ и онъ довольно вѣрно опредѣлялъ степень рѣдкости вещей.

Разборка и осмотръ ихъ заняли порядочно времени. Особенно цѣнныхъ могильныхъ предметовъ мнѣ не встрѣтилось, но среди монетъ и иконъ имѣлись рѣдкости: рубли съ крестомъ Петра III, портретные Александра I, вензельный мѣдный гривенникъ Екатерины II и т. д. Среди иконъ двѣ были XV вѣка съ почернѣлою серебряной басмой кругомъ. Нельзя было оторваться отъ лика Богоматери — до того строго и проникновенно написалъ его невѣдомый художникъ.

— Хороши? Съ гордостью освѣдомился Титовъ, увидавъ, что я не отвожу отъ нихъ глазъ.

— Да ужъ что говорить?!... отозвался я: — изумительны!

— То то!!... самъ Рублевъ писалъ.

— Можетъ быть... манера его!

— Не на манеру гляди — на ликъ: душа въ немъ скрозь краски свѣтится! Ни у кого, окромѣ Рублева, не найдешь этого!...

— Откуда онѣ у тебя?

— У барина взялъ у одного... князекъ такой разорившійся былъ!...

— Только иконы однѣ купилъ?

— Зачѣмъ? Съ имѣніемъ взялъ ихъ, въ придачу. Висѣли онѣ по угламъ; я ихъ, признаться, споначалу и во вниманіе не взялъ! А потомъ какъ разглядѣлъ — ахнулъ! Старовѣры ко мнѣ пріѣзжали — по двѣ тысячи давали за каждую, ну да не отдамъ и за пять: очень ужъ душѣ отъ нихъ радостно!

Знавшій веиколѣпно свой уѣздъ Титовъ намѣтилъ мнѣ маршрутъ поѣздки. Долженъ добавить, что въ коммерческомъ отношеніи онъ считалъ меня за младенца, и когда, случалось, я хвастался ему въ Петербургѣ своими новыми покупками, то онъ не безъ недовѣрія во взглядѣ взвѣшивалъ мою драгоцѣнность на рукѣ и спрашивалъ: — а сколько сняли съ тебя за нее? Какъ бы дешева ни была покупка, мой отвѣтъ никогда не удовлетворялъ его. Онъ поджималъ губы, чуть поводилъ носомъ, отдавалъ мнѣ назадъ вещь и произносилъ: — дорого далъ!... я бы за половину взялъ!

Первымъ въ числѣ намѣченныхъ лицъ значился какой то Бончъ-Брудзинскій; имѣніе его находилось верстахъ въ семи отъ дома Титова. Провъ Ивановичъ назвалъ его и затѣмъ обезпокоился.

— Нажгетъ тебя этотъ!... сказалъ онъ: — напрасно, пожалуй, и помянулъ я его!

— Почему ты думаешь, что нажжетъ? спросилъ я, нѣсколько задѣтый его тономъ.

— Да тебя, кому не лѣнь, всякій нажгетъ! ну, какой ты купецъ? Нѣтъ, одного тебя пущать туда не рука!... видно и мнѣ съ тобой къ нему ѣхать!

— Да полно!... не безпокойся, я и одинъ обойдусь!

— Что за безпокойство? Для дружка и сто верстъ не околица! Бончъ вѣдь не простой: іезовитъ настоящій. Онъ тебя форсомъ барскимъ сразу возьметъ — все и отдашь ему, что ни захочетъ.

— Ну, это дудки!...

— Да дудить то въ нихъ ты будешь, повѣрь слову! Заведетъ это тебѣ сразу шарманку:.мы, молъ, дворяне, мы не торгуемся, у насъ честь дворянская... вотъ ты и скисъ, торговаться то тебѣ съ нимъ и неловко! А до цѣны дойдете — такую загнетъ, что животъ вспучитъ! Честь то его тебѣ бокомъ и вылѣзетъ! Да еще въ одолженье тебѣ поставитъ, что продать снизошелъ — вотъ вѣдь, какой! А меня на это не возьмешь: честь у купца извѣстная — подешевле купить, подороже продать... Ѣдемъ вмѣстѣ!

— Очень радъ! отвѣтилъ я.

— Ну, только ты книжки отбери и шабашъ: торговаться ужъ я буду, ты въ это дѣло не всовывайся! Жаль — обличьемъ ты не вышелъ, а то я бы тебя за приказчика за своего по уѣзду повозилъ?... добавилъ онъ, оглядѣвъ меня. Я засмѣялся.

— Да ты не смѣйся, дѣло говорю! Помни: іезовитъ онъ: глаза у него въ небеса, а руки вотъ какъ по землѣ шарятъ! Да вотъ что: назову ка я ему тебя своимъ конпаньономъ по книжному дѣлу; магазинъ, молъ, въ Питерѣ съ тобой затѣваемъ! Идетъ?

— Идетъ!

— Ну, только ужъ ты молчокъ, какъ воды въ ротъ набери, не проговорись! Понялъ?

Смѣясь, я согласился. Мы выпили еще по «посошку для сну» — по стакану вина и разошлись по своимъ комнатамъ.

Утречкомъ, послѣ чаю и плотной закуски мы заныряли изъ оврага въ оврагъ, сплошь залитые лиственнымъ лѣсомъ. Бричка наша то и дѣло катилась подъ горку, гремѣла по живымъ мосткамъ и во весь духъ взлетала со дна на противоположный берегъ.

— Хороши коньки у тебя! похвалилъ я саврасокъ.

— Ничего себѣ, добрые!!... отвѣтилъ Провъ Ивановичъ. Похвала моя была ему, видимо, пріятна. Онъ былъ молчаливъ и о чемъ то думалъ: на лбу между бровями его обозначилась глубокая, словно ножомъ просѣченная складка. Черный картузъ его съ большимъ козырькомъ былъ надвинутъ на самый носъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, отчего такъ на свѣтѣ устроено, что ежели отецъ бережливъ — дѣти расточителями будутъ; ежели отецъ мотъ — дѣти бережливы? вдругъ спросилъ онъ немного погодя.

— Законъ равновѣсія, должно быть!... отвѣтилъ я, глядя по сторонамъ.

Титовъ отрицательно мотнулъ головою и замолчалъ снова.

— Пороть нонче перестали, вотъ отчего! ... проронилъ онъ черезъ нѣкоторое время.

Я сообразилъ, что философія эта касалась его сына и не отвѣтилъ.

Не успѣлъ я вволю надышаться свѣжимъ воздухомъ лѣса, березнякъ отрѣзало какъ ножемъ; впереди зажелтѣли поля ржи. Подувалъ вѣтерокъ и милліоны колосьевъ, столпившіеся по сторонамъ дороги, шептались и кланялись намъ; кругомъ бѣ-

жали волны. Приблизительно въ верстѣ отъ насъ, среди полей, возвышался зеленый островокъ.

— Садъ Бончевскій!... молвилъ про него мой спутникъ. — Дома не видать отсюда. ... Онъ нагнулся и сорвалъ пару колосьевъ. — А рожь то уже и косить скоро пора?... добавилъ онъ, потеревъ ихъ на ладони.

Лай двухъ пестрыхъ, худыхъ какъ скелеты и лохматыхъ, шавокъ привѣтствовалъ наше появленіе на дворѣ усадьбы.

Домъ былъ совершенно новый и сохранившіяся около него, заросшія кустами шиповника, линіи стараго кирпичнаго фундамента указывали, что новый домъ построенъ лишь на небольшой части прежняго.

«Масштабы прошлаго и настоящаго»! ... мелькнула во мнѣ мысль.

— Дома что ль, Платонъ Федорычъ? спросилъ Титовъ босоногую горничную, выглянувшую на насъ изъ сѣней господскаго дома.

— Дома!... отозвалась та и сейчасъ же нырнула обратно.

Мы вылѣзли изъ брички, и Провъ Ивановичъ съ никогда не оставлявшими его увѣренностью и спокойствіемъ вошелъ на крыльцо и потомъ въ сѣни. Я слѣдовалъ за нимъ. Мы миновали маленькую переднюю и попали въ залъ съ тремя небольшими окнами; въ одно время съ нами изъ другой двери показался представительный бѣлокурый господинъ съ роскошными бакенбардами и откинутыми назадъ густыми волосами. Лѣтъ ему было подъ сорокъ. Въ мѣру полную фигуру его облегала чесучевая пара; отъ воротника бѣлой, мягкой рубашки спускался къ широкому поясу, замѣнявшему жилетъ, бронзоваго цвѣта галстухъ. Видъ у Бонча былъ по меньшей мѣрѣ директора департамента. При видѣ Титова лицо его приняло привѣтливое выраженіе.

— А, Провъ Ивановичъ?!... мягкимъ баритономъ воскликнулъ онъ, подходя къ Титову, и поднялъ ладонь какъ бы для удара. — Вотъ кого радъ видѣть! Мой спутникъ подставилъ руку и хозяинъ сочно шлепнулъ по ней своею; послѣдовало крѣпкое и долгое пожатіе.

— А это конпаньонъ мой, Сергѣй Романычъ!... представилъ меня Титовъ.

— Очень радъ!... повторилъ Бончъ и крѣпко сжалъ и потрясъ мою руку. — Садитесь, господа. Какими вѣтрами васъ Господь ко мнѣ занесъ?

— Вѣтры обнаковенные ... коммерческіе! ... неторопясь отвѣтилъ Титовъ, усаживаясь въ кресло.

Лицо хозяина продолжало привѣтливо улыбаться, но свѣтлые глаза насторожились и въ нихъ мелькнула какая то искорка.

— Все съ вами радъ вести, Провъ Ивановичъ, и коммерцію и знакомство!... мягко отвѣтилъ онъ и обратился ко мнѣ: — а вы чѣмъ торгуете, Сергѣй Романовичъ?

Должно быть выраженіе моего лица сдѣлалось глупѣйшее. Врать я не хотѣлъ, но и выдавать головой Прова Ивановича не приходилось тоже. Я безпомощно пошевелилъ пальцами и только хотѣлъ что то сморозить, вмѣшался Провъ Ивановичъ.

— Со мной онъ!... — выручилъ онъ меня: — а къ тебѣ вотъ какое дѣльце будетъ — овесъ хочу у тебя взять!

— Овесъ? удивился Бончъ. — Да развѣ жъ ты и хлѣбомъ сталъ заниматься?

— Отчего жъ человѣку отъ хлѣба бѣгать? возразилъ Титовъ.

Я сразу отгадалъ планъ моего пріятеля: никакого овса покупать онъ не собирался и заговорилъ о немъ, что называется, для отвода глазъ. Но лицо не выдавало его ни единымъ мускуломъ и было, какъ всегда, невозмутимо и серьезно.

— Ну, конечно, конечно!... согласился хозяинъ и опять перевелъ на меня внимательные, свѣтлые глаза: — вы, значитъ, по хлѣбной части?

Я кашлянулъ въ кулакъ и скосилъ глаза въ уголъ: мнѣ представилось, что я уже встрѣтился съ Бончемъ въ Петербургѣ у знакомыхъ въ качествѣ «хлѣбника»...

— Говорю — конпаньонъ мой!... повторилъ Провъ Ивановичъ. — Такъ какъ же на счетъ овсеца?

Я для безопасности потупился и передвинулся на кончикъ стула.

Хозяинъ закинулъ ногу на ногу, покачалъ ею и взялся холеной лѣвой рукой за бакенбарду. На лицѣ его изобразилось раздумье.

— Цѣны въ гору пойдутъ?... вымолвилъ онъ, принявъ за чистую монету предложеніе Прова Ивановича; это заключеніе онъ явно вывелъ изъ нашего нежданнаго предложенія. — А какая твоя цѣна, Провъ Ивановичъ?

— Ты хозяинъ, тебѣ и цѣну ставить!...

Бончъ взялся уже обѣими руками за кончики бакенбардъ и въ раздумьи потянулъ ихъ въ разныя стороны.

— Въ гору цѣны пойдутъ!... Подожду!

— Ой, не прошибись, смотри!

— Подожду! еще тверже сказалъ Бончъ: — овса не продамъ, а чайку выпить милости прошу! Онъ всталъ и движеніемъ руки показалъ на сосѣднюю комнату, гдѣ помѣщалась столовая.

На покрытомъ синею ярославскою скатертью столѣ лежали разбросанные по разнымъ мѣстамъ остатки хлѣба, стояло нѣсколько чашекъ и полузаглохшій самоваръ; чаепитіе, видимо, только что было кончено.

— Прошу покорно!... хозяинъ указалъ на стулья и сѣлъ противъ насъ. Босоногая горничная принесла пару приблизительно чистыхъ стакановъ и налила и подала намъ жидкое и чуть теплое пойло.

— Не желаешь коммерціи со мной вести — твое дѣло!... выговорилъ Провъ Ивановичъ.

— Всегда радъ ее съ такимъ тузомъ какъ ты вести!... мягко возразилъ хозяинъ и слегка прикоснулся къ колѣну Титова концами пальцевъ. — Обожди немного; никому овса кромѣ тебя не продамъ!

— Ну, ну!... Съ овсомъ ты меня не уважилъ, другое я вспомнилъ: библіотека то твоя еще цѣла или нѣтъ?

— Цѣла, а что?

— Обѣщалъ я пріятелю одному питерскому книгъ прислать — торговлишку думаетъ ими открыть. Не уступишь ли?

— Отчего же, можно!

— Велика ли?

— Томовъ за тысячу будетъ!

Провъ Ивановичъ скривилъ губы. — Много!... И чай, хламъ все?

— Почему хламъ? Книги прекрасныя, собирали ихъ знатоки, просвѣщенные люди!... Хозяинъ даже какъ будто немного обидѣлся; Провъ Ивановичъ равнодушно прихлебывалъ свой чай.

— Какъ смекаешь? минуту погодя обратился онъ ко мнѣ: — гуртомъ брать, или нѣтъ?

— Гуртомъ многовато будетъ!... отвѣтилъ я. — Впрочемъ посмотрѣть сперва надо!

— А, пожалуйста?... предложилъ хозяинъ.

— Сходи, погляди!... распорядился Титовъ.

— Да ужъ лучше вы!... возразилъ я, выдерживая тонъ.

— Стану я съ дрянью пачкаться!... съ пренебреженіемъ отозвался Провъ Ивановичъ: — погляди поди, не маленькій!

Я всталъ. Поднялся и хозяинъ и черезъ полутемный корридоръ провелъ меня въ дальнюю комнату, очевидно служившую мѣстомъ склада всякой рухляди; тамъ подъ самый потолокъ стояли другъ на другѣ сундуки разныхъ размѣровъ, лежали матрасы и перины; на хромомъ столѣ грудилось нѣсколько вѣнскихъ стульевъ съ продранными сидѣньями. У трехъ стѣнъ стояло по большому черному шкафу.

Бончъ досталъ изъ кармана связку ключей и отомкнулъ ихъ.

— Вотъ вамъ книги, просматривайте!... сказалъ онъ: — а я пока къ Прову Ивановичу пройду!

Я принялся за работу.

Библіотека состояла главнымъ образомъ изъ беллетристики на разныхъ языкахъ; преобладали французскіе романы. Я отобралъ около полусотни томовъ и вернулся въ столовую.

— Уже кончили? удивился хозяинъ. — Ну, что же, всю библіотеку берете?

— Нѣтъ!... отвѣтилъ я: — тамъ все иностранныя книжки. Русскихъ отложилъ нѣсколько!...

— Надоть посмотрѣть, что ты отобралъ? проговорилъ Провъ Ивановичъ и поднялся со стула. Всѣ втроемъ мы вошли въ комнату со шкафами. Хозяинъ задержался зачѣмъ то въ корридорѣ и Провъ Ивановичъ воспользовался этой минутой, нагнулся ко мнѣ и быстро шепнулъ: — какая цѣна?

— Сто рублей! . . . такъ же быстро отвѣтилъ я и только что успѣлъ отвернуться, появился хозяинъ.

— Эти ты отобралъ? спросилъ Провъ Ивановичъ, указывая на книги, стопками положенныя мной на хромой столъ, съ котораго я убралъ стулья.

— Эти! . . . И я отошелъ въ сторону, къ шкафу, и началъ перелистывать какую то книгу съ картинками.

Провъ Ивановичъ вынулъ изъ бокового кармана порыжѣлый очешникъ, досталъ изъ него большіе оловянные очки и надѣлъ ихъ. Потомъ оглядѣлъ книжную груду, похлопалъ по ней рукою и сдвинулъ очки на кончикъ носа.

— Сколько? обратился онъ къ хозяину.

— Сейчасъ . . . надо посмотрѣть, что здѣсь такое? . . . Бончъ наклонился и по натискамъ на корешкахъ быстро пробѣжалъ названія. Потомъ выпрямился и подумалъ. — Двѣсти рублей! рѣшительно произнесъ онъ.

— Двѣ-ѣсти? какъ бы съ глубокимъ недовѣріемъ повторилъ Провъ Ивановичъ: — да что онѣ у тебя изъ серебра что ли?

— А ты посмотри, какія это книги? . . . Бончъ взялъ одну изъ верхнихъ и раскрылъ ее. — Эта напримѣръ: Титъ Ливій, а?! . . . онъ протянулъ ее Прову Ивановичу.

Тотъ отстранилъ ее рукою.

— Что жъ что Титъ? . . . возразилъ онъ: — вонъ у меня кумъ Титъ, а пьяница!

Бончъ слегка опѣшилъ и уставился на Прова Ивановича, не зная что отвѣтить. Тотъ невозмутимо глядѣлъ на него поверхъ очковъ.

— А это что? Бончъ открылъ другую книгу: — Лямартинъ, исторія жирондистовъ! Драгоцѣнная вещь!

— И Мартынъ не диковина!... Ты именами то не пугай, а давай дѣло говорить! Провъ Ивановичъ стукнулъ костяшками кулака по книгамъ. — Четвертной билетъ кладу! —

— Мой другъ, я не базарный торговецъ и запрашивать не привыкъ!... съ достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы съ грустью произнесъ хозяинъ.

— Запросъ худа не дѣлаетъ!... отвѣтилъ Провъ Ивановичъ. — Только цѣну назначай не зря, а по вещи глядя!

— Я не зря и назначаю! Помилуй, одинъ Лямартинъ чего стоитъ?

— Да что ты за Мартына то уцѣпился? Хотя бы и разъ-ляля Мартынъ онъ былъ, все единственно! Это не лафитъ: тамъ — что ни го-го то дороже!

— Вотъ что, Провъ Ивановичъ, не будемъ больше разговаривать!... заявилъ Бончъ: — сто цѣлковыхъ и ни гроша меньше!

Титовъ молча снялъ очки, уложилъ ихъ въ футляръ и спряталъ въ карманъ.

— Всякій, стало быть, при своемъ остается... молвилъ онъ: — мы при деньгахъ, ты при Мартынахъ! Ну, намъ пора, ѣдемъ?...

Мы возвратились въ столовую и тамъ стали прощаться.

— Бери книги, Провъ Ивановичъ! сказалъ Бончъ, не выпуская изъ своей руки руку Титова: — даромъ вѣдь отдаю; тебѣ только!

— А мнѣ то что? равнодушно отозвался Титовъ: — не для себя торговалъ, для знакомаго!

— Прибавь, не скупись; знакомый твой благодарить тебя будетъ!

— Благодари-ить? Гляди, какъ бы не обругалъ! Двадцать то пять — это нонче охъ какія деньги!

Мы проходили уже по передней.

— Ну, Богъ съ тобой Провъ Ивановичъ! вдругъ рѣшилъ хозяинъ и остановился: — тридцать цѣлковыхъ и бери книги; на овсѣ потомъ ты мнѣ за нихъ прибавишь! Мы, дворяне, не торгуемся!

— Уважить его что ли? обратился ко мнѣ Титовъ. Я молча пожалъ плечами; — ну, будь по твоему! заявилъ онъ и съ безнадежнымъ видомъ махнулъ рукой — твоя взяла! Греби деньги!

Пока Провъ Ивановичъ разсчитывался съ Бончемъ, я вернулся назадъ, съ помощью горничной связалъ книги въ пачки и мы перенесли и уложили ихъ въ бричку.

Бончъ вышелъ съ нами на крыльцо и, заложивъ руки за спину, смотрѣлъ какъ мы усаживались. На лицѣ его проступало снисходительно-величавое выраженіе и, какъ мнѣ показалось, просвѣчивало и тайное удовольствіе.

— Будь здоровъ! . . . произнесъ, приподнявъ картузъ, Провъ Ивановичъ.

— До свиданья! . . . долетѣлъ до насъ пріятный баритонъ. Мы выѣхали за ворота.

Провъ Ивановичъ повернулся ко мнѣ.

— Видалъ какъ покупаютъ? спросилъ онъ, уставившись на меня изъ подъ козырька.

— Вотъ ты и учись, какъ жить! Безъ меня бы ты ему всѣ двѣсти отвалилъ!

— Двѣсти не двѣсти, а сто отдалъ бы!

— Двѣсти бы далъ! . . . съ убѣжденіемъ повторилъ Титовъ: — охъ и жохъ же! Пущай ка теперь меня съ овсомъ подождетъ! . . . съ улыбкой добавилъ онъ. — На всякую, братъ, доку дока живетъ!

— Какъ спросилъ онъ меня чѣмъ я торгую — меня въ потъ бросило! . . . сказалъ я: — вы ужъ пожалуйста меня за хлѣбника больше не выдавайте, того и гляди скандалъ выйдетъ!

. . . Непримѣтно пара саврасокъ донесла насъ до села, откуда должно было начаться мое самостоятельное путешествіе.

— Къ Силычу! . . . — приказалъ работнику Провъ Ивановичъ.

Бричка остановилась у большой избы, щеголявшей новыми, раскрашенными ставнями и краснымъ конькомъ на тесовой крышѣ. Заборъ, ворота около нея — все было прочное и осно-

вательное; изъ оконъ глядѣли гераньки, мѣсто вдоль завалинки было чисто выметено.

— Здорово, Марьюшка!... Силычъ дома ли? — спросилъ Провъ Ивановичъ выглянувшую изъ окошка молодую, румяную бабу съ точно нарисованными черными бровями.

— Здравствуйте! Дома, дома, пожалуйте! ... — отозвалась она, скрываясь обратно.

Мы вылѣзли изъ брички и черезъ калитку вошли во дворъ. На встрѣчу намъ торопливо шагалъ коренастый мужикъ съ русою бородкою лопатой, съ короткимъ, толстымъ носомъ и зоркими, свѣтлыми, какъ у рыбы, глазами.

— Добро пожаловать, Провъ Ивановичъ!... сказалъ онъ, кланяясь на ходу.

Волосы свѣсились ему на лобъ и онъ взмахомъ головы откинулъ ихъ на свое мѣсто.

— Въ добромъ ли здравіи?

— Милуетъ Богъ! Ты какъ живешь?

— Да перевертываемся...

— Вотъ что, милый человѣкъ?... — Провъ Ивановичъ остановился у крылечка: — раздобудь ка ты мнѣ сейчасъ возчика!... вотъ ихъ... — онъ указалъ на меня: — въ Мотовиловку свезти надо.

Бородачъ внимательно глянулъ на меня.

— Ихъ, стало быть?... переспросилъ онъ.

— Да. Къ Морозову, къ Ивану Николаичу...

— Такъ, такъ!...

— А ему скажи, что ты отъ меня: онъ тебя какъ родного приметъ! — обратился ко мнѣ Провъ Ивановичъ.

— Да не лучше ли будетъ гдѣ нибудь на постояломъ заночевать? — сказалъ я.

— Вотъ еще придумалъ?!

— Грязно въ избахъ то, ваше степенство — поддержалъ Прова Ивановича Силычъ: — клопы, дѣти!... У Иванъ Миколаича на что лучше... Только вотъ на счетъ лошадокъ то... покосъ, вѣдь, деревня то какъ вымерла?...

— Знаю порядки. А надо: разстарайся для меня!

— Для васъ завсегда радъ услужить! ... Развѣ вотъ Михей дома? ... — воротился онъ, будто, съ покоса.

— Какой Михей? Не Полкановъ ли?

— Онъ самый.

Провъ Ивановичъ покачалъ головой. — Дурашный онъ! ...

— Да что жъ, что дурашный, довезетъ! — возразилъ Силычъ. — Тутъ и ѣзды то нѣтъ ничего, отъ силы черезъ два часа въ Мотовиловкѣ будутъ. Ни, Боже мой, никого больше въ деревнѣ нѣтъ!

— Ну хоть его, что дѣлать! ... — согласился Провъ Ивановичъ.

— Машка? — крикнулъ Силычъ, обратясь къ двери. Изъ нея высунулась смышленая рожица дѣвочки лѣтъ девяти.

— Бѣги ка ты къ Михею, да покличь его: Провъ, молъ, Ивановичъ требуютъ! Да живо!

Дѣвочка поправила красный платокъ, повязывавшій ея бѣлобрысую головенку, степенно сошла съ крыльца и, потупившись, прошла мимо насъ.

— Здравствуйте! ... — истово, какъ большая, сказала она на ходу и поклонилась намъ. У калитки степенность ея исчезла: замелькали босыя пятки, и дѣвочка во весь духъ понеслась по улицѣ.

Мы вошли въ просторную, чистую избу. Хозяйка уже разставила на большомъ крашеномъ столѣ стаканы и крынку молока; у большой печки шумѣлъ ведерный самоваръ. По одну сторону его сидѣлъ въ одной рубашенкѣ годовалый ребенокъ, по другую котенокъ, и оба внимательно глядѣлись въ начищенные бока его. Тутъ же бродилъ довольно уже большой, видимо только что брошенный матерью, сѣрый цыпленокъ и изрѣдка жалобно спрашивалъ: — «гдѣ? гдѣ?»

Не успѣла хозяйка подать на столъ самоваръ, въ избу шмыгнулъ нашъ гонецъ — Машка.

— Сичасъ идётъ! ... — проговорила она, взбираясь на лавку у противоположной стѣны. Дѣвочка усѣлась, сложила на колѣняхъ руки и съ дѣловитымъ видомъ стала глядѣть на насъ.

Минутъ пять погодя дверь опять отворилась, и черезъ высокій порогъ неуклюже, бокомъ вступилъ въ избу бѣлокурый, щуплый мужиченко лѣтъ тридцати пяти. Онъ перекрестился на красный уголъ, затѣмъ отвѣсилъ два поясныхъ поклона — одинъ иконамъ, второй намъ — и присѣлъ на краешекъ скамьи у двери близъ дѣвочки.

— Вотъ что, Михей... — заговорилъ хозяинъ: въ голосѣ его чувствовалась покровительственно-пренебрежительная нотка. — Ихъ милость... онъ кивнулъ въ мою сторону — господина купца къ Морозову свезти требуется?

— Вотъ она, какая штука то?... — теноркомъ проговорилъ Михей и съ озабоченнымъ видомъ взялся за давно не чесанную бороду, висѣвшую у него въ видѣ полосъ, свалявшихся въ войлокъ. — Отчего не свезти?... можно!

— Дорогу знаешь? спросилъ Провъ Ивановичъ.

— Господи, да вѣдь сто лѣтъ по ей ѣздіимъ! — воскликнулъ Михей. — А только къ какому же это Морозову?

— Да къ Ивану Миколаичу, къ кому же больше? — отвѣтилъ хозяинъ. — Знаешь, чай.

— Вотъ она, какая штука то?... — опять повторилъ Михей. — Знаю, понятное дѣло!

— Берешься довезти? спросилъ Провъ Ивановичъ.

— Можно, говорю!

— Цѣна?

— Вотъ она, какая штука то?... — Михей поскребъ затылокъ. — Цѣна пять цѣлковыхъ!

Провъ Ивановичъ строго поглядѣлъ на него.

— Да ты бы ужъ ровно сто спрашивалъ! Крестъ то на тебѣ есть?

— Имѣемъ, какъ же!

— А имѣешь, такъ и памятуй о немъ! Трешку — и никакихъ больше.

— Вѣдь покосъ, Провъ Ивановичъ? Время то какое?

— Ты жъ откосился, что тебѣ до покосу? Запрягай ступай!

— Вотъ она какая штука то!... — раздумчиво произнесъ Михей и поднялся съ лавки. — Стало быть закладать пойду.

Онъ призадержался на порогѣ, словно бы не рѣшаясь переступить черезъ него, затѣмъ обратился къ хозяину:

— Иванъ Силычъ, ты бы мнѣ хомутика ссудилъ? мой то лопнумши!

— А чего не чинишь? сердито спросилъ тотъ.

— Времени нѣту, ей Богу! Вотъ она какая штука то!

— Халда ты! У настоящаго хозяина на все время сыщется, а у тебя все изъ рукъ ползетъ! Только вотъ для Прова Ивановича даю хомутъ! Какъ обернешься, такъ чтобъ тѣмъ же духомъ назадъ его!...

— Да ужъ сейчасъ принесу, будь надеженъ!... Онъ снялъ со стѣны одинъ изъ хомутовъ поплоше и уже хотѣлъ выюркнуть за дверь, но окликъ Прова Ивановича остановилъ его.

— Дорогу твердо знаешь? — спросилъ онъ.

— Господи, да ужъ будь спокоенъ! тыщу разовъ, можетъ, по ей ѣздилъ! — воскликнулъ Михей, держа передъ собою хомутъ какъ икону. — Знаю!!...

— Ну, то-то же! Смотри, чтобъ въ исправности ихъ доставить!

— Да ужъ понимаю... Это какъ на каменную стѣну положись: — доставлю! Вотъ она, какая штука то!... — Михей опять бочкомъ какъ бы вывалился черезъ порогъ изъ избы.

Провъ Ивановичъ сталъ прощаться со мной и дѣлать послѣднія наставленія. Книги мои онъ увозилъ съ собою. Выполнивъ тщательно составленный имъ маршрутъ, я долженъ былъ вернуться къ Прову Ивановичу и уже отъ него ѣхать въ Питеръ.

Мы расцѣловались, и я вмѣстѣ съ хозяевами вышелъ на улицу проводить пріятеля.

— Ну, будь здоровъ! — проговорилъ съ высоты брички Провъ Ивановичъ и приподнялъ картузъ. Строгое лицо его мелькнуло мимо и клубъ пыли сразу выросъ за бричкою; до самаго конца деревни надъ нею виднѣлась прямая спина и картузъ Прова Ивановича.

Въ избу, несмотря на приглашеніе хозяевъ, я не вернулся и присѣлъ на заваленкѣ въ ожиданіи Михея. Минутъ черезъ пятнадцать слѣва послышалось дребезжанье — словно бы маль-

чишки палками гнали по улицѣ желѣзные обручи. Я повернулъ въ ту сторону голову и увидалъ рыжую кляченку и телѣгу, на которой возсѣдалъ Михей, размахивавшій кнутомъ. Колеса телѣги вихлялись изъ стороны въ сторону, словно руки и ноги разслабленнаго.

— Ѣдетъ ... ужъ и балалайка же!! ... — проронилъ Силычъ, прервавъ бесѣду со мной.

Михей подъѣхалъ къ намъ, откинулся назадъ, натянулъ возжи и усиленно затпрукалъ на и безъ того остановившуюся лошадь, какъ будто бы имѣлъ дѣло не со смиреннѣйшимъ одромъ, а съ заправскимъ рысакомъ.

— Гляди, убьетъ! ... — съ насмѣшкою сказалъ Силычъ.

— Да довезешь ли ты меня на такой телѣгѣ? — усомнился я, поглядѣвъ на обрывки разнокалиберныхъ веревочекъ, замѣнявшихъ тяжи и почти всю упряжь, кромѣ хомута. — Впрямь, вѣдь, не телѣга у тебя, а балалайка?

— Господи, да куда угодно на ней свезу! — заявилъ Михей: — позваниваетъ она — это точно!

— Веселая! ... — опять съиронизировалъ Силычъ.

— Да хучь въ Москву на ней катить, вотъ она какая штука-то, ей Богу!

Выбора не имѣлось и пришлось взгромоздиться съ вещами на эту «веселую штуку».

— Тутъ близко, пятнадцать верстовъ всего! ... къ сумеркамъ какъ разъ поспѣете! ... — утѣшалъ меня Силычъ. — Ну, будьте благополучны! ...

Михей зачмокалъ, завертѣлъ вокругъ собственной головы кнутишкомъ, и мы затрюхтрюхали и зазвенѣли по улицѣ всѣми гайками и скобками.

Она, дѣйствительно, казалась вымершей. За околицей начались хлѣба, затѣмъ дорога нырнула въ оврагъ и пошла среди низенькихъ кустовъ орѣшника и совсѣмъ рѣденькой березовой поросли.

Черезъ нѣкоторое время Михей повернулся ко мнѣ.

— На пересёкъ надо взять: на-пополамъ ближе выйдетъ, вотъ она какая штука-то!

— Что жъ?... отозвался я: — не заплутайся только!

— Да ужъ Господи? тыщу разовъ здѣсь ѣздилъ!

Мы поднялись на зеленый косогоръ и попали въ лиственный лѣсъ; проселокъ велъ въ самую гущу его.

Стало садиться солнце и въ лѣсу дѣлалось все свѣжѣй и сумеречнѣй. Небо посвѣтлѣло. Мы минули одинъ перекрестокъ, затѣмъ второй и свернули влѣво на третьемъ.

— Завсегда на третьемъ сворачивай!... поучительно обратился ко мнѣ Михей: — запомни, коли опять тутъ поѣдешь... вотъ она, какая штука-то!... Я попробовалъ разговориться съ нимъ, но сдѣлать это оказалось трудно: я чувствовалъ, что мои самые несложные вопросы только съ трудомъ, какъ сквозь какую то броню, проникали до сознанія Михея, изумляли его, будили что-то, какъ вспышку, въ мозгу и заставляли отвѣчать — вотъ она какая штука-то?...

Стемнѣло. Я вынулъ часы и, едва различая циферблатъ, увидалъ, что уже десять часовъ; выѣхали мы ровно въ семь.

— Далеко ль еще до Мотовилихи? — спросилъ я: — что тоужъ больно долго мы тащимся? Подгони коня-то!

— Да рядомъ она, Господи!... Сичасъ за лѣсомъ! — отозвался Михей. — Но, но, почкенная! — и онъ задергалъ и застегалъ лошадь своимъ игрушечнымъ кнутикомъ. Но «почкенная» тотчасъ же перешла на шагъ и стала изъявлять желаніе остановиться совершенно.

— Вотъ вѣдь какая животина карахтерная? ... — заявилъ Михей: — чѣмъ ты съ ей круче, тѣмъ она хутче, ей Богу! Такъ ужъ выѣзжена, вотъ она какая штука-то!

— Самъ выѣзжалъ? — съиронизировалъ я, но Михей принялъ вопросъ за чистую монету.

— Самъ! кому же больше? — воскликнулъ онъ съ нѣкоторой гордостью. — Безъ насъ тоже не обойтись! — Онъ съ увлеченіемъ задергалъ возжами и лошадь остановилась совершенно.

— Видалъ? — обратился ко мнѣ Михей и спрыгнулъ съ телѣги. — Теперь ау: хучь оглоблей ее гвозди, съ мѣста не сдвинется!...

— Что жъ теперь, мы ее съ тобой повеземъ? — спросилъ я.

— Зачѣмъ? Сноровку я съ ней знаю! Теперича три раза обойду вокругъ, оглажу, ухи поправлю, вотъ какъ опять пойдетъ — кальеромъ!

Михей дѣйствительно трижды обошелъ вокругъ телѣги и лошади, похлопалъ ее по бокамъ и по шеѣ, подергалъ за развѣсившіяся какъ у осла уши и влѣзъ опять на облучекъ. Лошадь безъ всякихъ понуканій двинулась впередъ и затрусила прежней рысцою.

Михей повернулъ ко мнѣ лицо.

— Видалъ? спросилъ онъ съ затаеннымъ восхищеніемъ: — Этого, братъ, коня конокрады ужъ не уведутъ, нѣтъ!! . . . вотъ она какая штука-то! . . .

Проѣхали мы еще съ часъ — конца лѣсу не видѣлось.

— Гдѣ же Мотовилиха? — спрашивалъ я чуть ли не на каждомъ поворотѣ.

— Да, Господи, гдѣ же ей быть? На своемъ мѣстѣ стоитъ! Сичасъ будетъ! . . . утѣшалъ меня Михей.

Зачувствовалась сырость; дорога, видимо, спускалась куда то въ низину; сплошной лѣсъ превратился въ островки, черными пятнами выступавшіе среди луговинъ. У опушекъ начинали вздыматься съ земли туманы; сѣдые клоки и клубы ихъ безшумно, чуть шевелясь, выростали то здѣсь, то тамъ среди прогалинъ. Скоро сплошное молоко аршина на два въ вышину залило все кругомъ. Казалось, я попалъ въ облака; на бѣлесомъ фонѣ впереди можно было различить только дугу, голову лошади и верхнюю часть спины ея — все прочее казалось поглощеннымъ загадочною, беззвучною, бѣлой стихіей. А вверху на чистомъ небѣ ярко, какъ зимой, сверкали звѣзды.

Лошадь вдругъ сразу остановилась и, словно испугавшись чего то, попятилась и стала садиться на крупъ.

— Тпру, тпру!! . . . чего ты?! . . . — закричалъ Михей и опять соскочилъ съ телѣги; сразу онъ превратился въ какое то невѣдомое существо, имѣвшее только верхнюю часть груди, плечи и голову — все остальное скрылось въ чуть коколыхивавшемся туманѣ. Черезъ мигъ потонула и голова Михея.

— Вода тутъ? ... донесся до меня его, какъ бы нѣсколько приглушенный голосъ.

— Что за вода?

— Да рѣка! ... вотъ она какая штука-то? ...

Я вдругъ разсердился.

— Куда жъ ты меня къ черту завезъ?! ... — крикнулъ я: — я тебя въ Мотовилиху нанималъ, а не къ водяному!

— Чудеса! ... — съ глубокимъ недоумѣніемъ отозвался изъ тумана голосъ Михея: — Откеда же бы это вода здѣсь взялась?

— Значитъ не должна была рѣка встрѣчаться намъ.

— Понятное дѣло, нѣтъ! ...

— Сбились съ пути мы, стало быть?

Отвѣтомъ мнѣ было молчаніе. Минуту спустя впереди зашевелилось черное пятно и изъ него выявилась фигура Михея. Молча онъ сталъ влѣзать на облучекъ.

— Что жъ теперь будемъ дѣлать?

— Тыщу разовъ здѣсь ѣздилъ и николи рѣки не бывало! ... съ суевѣрнымъ чувствомъ въ голосѣ бормоталъ Михей: — обошло насъ! ... святъ, святъ, святъ! Онъ нѣсколько разъ перекрестился. — Прямо было съ бугра въ омутъ угодили!

Онъ принялся заворачивать лошадь.

— Да куда жъ ты? спросилъ я. — Опять, вѣдь, куда нибудь угодить можемъ?

— Вотъ вѣдь она, какая штука-то?! ... тпру, тпру!! ... — закричалъ онъ на лошадь. Впереди раздался трескъ; около головы лошади показались мохнатыя руки въ широкихъ рукавахъ — мы вперлись прямо въ густой кустарникъ, среди котораго росло какое то дерево.

Туманъ дѣлался все гуще и выше; минутами онъ какъ бы расколыхивался и показывались верхушки ближайшихъ деревьевъ; звѣзды скрылись. Волосы на головѣ и усы у меня сдѣлались совершенно влажными; бурка покрылась какъ бы изморосью. Оставаться до утра въ этой сырости было не заманчиво, надо было придумывать какой либо выходъ. Я слѣзъ съ телѣги и почувствовалъ, что подъ ногами у меня трава: значитъ, мы ѣхали не по дорогѣ.

— Поѣзжай за мной!... сказалъ я: — я впередъ пойду, можетъ, дорогу сыщемъ!

Щупая, какъ слѣпой, землю впереди себя палкой, я началъ медленно, наугадъ продвигаться влѣво. Михей ѣхалъ позади.

Сдѣлавъ десятка два шаговъ, я наткнулся на кусты и сталъ огибать ихъ; такіе пассажи сдѣлались непрерывными — очевидно было, что мы направлялись въ гущу лѣса. Я круто забралъ еще лѣвѣе и встрѣчи съ кустами сдѣлались рѣже. Дороги все не было. Куда я шелъ — впередъ ли, назадъ ли, сколько времени — было невѣдомо!

— Э-э-эй?!... долетѣлъ до меня, словно изъ за стѣны, окликъ Михея.

Я отозвался.

— Вертайтесь!!... кричалъ Михей: — дымомъ пахнеть!!...

Я потянулъ воздухъ носомъ — никакого запаха слышно не было. Тѣмъ не менѣе я пошелъ на зовъ. Телѣга стояла; фигура Михея возвышалась надъ нею; дѣйствительно пахло дымомъ.

— Откуда же это тянетъ? сказалъ я, оглядываясь.

— Неиначе, какъ ночное здѣсь!... отвѣтилъ Михей. — Огня только вотъ не видать. — Ау?!... вдругъ крикнулъ онъ во все горло. Но звукъ размякъ въ туманѣ и какъ бы осѣлъ близь насъ на землю.

— Садись, купецъ!... — вдругъ рѣшительно произнесъ Михей: — пущай конь по своей волѣ идетъ — ёнъ вывезетъ!

Совѣтъ былъ разуменъ. Я взобрался на телѣгу, Михей задергалъ возжами и, должно быть, забывъ въ пылу увлеченія про свою выѣздку, нѣсколько разъ вытянулъ лошадь кнутомъ. Та сдѣлала съ десятокъ шаговъ, замотала головой и стала какъ вкопанная. Пришлось Михею соскакивать и опять колдовать около нея. Наконецъ животина надумалась и потянула телѣгу.

Михей, привязавъ къ грядкѣ возжи, шелъ рядомъ, держась лѣвой рукой за облучекъ.

Запахъ дыма дѣлался все явственнѣй; впереди показалось тусклое желтое пятно.

— Не костеръ ли? промолвилъ я.

— Больно высоко!.. отозвался Михей. — Мѣсяцъ это всходитъ!

Совсѣмъ рядомъ съ Михеемъ обрисовалась какая то неимовѣрно-огромная тѣнь; тѣнь подняла голову и фыркнула; почуялся запахъ конскаго пота.

— Ночное и есть!.. проронилъ Михей.

Желтый свѣтъ дѣлался все ярче. Скоро впереди, какъ бы надъ облаками, обозначился высокій, черный выступъ берега оврага; на немъ горѣлъ костеръ, освѣщавшій нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ, сидѣвшихъ по одну сторону его; позади нихъ пещерой глядѣлъ большой соломенный шалашъ. Двѣ бѣлыя собаки подскочили къ краю обрыва и съ ожесточеніемъ залаяли на насъ.

— Ей, ребятки?!... — прокричалъ Михей, остановивъ лошадь.

Трое мальчиковъ, въ накинутыхъ на плечи длинныхъ тулупахъ поднялись съ земли и подошли къ собакамъ.

— Кто тамъ?... — спросило два голоса.

— Да мы!... Михей Полкановъ съ господиномъ. Съ дороги сбились!

— А куда ѣхали-то?...

— Въ Мотовилиху, къ Морозову къ купцу!

Наверху свиснули.

— Во-та-а?!... произнесъ голосъ побасистѣе. — Да до Мотовилихи-то верстъ двадцать отседа! Совсѣмъ въ другой сторонѣ она!

— Да ну те? — изумился Михей. — Вотъ она, какая штука то?...

— А гдѣ дорога? — вмѣшался я.

— Какая дорога?

— Да какая нибудь, чтобъ къ жилью проѣхать?...

— Дорога рядомъ, за нами сейчасъ!...

— А гдѣ взъѣхать къ вамъ?

— Погодите, сичасъ!!... прокричалъ сверху тоненькій голосокъ, и четвертый, совсѣмъ маленькій на видъ мальчуганъ,

вскочилъ съ земли, скинулъ съ себя тулупъ и прыжками, какъ коза, началъ спускаться къ намъ.

— Ну-ка, дяденька, давай возжи? ... — сказалъ онъ, очутившись около Михея.

Тотъ безпрекословно передалъ ему пару веревокъ. Мальчуганъ увѣренно всталъ на чеку и усѣлся на грядкѣ.

— А ты бы, дяденька, слѣзъ? ... обратился онъ ко мнѣ: — тутъ круто. Вы оба за мной идите! ...

Я исполнилъ распоряженіе маленькаго командира. Мальчуганъ замахалъ возжами и телѣга двинулась. Передъ самымъ подъемомъ, чтобы влить энергіи нашему коню, онъ огрѣлъ его концами возжей и задергалъ ими. Результатъ получился немедленный: лошадь остановилась.

— Стой, погоди ! ! . — вмѣшался Михей, видя, что мальчуганъ размахнулся снова. — Тутъ, брать, дѣло не простое! — И онъ началъ свое таинственное путешествіе вокругъ телѣги, затѣмъ ухватился за тяжъ.

— Но, но, молодчинище ? ! . — вскрикнулъ онъ и вмѣстѣ съ напрягавшейся лошадью поволокъ телѣгу прямо на крутой подъемъ.

Я вышелъ вслѣдъ за ними; «молодчинище», тяжело дыша, уже стояла около шалаша; насъ окружили мальчики.

— Вы чьи — господскіе, или деревенскіе ? . . — спросилъ я.

— Господскіе ! . . — отозвался тотъ, что пріѣхалъ въ телѣгѣ.

— Господина Лазо ! . . — добавилъ другой, толсторожій мальчуганъ, говорившій баскомъ.

Михей свистнулъ въ свою очередь и поскребъ всей пятерней затылокъ, отчего картузишко съѣхалъ ему на носъ.

— Вотъ она, какая штука - то ? . . — проговорилъ онъ.

— Гдѣ бы заночевать намъ? — продолжалъ я допросъ: — есть деревня по близости?

— Есть. Воронцовка!

— А сколько верстъ до нея?

— Да три будетъ.

— Въ деревнѣ нехорошо! — вмѣшался самый маленькій. — Къ барину вамъ надоть ѣхать! Тонъ у него былъ самый безапелляціонный.

— Къ барину неудобно, поздно!

— Вѣрно!! — подхватилъ Михей: — самое бы лучшее здѣсь, въ шалашикѣ?..

— Вовсе не поздно!.. — возразилъ малышъ; — нонче гости у нихъ: всю ночь праздновать будутъ!

— Главное, лошадка у насъ пристала?.. — нерѣшительно проговорилъ Михей: — къ утру подкормилась бы, вотъ какъ потомъ подъѣхали бы съ форсомъ! Онъ сдѣлалъ рукой энергичный жестъ.

— На твоемъ подъѣдешь?!. — малышъ съ презрѣніемъ покосился на рыжаго: — ты бы его, дяденька, на шкуру продалъ?

Михей какъ бы погасъ, промолчалъ и вздохнулъ.

Я не зналъ, на что рѣшиться. Прелесть ночлега въ избѣ съ ея жесткою лавкой, съ черной, шевелящейся пеленой мухъ на потолкѣ и съ безчисленными тараканами, шмыгающими по губамъ и глазамъ спящихъ, была мнѣ извѣстна хорошо. Заманчивѣй казалось остаться въ шалашѣ, но помѣститься въ немъ всѣ мы никакъ не могли...

Мальчуганы отошли тѣмъ временемъ къ сторонкѣ и стали о чемъ-то переговариваться. Я разобралъ нѣкоторыя слова: — «забранитъ баринъ, мотри, Мишка!» — пробубнилъ басокъ.

— А неправда, не боюсь, знаю, что нѣтъ!!. — пылко возразилъ колокольчикъ, принадлежавшій тому мальчугану, что сбѣжалъ къ намъ съ горы.

— Твое дѣло!..

Мишка отдѣлился отъ товарищей и направился ко мнѣ.

— Верхомъ умѣете ѣздить? — спросилъ онъ.

— Да. А что?

— Такъ я васъ сейчасъ отвѣзу къ барину!

— А почему мнѣ въ телѣгѣ не ѣхать?

Мальчикъ даже не глянулъ на понурую Михеевскую Россинанту.

— Куды-жъ, на ней? Она и къ утру не дойдетъ! А тутъ мы сейчасъ въ усадьбѣ будемъ!

— А тебѣ не попадетъ за это?

— Николи! — съ убѣжденіемъ воскликнулъ мальчикъ. — Вотъ если бы не привезъ васъ, тогда забранилъ бы баринъ!

— Ну, ѣдемъ! — рѣшилъ я.

Мальчикъ кинулся въ шалашъ, схватилъ двѣ уздечки и запрыгалъ внизъ по уступамъ обрыва.

— А меня ужъ ослабоните, господинъ ваше степенство?.. — обратился ко мнѣ Михей. — Я тутъ заночую, да и домой!

Я вынулъ трехрублевку и отдалъ ему. Михей поглядѣлъ на нее, перевернулъ и на лицѣ у него написалось недоумѣніе.

— А на чаекъ-то какъ же, ваше степенство? — произнесъ онъ, не найдя никакого придатка и позади бумажки. — Эдакую путину отломали?..

— Да кто-жъ виноватъ? — отвѣтилъ я: — съ тебя надо деньги взять за то, что Богъ вѣсть куда завезъ меня!

— Обидно, ваше степенство!.. Наймали на двѣнадцать верстъ, а проѣхали тридцать!..—вотъ она какая штука-то!..

Онъ такъ былъ увѣренъ въ своей правотѣ и такъ разочарованъ отсутствіемъ «чая», что я вынулъ полтинникъ и сунулъ ему. Михей оживился и даже захохоталъ: полтинникъ, очевидно, превысилъ всякую мѣру его мечтаній!

— Вотъ она, какая штука-то!.. — заявилъ онъ, переставъ смѣяться и запихивая деньги въ карманъ штановъ. — Ну, благодаримъ, ваше степенство!..

И онъ принялся распрягать своего, давно уже уснувшаго, коня.

— Подкормимся, отдохнемъ, а по холодку и домой, вотъ она какая штука-то! — вслухъ пояснялъ онъ самому себѣ.

Внизу, въ пеленѣ тумана, послышался приближавшійся топотъ, затѣмъ подъ обрывомъ смутно обозначились всадникъ и два коня.

— Хотѣлъ Вѣтерка съ Мымрой пымать, да не видать ничего!.. — прокричалъ мальчикъ, взбираясь на кручу: — взялъ какихъ пришлось!..

Онъ вынырнулъ словно изъ подъ земли около меня на небольшомъ, ворономъ, сытомъ конькѣ; въ поводу у него былъ рыжій, горнобосый донецъ...

Я постелилъ на спину послѣдняго вмѣсто потника бурку, взвалился на него животомъ, по мужицки и сѣлъ верхомъ. Михей подалъ мнѣ мой чемоданчикъ и мы двинулись въ непроглядную темень, окружавшую костеръ. Скоро глазъ сталъ различать узкую дорогу; она вилась среди березоваго перелѣска; туманъ остался за нами, на лугахъ у рѣки; сдѣлалось теплѣе.

— Тутъ дорога прямая, ровная!... — крикнулъ, обратившись ко мнѣ мальчуганъ, ѣхавшій передовымъ. И онъ ударилъ пятками въ бока своего воронка; тотъ пошелъ галопомъ. Поскакалъ и мой донецъ; не скажу, чтобы было удобно галопировать на неосѣдланной лошади съ чемоданомъ въ рукѣ.

Мѣстность подымалась; въ лѣсъ вступили сосны и ели, онъ сдѣлался выше. И вдругъ невидимая рука беззвучно провела въ воздухѣ близь меня фосфорическую черту; дальше вспыхнула другая, съ ней скрестилась третья. По кустамъ и на землѣ засвѣтились таинственные опалы ночи, — ивановы свѣтляки. Казалось, тысячи гномовъ зажгли свои крохотные фонарики и что-то вершатъ въ лѣсу. Нельзя передать словами, какое неизъяснимое чувство будятъ въ душѣ эти кусочки луны, бродящіе по землѣ!

Изъ черной мглы впереди вдругъ засвѣтились два желтые глаза: топотъ копытъ будто пробудилъ спавшаго за лѣсомъ Змѣя-Горыныча.

— Барскій домъ видать!.. — прокричалъ мальчуганъ.

Дорога побѣжала подъ гору; опять стало сырѣе, опять земля начала проростать туманами; лѣсъ все больше и больше заполнялся блѣдными призраками; еще немного, и бѣлесая мгла совсѣмъ поглотила насъ. Лошади между тѣмъ скакали увѣренно, загремѣлъ деревянный мостъ, дорога опять пошла на подъемъ. Туманъ остался за нами. Мы миновали аллею, и слѣва обозначилась темная громада дома; изъ освѣщенныхъ оконъ его падалъ свѣтъ и озарялъ часть просторнаго двора; близъ подъѣзда тѣснилось съ десятокъ экипажей, виднѣлись лошади и кое-гдѣ люди. Въ разныхъ мѣстахъ слегка погромыхивали бубенцы и слышался одиночный, гу́стой звукъ поддужнаго колокола.

Только что мы успѣли слѣзть съ коней, дверь дома распахнулась и изъ нея важно вышелъ какой-то мужчина.

— Сади-ись!!. — скомандовалъ онъ по кавалерiйски: — факела давай!!. Вильковскiе и Чаплинскiе, господъ вести идите!!.

Кучера оживились и засуетились; нѣкоторые поспѣшили въ домъ. Одинъ изъ конюховъ присѣлъ около меня на корточки и торопливо принялся черкать сѣрными спичками о голенище сапога; другой держалъ передъ нимъ наклоненную длинную палку, на концѣ которой темнѣла жестянка съ паклей, пропитан-

ной смолою. Пакля наконецъ загорѣлась; дымное солнце поднялось съ земли и очутилось въ воздухѣ надъ какимъ-то всадникомъ; въ трехъ другихъ мѣстахъ вспыхнули такіе же факелы и озарили весь зашевелившійся конскій и людской муравейникъ. Изъ подъѣзда съ шумнымъ говоромъ и смѣхомъ выходили гости — мужчины и дамы; большинство первыхъ нуждалось въ опорахъ и держало другъ друга подъ руки; двоихъ бережно вели, почти несли, собственные кучера и прислуга; двое другихъ остановились въ дверяхъ, обнялись и принялись цѣловаться; и тотъ и другой что-то лепетали и колотили себя въ грудь. Всѣхъ гостей было около пятнадцати; ихъ провожали хозяева — высокій, полный и усатый господинъ лѣтъ тридцати-пяти въ бѣломъ, распахнутомъ кителѣ и небольшая, гладенько причесанная и простенькая на видъ, кругленькая дама.

Хозяинъ — Лазо вдругъ нагнулся и тутъ только я замѣтилъ, что около него стоитъ мой вожатый и что-то сообщаетъ ему, указывая лицомъ и пальцемъ въ мою сторону. Лазо выслушалъ и пробѣжалъ глазами мою визитную карточку.

— Гдѣ?.. гдѣ?!. — громко проговорилъ онъ. Смуглое лицо его осіяла улыбка. — Проси скорѣе, маршъ!!. и онъ далъ легкаго подзатыльника моему мальчугану.

Я обогнулъ закрывавшій меня экипажъ и направился къ крыльцу. Лазо примѣтилъ меня и заторопился навстрѣчу. Шаги его нельзя сказать чтобы были тверды.

— Миша, не упади?!. — съ опаской воскликнула жена его.

— Очень радъ познакомиться!!. — произнесъ Лазо, крѣпко сжавъ и тряся мою руку. — Чудесно, что вы заблудились; ей Богу!!

Высокій лобъ его, благодаря манерѣ носить фуражку набекрень, рѣзко наискосокъ раздѣлялся на бѣлую и коричневую половины.

Большіе, темные глаза и нѣсколько родинокъ на бритыхъ щекахъ дѣлали лицо чрезвычайно симпатичнымъ. Въ молодости онъ былъ вѣроятно красавцемъ.

— Господа?!. — вдругъ закричалъ онъ, держа меня одной рукой и поднявъ высоко другую: — стопъ! остановка!

Позвольте васъ познакомить — се цвѣтъ нашего уѣзда, а это С. Р. Минцловъ изъ Петербурга ! ! . найденъ въ болотахъ! Отбой, назадъ, господа ! ! . Находку вспрыснуть необходимо ! ! .

— Миша, Миша ! ! . — тщетно взывала жена его.

— Правильно ! ! . резонъ ! ! . — раздались отвѣтные голоса, и человѣка четыре изъ гостей, уже водруженныхъ прислугой и женами въ коляски, вскочили и собрались вылѣзать изъ нихъ, но были удержаны возгласами и энергичными дѣйствіями своихъ половинъ, причемъ одинъ, маленькій и зеленолицый, былъ даже схваченъ послѣдней за воротъ и плюхнутъ на мѣсто.

— Насиліе ! ! . караулъ ! . — завизжалъ онъ на весь дворъ: — ратуйте, господа мужья, жены обижаютъ ! ! .

— Трогай, Иванъ ! . . до - свиданья ! ! . прозвучалъ чей - то женскій голосъ.

Лазо бросилъ меня и замахалъ обѣими руками.

— Нельзя! не пускать со двора ! ! . — завопилъ онъ: — ворота на запоръ! Безъ посошка не пущу! Крюшонъ тащите сюда ! ! . Живо ! ! .

Трое прислугъ бросились въ домъ и мгновенно явились обратно съ серебряной ведеркой и стаканами. Вино было розлито и разнесено по коляскамъ и среди еще не садившихся гостей, окружившихъ насъ. Со свѣхъ сторонъ ко мнѣ тянулись руки для пожатія и стаканы для чоканья.

— Счастливаго пути всѣмъ ! ! . — возгласилъ Лазо, высоко поднявъ стаканъ. — И за здоровье новаго знакомаго ! . . Ура ! . .

— Урраааа ! ! . — подхватили съ разныхъ сторонъ, и мимо подъѣзда потокомъ двинулись пары и тройки. Изъ колясокъ махали руками и шляпами, что - то выкрикивали и хохотали.

— Къ намъ заѣзжайте — кричали мнѣ нѣкоторые.

Зеленый господинъ стоя пѣлъ — «я обожаю» — причемъ прижималъ руку къ сердцу, а жена тянула его за рукавъ и все сажала на мѣсто. Звенѣли колокола и бубенцы, фыркали лошади; впередъ проскакали два всадника съ факелами, двое другихъ помѣстились посреди кортежа.

— Осторожнѣй на спускѣ ! ! . — прокричалъ Лазо, размахивая носовымъ платкомъ.

Поѣздъ, освѣщая все по сторонамъ, втянулся въ ворота и исчезъ за перекресткомъ; тьма разомъ наполнила кругомъ міръ, и только на одномъ изъ деревьевъ аллеи нѣсколько секундъ свѣтилось и передвигалось красноватое пятно; оно превратилось въ блѣдно - зеленое и наконецъ исчезло.

Лазо взялъ меня подъ руку и потащилъ къ женѣ.

— Мамочка ? ! . — возгласилъ онъ: — позволь тебѣ представить — онъ назвалъ мое имя и фамилію; — вообрази, заблудился! Это намъ съ тобой аистъ на счастье принесъ ! ! . — онъ закатился смѣхомъ. — А гдѣ же аистъ? Мишка, пострѣлъ, гдѣ ты?

Мой проводникъ вынырнулъ откуда - то сбоку.

— Сюда иди ! . . ей, крюшону еще ! !

Ведро стояло на верхней ступенькѣ подъѣзда, и вино было подано мгновенно.

Лазо протянулъ стаканъ мальчику.

— Молодецъ ! . . — поощрилъ онъ его: — получай за сообразительность награду ! . .

Мальчуганъ, держа стаканъ обѣими руками, медленно и причмокивая какъ медвѣженокъ, высосалъ все содержимое его.

— Сладко? — спросилъ, посмѣиваясь, Лазо.

— Сладко ! . . — умильно отвѣтилъ тотъ. — Благодарствую ! . .

Лазо далъ ему второй поощрительный подзатыльникъ, и мальчикъ со счастливой улыбкой кувырнулся съ подъѣзда въ потемки.

— Пожалуйста ! . . — сказала хозяйка, указывая мнѣ рукою на входъ. Мы вступили въ домъ и очутились въ обширной столовой.

Въ ней царилъ хаосъ. На огромномъ, длинномъ столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью, въ безпорядкѣ тѣснились бутылки, блюда съ остатками кушаній, грязныя тарелки, алѣли пятна отъ вина; стулья словно только что плясали вокругъ стола и застыли, гдѣ довелось въ моментъ нашего прихода.

— Вы навѣрно проголодались? — сказала хозяйка: — пожалуйста, садитесь! Дормидонтъ, дай чистую тарелку ! . . —

обратилась она къ одному изъ двухъ лакеевъ, убиравшихъ со стола.

— Дормидонтъ, вина! .. — крикнулъ Лазо, тяжело опустившись на крѣпкій дубовый стулъ: — рейнвейна, не правда ли?

Мы усѣлись на концѣ стола; въ Дормидонтѣ, подававшемъ приборъ и затѣмъ вино, я узналъ человѣка, командовавшаго съ крыльца кучерамъ. Онъ былъ въ сѣрой, суровой, глухой тужуркѣ и въ суровыхъ же брюкахъ на выпускъ.

Выправка сразу изобличала въ немъ, такъ же какъ и въ баринѣ его, военнаго. На кругломъ и сытомъ, нѣсколько плоскомъ лицѣ, съ крупными сѣрыми глазами, лежала печать полнаго самодовольства, сознанія своей незамѣстимости и нѣкоторой наглости.

Я былъ голоденъ какъ крещенскій волкъ и съ удовольствіемъ подчинялся деспотизму хозяевъ, изъ которыхъ одна безпрерывно подкладывала мнѣ на тарелку то съ одного, то съ другого блюда, а другой подливалъ вина и стучалъ въ мой стаканъ своимъ собственнымъ.

— Да вы пейте же, пейте!!. — восклицалъ Лазо: — рейнвейнъ, это вино разсвѣта!

— Да развѣ уже разсвѣтъ? .. удивился я.

Лазо вынулъ часы.

— Половина третьяго! .. — возгласилъ онъ: — еще полчаса и начнетъ свѣтать! Но очень точнымъ быть не надо: истинные христіане всегда заблаговременно пьютъ! — Онъ залился смѣхомъ.

— Миша? .. укоризненно, съ улыбкой сказала хозяйка. Она старалась соблюсти нѣкоторое равновѣсіе и держать тонъ хорошаго общества, но Лазо, видимо, рѣшительно не признававшій никакихъ тоновъ, то и дѣло сбивалъ ее и ставилъ въ безпомощное положеніе. И тогда она складывала на колѣняхъ ручки, и умолкала съ видомъ какъ бы говорившимъ: ужъ извините, видите сами, что ничего не могу съ нимъ подѣлать?

За ужиномъ я подробно разсказалъ о своихъ похожденіяхъ и ихъ цѣли.

Лазо помиралъ со смѣху, въ восторгѣ шлепалъ себя по колѣнкѣ и наконецъ завопилъ: — шампанскаго ! !..

— Миша, ты не въ ресторанѣ ! ! . — вступилась хозяйка.

— Мамочка, никакъ невозможно ! . . — продолжалъ кричать Лазо: спокойно говорить этотъ человѣкъ, видимо, не умѣлъ. — Вѣдь это же антикъ; его за деньги показывать надо!

— Миша, вѣдь они же обидѣться могутъ на тебя?

— На меня? За что ? ! . Да вѣдь я же любя говорю! Идейный человѣкъ, какъ же вы не антикъ? хотъ и бзикъ, а идея!

— Миша ? ! . — хозяйка сложила на колѣняхъ ручки и умоляюще посмотрѣла на меня.

«Миша» подавился виномъ, закашлялся, хохоталъ, отплевывался, указывалъ на меня пальцемъ и выкрикивалъ — люблю ! ! . прелесть ! ! .

Выстрѣлило шампанское. Дормидонтъ со снисходительнымъ видомъ налилъ его въ ґраненые бокалы.

Лазо принялъ серьезный видъ и протянулъ ко мнѣ свой для чоканья: — характеръ у меня дурацкій! — заявилъ онъ. Но вѣрьте — высоко васъ цѣню и уважаю! Не пожалѣете, что ко мнѣ попали: рука Провидѣнія васъ направила ! . . въ болота ! ! .

Серьезность съ него соскочила, и онъ опять залился смѣхомъ: явно, это было его нормальное состояніе. — Дормидонтъ, еще шампанскаго ! ! .

Дормидонтъ налилъ по второму бокалу и отошелъ за уголъ буфета, такъ что сдѣлался невидимымъ для насъ. И когда мы чокались, я увидалъ, что изъ угла выставилась таинственная рука, державшая бутылку за горлышко; послѣдняя описала дугу, опрокинулась вверхъ донышкомъ и съ минуту продержалась въ такомъ положеніи; затѣмъ она опустилась и исчезла. Изъ за буфета, вытирая усы, со строгимъ видомъ появился Дормидонтъ и поставилъ пустую бутылку на площадку буфета.

— И у меня есть библіотека ! . . и архивъ и еще, чортъ его раздери, что - то ! . . Все къ вашимъ услугамъ! Хотите посмотрѣть? Лазо попытался приподняться, какъ бы собираясь итти немедленно.

— Какая теперь библіотека?!. — возстала хозяйка: — теперь спать итти пора! Завтра все покажешь!..

— Истина: и завтра день будетъ!.. Лазо осушилъ бокалъ, поднялъ его и многозначительно крикнулъ: — Дормидонтъ?..

Тотъ оглянулся.

— Нѣту больше!.. — коротко отвѣтилъ онъ.

— Какъ нѣтъ? — воскликнулъ Лазо: — цѣлая бутылка была?..

— Цѣльную и выпили!

— Другую давай!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, будетъ!!. — рѣшительно заявила хозяйка, а вмѣстѣ съ нею и я, и мы встали съ мѣстъ.

— Спать пора: уже солнце всходитъ!

Въ окна, дѣйствительно, глядѣлъ бѣлый день.

— Солнце, солнце!!. — продекламировалъ Лазо, вставъ тоже: — это изъ Ибсена.

— А что послѣ солнца было — не помню? Невѣроятно, но фактъ!

Хозяева отправились провожать меня въ предназначенную мнѣ комнату. Дормидонтъ слѣдовалъ за нами.

— Свита Фортинбраса! — съ хохотомъ возгласилъ Лазо, указывая на себя и жену. Онъ распахнулъ одну изъ дверей, и мы вошли въ большую, всю зеленую комнату; мебель, обои, гардины — все было одинаковаго, матоваго цвѣта. Шторы на трехъ окнахъ были опущены; не занавѣшено было только одно окно. У стѣны слѣва стояла готовая къ принятію гостя кровать.

— Доброй ночи!.. — пожелалъ Лазо, стискивая мнѣ руку.

— Какой ночи? — возразила хозяйка: — спокойнаго сна, это да!

—Нѣтъ, я такъ уйти не могу!!. — замотавъ головой, вдругъ разразился Лазо: — васъ самъ Богъ послалъ мнѣ!.. воронѣ Богъ послалъ кусочекъ сыру!!. — продекламировалъ онъ, хохоча... — Позвольте я васъ расцѣлую?!.

Мы поцѣловались, и хозяйка едва увела этотъ фонтанъ словъ и веселья.

Я остался съ глазу на глазъ съ Дормидонтомъ.

— Ничего не прикажете? Квасу, можетъ быть, угодно?.. — не безъ ироніи спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ отрицательно и остался одинъ.

Я терпѣть не могу спать въ искусственной темнотѣ и потому сейчасъ же принялся поднимать шторы и распахивать окна. Въ комнату влилась свѣжесть и ароматъ розъ. Густой садъ былъ еще въ сплошной тѣни, и только верхушки высокихъ елей, ровной линіей окаймлявшихъ его съ самой дальней стороны, алѣли отъ солнца. Трава казалась сѣрой отъ росы. «Спать пора! Спать пора!..» кричалъ гдѣ-то перепелъ.

И я заснулъ, едва прикоснувшись къ подушкѣ, съ безпричиннымъ радостнымъ и бодрымъ чувствомъ въ душѣ.

. . . .

Когда я проснулся, комната была залита солнцемъ. Часы показывали девять. Я поспѣшилъ привести себя въ надлежащій видъ и вышелъ въ корридоръ. Изъ него попалъ въ гостиную; меня встрѣтила безмолвная, строгая мебель, вся одѣтая въ чехлы. Порядокъ и особенная чистота и блескъ крашенаго пола указывали, что этой комнатой пользовались чрезвычайно рѣдко. Рядомъ находилась столовая. Отъ вчерашняго пиршества въ ней не оставалось и слѣда. Дормидонтъ ставилъ на чистую скатерть всякую всячину, относящуюся къ чаю. Ноги его были обуты въ сѣрыя, войлочныя туфли, и онъ безшумно скользилъ между столомъ и темною массой буфета.

Дормидонтъ оглянулся на мои шаги, и лицо его осклабилось и приняло снисходительно-привѣтливое выраженіе. Оно было свѣжее, даже румяное, и только мокрые, торчавшіе во всѣ стороны вихры на головѣ и красные какъ у кролика глаза выдавали тайну этой свѣжести: его, видимо, только что сейчасъ основательно поливали изъ ведра холодной водой.

— Встать изволили? — проговорилъ Дормидонтъ, поклонившись мнѣ однимъ носомъ.

— А ваши еще спятъ? — спросилъ я.

— Спятъ. Въ десять часовъ баринъ приказалъ разбудить ихъ.

— Всегда онъ такъ поздно встаетъ?

— Всегда. Да что жъ спозаранку имъ дѣлать?

— Онъ нигдѣ не служитъ?

— Нѣтъ. Прежде служили ... въ Сумскомъ драгунскомъ мы были ! .. — внушительно добавилъ онъ, пріосанясь. — Вторымъ эскадрономъ командовали ! ..

— А семья большая у него?

— У Михалъ Дмитрича? Онъ, да Нина Павловна, супруга ихняя ...

— Дѣтей нѣтъ?

— Нѣту. Въ безплодныхъ смоковницахъ наша барыня состоятъ, Михалъ Дмитричъ такъ ихъ опредѣляютъ!

— Весельчакъ онъ ! .. — сказалъ я. — И всегда онъ такой?

— Да вѣдь какъ человѣку всегда веселому быть? Клоунъ и тотъ наединѣ кувыркаться не станетъ! Такъ и они. Понятно, безъ людей скучаютъ!

— И часто къ вамъ гости съѣзжаются?

— Гостей у насъ, что овса въ торбѣ всегда! И барыня не любятъ, ежели гостей нѣтъ: Михаилъ Дмитричъ тогда ходитъ да ко всему придирается ! ..

— А нѣтъ ли у васъ книгъ? я бы почиталъ, пока Михаилъ Дмитріевичъ встанетъ?

Дормидонтъ взглянулъ на башенные Винтеровскіе часы, украшавшіе стѣну. Золоченыя стрѣлки показывали половину десятаго.

— Да я ужъ будить пойду сейчасъ барина ! .. — сказалъ онъ.

— Половина десятаго еще только?

Дормидонтъ махнулъ рукой. — А прокламаціи сколько еще произойдетъ у насъ? Развѣ ихъ сразу подымешь?

Я улыбнулся.

— Не любитъ вставать?

— И — и, бѣда ! ! . Такъ пристать надо, чтобъ вскочилъ, да за тобой погнался — тогда только очнется! Пожалуйте въ кабинетъ, книжки тамъ стоятъ!

Мы вышли въ другой корридоръ, и Дормидонтъ открылъ передо мной темно - коричневую, высокую дверь, а самъ скрылся за противоположной.

Кабинетъ былъ невеликъ; ближе къ окнамъ, отступя отъ стѣны, стоялъ письменный столъ; за нимъ выгибало черную спинку полукруглое кресло. Одну изъ стѣнъ закрывали полки съ книгами; противъ нихъ пестрѣлъ широкій турецкій диванъ; въ углу между двухъ креселъ зажался столикъ, съ возвышавшимся на немъ кальяномъ. На всѣхъ свободныхъ мѣстахъ стѣнъ висѣло оружіе.

Письменный столъ былъ въ необычайномъ порядкѣ, и это настолько не вязалось со сложившимся у меня представленіемъ о его хозяинѣ, что я невольно обозрѣлъ столъ внимательнѣе: вещи часто краснорѣчивѣе словъ говорятъ о своихъ владѣльцахъ... Роскошная хрустальная чернильница на серебряномъ постаментѣ была наполнена давно пересохшею кашей изъ чернилъ и мухъ. Въ перламутровой ручкѣ торчало ржавое перо объ одномъ зубцѣ... все свидѣтельствовало, что письменный столъ — только общепринятое украшеніе комнаты, и что рука Лазо не прикасалась къ нему. Зато явно и часто прикасалась она къ книгамъ. Растрепанныя, лохматыя, словно побывавшія въ клѣткѣ у медвѣдя, онѣ были запиханы на полки кое-какъ и торчали будто зубья у стоймя поставленной бороны.

— Однако, усердные здѣсь читатели?.. — подумалъ я и осторожно высвободилъ нѣсколько книгъ. Переплетъ одной изъ нихъ и значительная часть страницъ были сплошь усѣяны мелкими, странными дырочками; посрединѣ другой зіяла одна большая, сквозная дыра.

— Вставайте?.. — услыхалъ я рядомъ голосъ Дормидонта.

— Къ чорту!!. — сонно буркнулъ Лазо.

— Одиннадцать часовъ уже!..

— Вонъ убирайся!!.

— Сами приказали разбудить!.. Вотъ еще наказалъ Господь!!. Вставайте, два часа ужъ васъ трясу!..

— Къ чорту, говорю!!. — завопилъ Лазо: — спать хочу!

— Мало бы чего вы хотите? Вотъ стащу съ васъ одѣяло — и спите тогда!

— И буду!.. и подавись имъ!!.

Послышалась легкая возня: должно быть Дормидонтъ приводилъ въ исполненіе свою угрозу... Наступило молчаніе. Мнѣ показалось, что Лазо даже захрапѣлъ.

— Пожаръ!.. Батюшки, горимъ!!. — неистово, во все горло заоралъ вдругъ Дормидонтъ.

Я вздрогнулъ, ткнулъ кое-какъ книги между полокъ и бросился къ двери.

Въ спальной какъ бы треснула кровать; въ дверь съ грохотомъ врѣзалось и затѣмъ упало на полъ что-то тяжелое; она распахнулась и изъ нея стремглавъ вылетѣлъ и вильнулъ въ корридоръ Дормидонтъ. За нимъ въ одномъ бѣльѣ несся взбѣшенный Лазо. Мигъ — и мы очутились въ объятіяхъ другъ у друга. Разозленное, измятое лицо хозяина выразило глубочайшее изумленіе. Онъ отступилъ на шагъ назадъ, прикрылъ какъ бы галстухомъ ладонью волосатую голую грудь и уставился на меня.

— Это вы?!. — вдругъ вскрикнулъ онъ, — вспомнивъ все, происшедшее наканунѣ.

— Ради Бога извините!!. я сію минуту!.. Онъ попятился назадъ, кланяясь, шаркая босыми ногами и прикрываясь руками, какъ знаменитая Сусанна въ купальнѣ на картинѣ. Въ дверяхъ онъ споткнулся о валявшійся сапогъ, помянулъ чорта и скрылся за дверью. Пожара, видимо, никакого не было. Въ домѣ была тишина. Я постоялъ еще съ минуту въ корридорѣ и вернулся къ книгамъ.

Въ спальню, съ бѣлымъ кувшиномъ въ рукѣ, съ высоко поднятой головой прослѣдовалъ Дормидонтъ. На физіономіи его было написано полное удовольствіе отъ собственнаго остроумія.

— Живо давай воду!.. — встрѣтилъ его окрикъ окончательно очухавшагося Лазо.

— Теперь «живо», а сапогами зачѣмъ же было швырять? Тоже вѣдь это не модель!.. — укоризненно отвѣтилъ Дормидонтъ.

— Потолкуй у меня!!. — фыркая и плещась, сказалъ Лазо: — философъ изъ барбосовъ еще какой выискался! Голову тебѣ, анафема, чѣмъ-нибудь проломлю въ другой разъ, если

опять такъ мнѣ на ухо заорешь! Въ ухѣ звенитъ теперь, нечистая сила!..

—Да что-жъ съ вами подѣлать, коли вы безъ понятія спите? Не разбудишь — я чортъ; разбудишь — опять же въ чертяхъ остаюсь, да еще голову проломить обѣщаетесь! Сапоги-то, чтобъ не палили ими, я вамъ теперь опять только къ чаю подавать стану!.. — строго добавилъ Дормидонтъ.

Умыванье и одѣванье Лазо совершилось по-военному, быстро, и онъ надушенный, улыбающійся вошелъ въ кабинетъ и протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Еще разъ извините, дорогой мой!.. Эдакая вѣдь каналья этотъ Дормидонтъ: изъ-за него все такъ вышло! — Только я, знаете ли, сонъ какой-то чудесный сталъ видѣть — онъ и гавкнулъ! Дормидошка? — крикнулъ онъ, оборотившись назадъ.

— Чай готовъ?

— Давно дожидается!.. — отвѣтилъ изъ спальной голосъ Дормидонта.

Лазо подхватилъ меня подъ локоть и повлекъ въ столовую.

— Мамочка, вообрази, я его не узналъ!.. за судебнаго пристава счелъ!!. — съ хохотомъ возгласилъ Лазо, ворвавшись въ столовую. — Здравствуй!..

Нина Павловна сидѣла уже за столомъ; передъ нею на спиртовкѣ грѣлся никелированный кофейникъ, сбоку кипѣлъ такой же самоваръ.

Простенькое лицо ея улыбнулось намъ обоимъ. На мужа она бросила долгій лучистый взглядъ, и по тому неуловимому, что мы воспринимаемъ только чутьемъ, я понялъ, что міръ для нея начинается и кончается этимъ человѣкомъ. Мы усѣлись слѣва и справа отъ нея.

— Какъ спали на новомъ мѣстѣ? — задала неизмѣнный вопросъ хозяйка.

— Какъ камень!.. — отвѣтилъ я. — Кстати, обратился я къ Лазо: — я сейчасъ просмотрѣлъ нѣсколько книгъ въ вашемъ кабинетѣ. Отчего онѣ въ какихъ-то дыркахъ?

— Отъ внимательнаго чтенія! — серьезно произнесъ Лазо. — Увѣряю васъ!

— Да, да, какъ бы не такъ?.. сказала хозяйка: — этотъ варваръ ихъ разстрѣливаетъ!

Я перевелъ взглядъ на Лазо. Тотъ уже помиралъ со смѣху.

— Неправда!!. — воскликнулъ онъ.

— Какъ такъ? а Мирабо кто разстрѣливалъ?

— Мамочка, да вѣдь онъ же мерзавецъ былъ, изъ патріотизма я его!..

Нина Павловна встала, вышла въ сосѣднюю комнату и сейчасъ же вернулась со старинною книгою въ рукахъ.

— Вотъ полюбуйтесь!.. — она подала мнѣ томикъ въ темномъ кожаномъ переплетѣ. Я развернулъ его, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, было круглое отверстіе посрединѣ лица гравированнаго портрета Мирабо; подъ нимъ было напечатано слѣдующее четверостишіе:

— «Надъ Мирабо судъ правъ небесный совершился:
То было бѣдствіе, что онъ на свѣтъ родился,
Онъ умеръ — вотъ лишь что услугой должно счесть,
Какую только могъ онъ обществу принесть...» —

— Видите, вмѣсто носа дыра?

— Мамочка, вѣдь онъ же французъ былъ! у нихъ это такъ и полагается! — хохоча пояснилъ Лазо: — другихъ я не разстрѣливалъ!

— А Шиллера? Онъ тебѣ что сдѣлалъ? Такое чудесное изданіе!..

— Ну, нѣмчура, есть о чемъ говорить? И не разстрѣливалъ я его, а только въ стрѣльбѣ упражнялся, это же разница! Не могу же я, мамочка, стрѣлять разучиться! Вдругъ меня изъ-за тебя на дуэль вызовутъ?..

— Ну, вздоръ говоришь!..

Лазо запрокинулся назадъ, замахалъ руками и залился смѣхомъ.

— А мелкія дырки на книжкахъ отчего же? — спросилъ я недоумѣвая: мнѣ все казалось, что мои собесѣдники шутятъ.

— Да онъ же все натворилъ: когда ему скучно, онъ книги въ летъ дробью изъ ружья стрѣляетъ!

— Мамочка, я же не виноватъ, что вальдшнеповъ у насъ нѣтъ! И не преувеличивай: я только по малому формату стрѣляю! Я библіофилъ, малый форматъ — это моя слабость: — онъ, знаете ли, совсѣмъ какъ вальдшнепъ летитъ!

— Дѣлать ему нечего, вотъ онъ книжныя садки и устраиваетъ!

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ ограбить вашу библіотеку!.. — рѣшительно заявилъ я.

— Да сдѣлайте одолженіе! — воскликнулъ Лазо. — Пожалуйста. Хоть всю берите!..

— И хорошо бы сдѣлали! — замѣтила Нина Павловна.

Послѣ чая, несмотря на приставанія хозяина итти смотрѣть съ нимъ какое-то необыкновенное симентальское страшилище-быка и лошадей, я отправился въ кабинетъ и занялся библіотекой. Лазо развалился на диванѣ, курилъ и говорилъ безъ умолку. Анекдоты, смѣхъ, разныя воспоминанія, топанье отъ восторга ногами — все безпрерывно чередовалось въ этомъ двуногомъ Нарзанѣ. Я подавалъ реплики иногда невпопадъ, и это заставляло Лазо изощряться на мой счетъ въ остроуміи и хохотать еще болѣе.

Просмотръ занялъ часа два; отобрать пришлось всего около полусотни книгъ — все остальное было частью прострѣлено, частью изорвано и вообще находилось въ самомъ невозможномъ видѣ. Къ концу моей работы къ намъ присоединилась и Нина Павловна.

— Вотъ безобразникъ!.. вотъ безобразникъ!!. — нѣсколько разъ произносила она, видя, что снятая мною съ полки книга оказывалась прострѣленной, и я, качнувъ головой, ставилъ ее обратно.

— Мамочка, не осуждай и не осуждена будешь!.. Вѣдь это же у меня наслѣдственное!.. — восклицалъ Лазо. — Нельзя противъ наслѣдственности протестовать! И радъ бы не стрѣлять, но не могу, понимаете, не могу — тянетъ. Свято-отеческія преданія!.. Вѣдь я же охотникъ: вонъ она, подлая, лежитъ, а мнѣ уже кажется, что летитъ!..

— Молчи, молчи!..

— Вотъ эти бы книги я у васъ пріобрѣлъ? .. — сказалъ я, указывая на отобранныя мною.

— Только и всего? — удивился Лазо. — Голубчикъ, возьмите ихъ всѣ!

— А вправду, возьмите всѣ ? .. — поддержала хозяйка.

— Да зачѣмъ? — возразилъ я.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Шутки въ сторону: на кой чортъ онѣ мнѣ?

— Правда, правда ! .. — опять вмѣшалась Нина Павловна.

— Забирайте всѣ, ей Богу! Только мѣсто онѣ у меня занимаютъ. Пыль отъ нихъ разводится, блохи ! ..

— Ну, ужъ блохи - то отъ твоихъ собакъ, положимъ ! .. — замѣтила Нина Павловна.

— Нѣтъ, мамочка, отъ книгъ, ей Богу отъ книгъ ! .. — возопилъ Лазо. — Какъ только въ руки возьмешь ее, такъ по тебѣ блохи сейчасъ и запрыгаютъ! Берите, дорогой мой, — отъ чистаго сердца отдаю, съ блохами: разводите ихъ на здоровье въ Питерѣ!

Едва мнѣ удалось отговориться отъ настояній обоихъ хозяевъ; излишне упоминать, что о какой - либо платѣ не было допущено и рѣчи.

Послѣ веселаго завтрака, о которомъ человѣкъ, находившійся по сосѣдству, непремѣнно подумалъ бы, что въ немъ участвуетъ по меньшей мѣрѣ десятокъ горластыхъ хохотуновъ, я хотѣлъ проститься съ милыми хозяевами и ѣхать дальше, но и это оказалось невозможнымъ. Лазо зажалъ себѣ уши — кстати сказать, крохотныя и плотно прижатыя къ головѣ, затопалъ и закричалъ, чтобы я объ этомъ и не думалъ. Энергично запротестовала и Нина Павловна, и было рѣшено, что свободу я получу только на слѣдующее утро.

День промелькнулъ незамѣтно. Лазо водилъ меня на конюшни и къ симентальскому быку, дѣйствительно чудовищу, познакомилъ меня съ десяткомъ Жозефинъ и Цезарей — собакъ всякихъ охотничьихъ породъ, обошли мы фруктовый садъ и старинный тѣнистый паркъ, сыграли въ шахматы, причемъ

Лазо совершенно не давалъ думать, и каждая партія наша, на манеръ поддавковъ, длилась не болѣе пяти минутъ.

Лазо не оставлялъ меня одного ни на секунду, и даже когда я заглянулъ въ мѣсто уединенія, онъ ждалъ меня, какъ конвойный арестанта, у двери.

На полочкѣ этого учрежденія лежала половина какой-то книги: отъ другой уцѣлѣли только мелкіе обрывки отъ корешка. Я взглянулъ на заголовокъ, имѣвшійся надъ каждою страницей, и увидалъ, что то былъ романъ когда-то очень моднаго Шпильгагена — «О чемъ щебетала ласточка».

— Послушайте, грѣховодникъ вы эдакій, это что же такое? — спросилъ я, выходя къ Лазо съ остатками творенія Шпильгагена въ рукѣ.

— Какъ что — книга? «О чемъ щебетала ласточка»!

— Да гдѣ же она у васъ щебечетъ-то?

Лазо съ хохотомъ принялся колотить себя кулакомъ въ грудь.

— Драгоцѣннѣйшій, я люблю почитать, ей Богу! Но вѣдь умственныя занятія уединенія требуютъ, тишины! Только здѣсь и возможно, такъ сказать, насладиться!

Лазо держался за бока отъ смѣха.

Мы прошли на веранду и расположились въ плетеныхъ креслахъ около Нины Павловны, вышивавшей цвѣтными шелками какую-то безконечную сѣрую полосу.

Дормидонтъ безъ всякаго приказа поставилъ между мной и своимъ бариномъ легкій столикъ, и на немъ появилась бутылка бѣлаго вина и гравированные стаканчики тончайшаго стекла.

— Кваску послѣ путешествія? — предложилъ Лазо, наполняя стаканчики: — въ жару незамѣнимая вещь — отъ солнечнаго удара предохраняетъ!

— Разскажите намъ что-нибудь изъ вашихъ приключеній? — попросила хозяйка. — Навѣрное у васъ много интересныхъ было?

— Особеннаго ничего не случалось! — отвѣтилъ я: — а встрѣчи, дѣйствительно, были любопытныя!.. И я разсказалъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ поѣздокъ.

Хозяева слушали съ большимъ интересомъ. Особенное впечатлѣніе на увлекающагося Лазо произвело описаніе сожженія книгъ цѣлыми бѣльевыми корзинами.

— Вотъ свиньи?!. — воскликнулъ онъ. — Серьезно, это же безобразіе какъ мало цѣнятъ у насъ культурныя сокровища!

— Миша, ты бы помолчалъ?.. — обратилась къ нему Нина Павловна.

Лазо сдѣлалъ было большущіе глаза, но видимо вспомнилъ про свою садку книгъ и залился смѣхомъ.

Я заговорилъ о своей дальнѣйшей поѣздкѣ; выполнять программу Прова Ивановича уже не приходилось и надо было составить новую.

— Я знаю къ кому тебя направить!.. — закричалъ Лазо.

— Миша, ты уже на «ты» перешелъ?.. — остановила его Нина Павловна.

— Мамочка, это у меня сорвалось: полетъ души, вы, женщины, этого не понимаете! Иначе нельзя! Мы съ вами на брудершафтъ должны выпить! На «вы» всего не выскажешь! «Вы», напримѣръ и «свинья» — не идетъ, не подходитъ?!.

— Миша?!.

— Мамочка, да вѣдь это же я къ нему не отношу, я вообще говорю, философствую!!.

Онъ наполнилъ мой стаканъ виномъ, вскочилъ и подалъ мнѣ. Нина Павловна сложила на своемъ шитьѣ ручки и, виновато улыбаясь, глядѣла на насъ.

Брудершафтовъ я не люблю, но отказаться значило обидѣть хозяина. Я продѣлъ свою руку подъ галантно подставленный мнѣ локоть Лазо и стаканы опрокинулись надъ нашими ртами Мы сочно поцѣловались.

— Психопатъ!.. — отчеканилъ Лазо, уставясь на меня.

— Дубина!.. отъ души вырвалось у меня, и мы оба захохотали: ритуалъ брудершафта былъ соблюденъ полностью. Лазо впалъ въ совершенный восторгъ.

— Дормидошка, шампанскаго!!. — заоралъ онъ, топая ногами и ероша на себѣ волосы.

— Миша, Миша?!. — слабо слышался среди гама и крика протестъ Нины Павловны, но Миша уже превратился въ коня, закусившаго удила.

— И я съ тобой вмѣстѣ поѣду! — кричалъ онъ. — Мамочка, ты не будешь въ претензіи, что я тебя на два — три дня одну оставлю?

— Поѣзжай, пожалуйста!.. — очень рада за тебя буду!

— Вѣдь его никакъ нельзя отпустить одного: ты же блаженный! Вмѣстѣ сокровища спасать будемъ! Чортъ возьми, вѣдь, серьезно, безобразіе кругомъ!

Въ темный потолокъ щелкнула пробка отъ шампанскаго. Дормидонтъ налилъ его въ наши стаканы, поставилъ бутылку и удалился.

— Ваше блаженство, пожалуйте?.. — вопилъ Лазо, тыча мнѣ въ руку шампанское. — За твое здоровье! За нашу дружбу! За здоровье главнокомандующаго!!. Урра!

Лазо хохоталъ и пилъ.

— Мамочка, а ты что же? И ты должна выпить за Сергѣя Рудольфовича?

Нина Павловна чокнулась со мной стаканомъ мужа и отпила половину.

— Весь, весь надо!.. — запротестовалъ Лазо: — иначе наша дружба непрочна будетъ!

Нина Павловна исполнила требованіе мужа, и онъ усѣлся на свое мѣсто.

— Господа, теперь серьезно поговорить надо: нельзя же въ самомъ дѣлѣ все ржать! — сказалъ Лазо такимъ тономъ, какъ будто именно мы съ Ниной Павловной были виновниками криковъ и хохота, разносившихся по всему саду.

— Мамочка, ты у меня министръ, какъ думаешь, къ кому намъ съ нимъ ѣхать? Во первыхъ къ баронессѣ...

— Во первыхъ узнай — желаетъ ли Сергѣй Рудольфовичъ твоего общества?

— Помилуйте? — возразилъ я: — я очень радъ буду, если Михаилъ Дмитріевичъ со мною поѣдетъ!

— Ну разумѣется! Значитъ сперва къ баронессѣ!

— По моему не такъ, Миша: завтра день св. Филиппа, именинникъ Филиппъ Савельевичъ; вотъ бы къ нему вы прямо и проѣхали!

Лазо треснулъ себя ладонью по лбу.

— Идея! — вскрикнулъ онъ — какими тамъ растягаями угостятъ, какъ у Тѣстова въ Москвѣ! А наливка?!.

— А найдемъ ли мы у него что-либо кромѣ наливокъ? — осторожно освѣдомился я: у меня зашевелилось предчувствіе, что Лазо превратитъ мою поѣздку въ развеселый пикникъ по всѣмъ уѣзднымъ именинникамъ.

— Найдемъ. Все что угодно найдемъ — отъ наливки до портрета Сократа! Ученѣйшій человѣкъ, магистръ географіи и каланча, ей Богу!

— Миша, неправда!!. — перебила его Нина Павловна: — это нашъ уѣздный почтмейстеръ! У него есть кое-что, что заинтересуетъ васъ: онъ, или жена его, наслѣдство нѣсколько лѣтъ тому назадъ получили...

На верандѣ начали накрывать на столъ: былъ уже шестой часъ.

За обѣдомъ стояли гвалтъ и хохотъ: мой новый другъ пустился въ повѣствованіе о мѣстныхъ помѣщикахъ. Онъ зналъ про всѣхъ самую подноготную, и разсказы его были фейерверкомъ остроумія.

— Миша, ты старая салопница!!. — нѣсколько разъ восклицала Нина Павловна, смѣясь вмѣстѣ съ нами.

— А что за типъ вашъ почтмейстеръ? — освѣдомился я.

— Филиппъ Савельевичъ? Господи какая сѣрость съ твоей стороны! — возопилъ Лазо. — Во первыхъ жердь; мы съ тобой плебеи, отъ обезьяны происходимъ, а онъ происхожденія

высокаго — отъ жираффы и унтеръ-офицера. Въ молодости былъ танцмейстеромъ въ Орлѣ. Танцовалъ хорошо, но жена танцовала съ предводителемъ еще лучше...

— Миша, вздоръ!!.

— Мамочка, не лгу, ей Богу правда! Затѣмъ сломалъ одну изъ своихъ макаронъ — ногу, хотѣлъ я сказать, и по протекціи персоны попалъ на службу на почту. Черезъ пять лѣтъ достигъ степеней высшихъ: получилъ геморрой и должность почтмейстера. Но — горе! чина не имѣлъ! «Безчинный почтмейстеръ», вѣдь это же землетрясеніе! А чтобы чинъ получить — экзаменъ пожалуйте сдать, иначе нельзя! Поѣхалъ я однажды въ городъ — тамъ я всегда въ номерахъ у него останавливаюсь. Номера у него при конной почтѣ самые лучшіе и клопы по всемъ городѣ самые малюсенькіе! И вижу, два воза на дворѣ нагружаются: мѣшки съ мукою на нихъ кладутъ, кули съ овсомъ, масла кадушку, яйца, куры, живые гуси... И Филиппъ Савельевичъ тутъ же высится, какъ съ каланчи обозрѣваетъ.

— Куда это, спрашиваю, Ноевъ ковчегъ собираете, почтеннѣйшій?

— Къ экзамену готовлюсь!.. — отвѣчаетъ: — экзаменъ у меня завтра въ уѣздномъ училищѣ!

— Масло да гуси тоже, значитъ, экзаменоваться ѣдутъ?

— Вы надъ гусями не смѣйтесь!.. — отвѣчаетъ: — гуси Римъ спасли, а ужъ нашего брата вотъ какъ вывозятъ! Гусь-то онъ лучше профессора всякіе экзамены выдержитъ! — Лазо залился смѣхомъ. — Зарѣзалъ, уморилъ!!.

— И что же, оправдали гуси его довѣріе? — спросилъ я.

— Еще бы! А у насъ съѣздъ былъ дворянскій, мы на другой день цѣлой компаніей къ смотрителю училища! — Жить вамъ, кричимъ, или умереть? Выдержалъ нашъ Филиппъ Савельевичъ экзаменъ, или нѣтъ?..

А тотъ прехитрый старикан, крыса сѣдая, Онуфрій премудрый. Глядитъ въ свои щелочки, посмѣивается. — Ну какъ, отвѣчаетъ, — умному человѣку не выдержать! Выдержалъ!

— Неужели правда?!.

— Совершеннѣйшая!

— Все зналъ ? !

— Что нужно знать — зналъ ! .. и смѣется, бестія. Мы «ура!» да всѣмъ таборомъ къ Филиппу Савельевичу — за здоровье гусей пить! Хохотъ, крикъ, шампанскаго съ собой притащили, почту закрыли, такое крамбамбули загнули — на весь городъ. Почтмейстеръ сіялъ, почтмейстеръ гордъ былъ: вся знать сразу въ гости къ нему собралась! Почти всѣ, вѣдь, учениками его были!

— Сейчасъ разузнали какъ экзаменъ происходилъ. Что ни спрашивали — онъ ни бе, ни ме, ни кукареку: Вѣну перстомъ въ Сибири искалъ, Средиземное море съ Каспійскимъ спуталъ! Одинъ изъ учителей видитъ, что дѣло — матъ, ужъ прямо на смѣхъ спрашиваетъ: — покажите, гдѣ море житейское? Филиппъ Савельевичъ и его искать давай! Возилъ, возилъ носомъ по картѣ въ Бѣлое въѣхалъ! «Вотъ оно!», говоритъ. Животы надорвали учителя ! !

— Какъ же смотритель сказалъ, что онъ выдержалъ?

– И выдержалъ! — закричалъ, хохоча, Лазо: «что нужно знать — зналъ!» Житейская премудрость превыше всего! Мудрецъ, философъ! Ахъ, какъ я теперь гуся уважаю! Превыше губернатора! Но, кромѣ шутокъ, развѣ не хорошо сдѣлали, что не срѣзали человѣка? Не все ли равно міру — будетъ нашъ почтмейстеръ коллежскимъ регистраторомъ, или нѣтъ? Онъ вѣдь не моржъ, на что ему Бѣлое море? въ Вѣну не собирается! А сколько человѣкъ утѣшили? Годъ за животики держались! Вѣдь это же оперетка, мамзель Нитушъ! А съ нимъ еще вотъ какое кипро - ко вышло . . .

— Въ нашу дыру ревизоръ какой - то пріѣхалъ. Къ намъ и вдругъ ревизоръ — понимаешь ты эту ерунду? Филиппъ Савельевичъ, конечно, явился къ нему въ полномъ парадѣ, при шпагѣ, на петличкахъ одна полосочка — титулярный совѣтникъ вѣдь, теперь, ротмистръ! Вошелъ бодро, прямо, красота танцмейстеръ, хоть сейчасъ «Жизнь за царя» съ мазуркой ставь! А назадъ, за дверь вытанцовалъ какъ курица изъ ведра: даже волосы на лбу взмокли! Чинуши къ нему: — что такое,

что случилось? спрашиваютъ. А тотъ какъ потерянный. И шепоткомъ эдакъ — «кукареку какое-то велѣлъ подать!» Лазо задрыгалъ ногами отъ смѣха. — А это кукареку — курикулумъ вите — оказалось ! ! .

— Довольно, довольно ! ! . — запротестовала Нина Павловна. — Почтмейстеръ премилый человѣкъ, всѣ его очень любятъ!

— Мамочка, я первый его люблю! — воскликнулъ Лазо. — Но вѣдь нельзя же не разсказать правды: Богъ правду любитъ! Вѣдь меня иначе священникъ къ причастію не допуститъ ? !

День промелькнулъ незамѣтно.

Разумѣется, я не забылъ заглянуть на чердакъ и въ амбары и, какъ почти повсюду, наткнулся въ нихъ на многое интересное: была тамъ и кое-какая старинная мебель; на чердакѣ, въ небольшомъ горбатомъ сундучкѣ отыскались связки писемъ отъ временъ императрицы Елизаветы, Екатерины II и Александра I. Мыши устроили изъ нихъ себѣ гнѣздо и добрая треть пачекъ оказалась обгрызенной, а частью и совершенно превращенной въ мелкую труху. Среди безнадежно испорченныхъ связокъ имѣлась одна, состоявшая изъ семи отдѣльныхъ тетрадокъ въ оберткахъ изъ плотной синей бумаги и исписанныхъ четкимъ, убористымъ почеркомъ конца восемнадцатаго вѣка. Отъ всѣхъ нихъ уцѣлѣла — и то въ видѣ бахромы — только верхняя третья часть; на первыхъ листахъ каждой тетради имѣлся слѣдующій, крупно написанный титулъ: — «Приключенія и жизнь маіора и кавалера Андрея Денисовича Лазо, описанныя имъ для своей фамиліи касательно службы при его свѣтлости, князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, о злоключеніяхъ отъ Емельки Пугачева, о большомъ пожарѣ Москвы и о протчемъ.»

Нельзя передать, съ какимъ огорченіемъ и обидой я разсматривалъ жалкіе клочья драгоцѣннаго документа. Я даже не сказалъ ничего своему спутнику — онъ отвѣтилъ бы только смѣхомъ . . . Извлечь изъ записокъ что-либо, кромѣ отдѣльныхъ фразъ, было невозможно, и я положилъ остатки тетрадокъ обратно въ сундучекъ.

Все уцѣлѣвшее отъ семейнаго архива было мной и Лазо унесено внизъ и тамъ поступило въ мое полное обладаніе. Удовольствіе, съ какимъ я принялъ этотъ подарокъ, привело хозяина въ полный восторгъ.

— Милый, а ты старые сапоги не собираешь? — вопилъ онъ на весь домъ: — у насъ ихъ милліонъ валяется! Пантофли бабушкины цѣлы: она ими по щекамъ своихъ горничныхъ шлепала! Рѣдкость, античная вещь!.. По ночамъ явленія производятъ: оплеухи около нихъ щелкаютъ!

Ужинали мы на открытомъ балконѣ, подъ звѣзднымъ небомъ. Ночь стояла черная. Маяками горѣли на столѣ двѣ свѣчи въ круглыхъ стеклянныхъ колпакахъ на высокихъ тонкихъ подножкахъ. И казалось, что мы сидимъ въ ладьѣ, а кругомъ раскидывается темный, безпредѣльный океанъ. Гдѣ-то на берегу его свѣтился одинокій, желтый огонекъ — окно людской избы. Балконъ висѣлъ надъ дворомъ; внизу паслись лошади. Ни ихъ и ничего вообще видно не было, но чувствовался запахъ конскаго пота, доносился хрустъ травы и фырканье. Раздалось звонкое ржаніе.

Лазо перегнулся черезъ перила.

— Почему табунъ до сихъ поръ не гонятъ? — закричалъ онъ во всю силу своихъ могучихъ легкихъ.

— Сичасъ погонятъ!.. — отозвался кто-то со двора: вечеряютъ!.. Антонъ изъ городу запоздалъ.

Хлопнула дверь, послышались торопливые шаги. Въ безднѣ внизу зашевелились люди; желтое пятно окна то-и-дѣло закрывалось двигавшимися тѣнями. Выстрѣломъ изъ пистолета щелкнулъ въ дальнемъ концѣ бичъ. — «Готовы!!.» — прозвенѣлъ совсѣмъ юный голосъ.

— Съ Богомъ! — напутствовалъ Лазо.

Затопотали сотни копытъ: волнами и пятнами бѣлой пѣны всколыхнулась чернота внизу. Гулъ сталъ удаляться и таять среди тишины. Безмолвіе заворожило міръ.

— Какъ хорошо!.. — тихо проговорила Нина Павловна.

— Ночь съ настроеніемъ!.. — сказалъ Лазо, вставъ со стула и потягиваясь: — настраиваетъ ко сну!..

Мы разошлись по своимъ комнатамъ. А черезъ какіе-нибудь четверть часа я вернулся назадъ и долго сидѣлъ одинъ среди темноты и тишины.

Въ людской погасъ огонь. Но кому-то, видимо, не спалось какъ и мнѣ: внизу сдержанно тренькнула балалайка, потомъ вполголоса пробренчала нехитрый мотивъ и, будто испугавшись своей смѣлости, смолкла...

III

Въ одиннадцать часовъ утра у подъѣзда стояла щегольская коляска и тройка коней, подобранная знатокомъ и любителемъ. Въ корню красовался могучій, широкогрудый буланый жеребецъ съ черными хвостомъ и гривой и съ бѣлымъ пятномъ на лбу; пристяжками были два сухихъ и мускулистыхъ рыжихъ донца.

На козлахъ сидѣлъ молодой здоровенный кучеръ съ едва намѣтившимися темными усиками; на немъ была малиновая шелковая рубаха, черная плисовая безрукавка и круглая шапочка съ павлиньими перьями.

Мы простились съ милой Ниной Павловной и усѣлись въ коляску. Кучеръ подобралъ возжи.

— Трогай!.. — приказалъ Лазо. — Не скучай, скоро вернусь!!. — прокричалъ онъ, обернувшись назадъ.

Нина Павловна не шевелясь смотрѣла намъ вслѣдъ.

Мягко и густо залился подъ дугой колоколъ; покачиваясь какъ въ люлькѣ, мы вынеслись за ворота и почти сейчасъ же попали въ деревню. Кучеръ съ силой сдерживалъ пристяжныхъ; настороженныя и нервныя, онѣ свернулись почти въ кольцо и, кося глазами, скакали около коренника. А тотъ, самоувѣренный и мощный, чуть покачивался со стороны на сторону и мѣрилъ дорогу лѣнивой по виду, но машистой рысью.

Избы быстро бѣжали мимо, и мы выѣхали за околицу. Впереди, приблизительно въ полуверстѣ, путь нашъ пересѣкалъ «большакъ», обсаженный развѣсистыми, старыми ракитами.

— Сколько до города? — спросилъ я.

— Двадцать верстъ... — отвѣтилъ Лазо. — Здѣсь дорога дрянь, а вотъ выѣдемъ на трактъ — покажу тебѣ, какова эта тройка!..

Давно опустѣли наши большаки! Широкой, стошаговой зеленой полосой искрестили они Русь по разнымъ направленіямъ, и только изрѣдка встрѣчаетъ теперь глазъ на нихъ пѣшехода, подводу и еще рѣже обозъ... Кое-гдѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ еще стоятъ у нихъ, потемнѣлые и покосившіеся, высокіе деревянные дома и строенія — былые постоялые дворы, но и они пустуютъ и, ненужные никому, доживаютъ послѣдніе дни. Въ Орловской губерніи ихъ уже нѣтъ давно.

Ни одно государство въ мірѣ не имѣетъ такихъ дорогъ, какъ наши большаки: есть на нихъ гдѣ разминуться хоть двадцати тройкамъ, есть гдѣ выбрать не раскисшее мѣсто въ распутицу!

На большакъ мы свернули вправо и, что по раскинутому полотну, покатили по низенькой травкѣ вдоль канавы.

— Ну ка, Матвѣй?.. — произнесъ Лазо и всталъ, держась за ободокъ облучка.

Руки кучера разомъ подались впередъ.

Словно вихрь подхватилъ коляску и помчалъ ее въ синюю даль. Въ ушахъ засвисталъ вѣтеръ, колоколъ билъ тревогу, пристяжки несли карьеромъ.

— Сыпь!.. — крикнулъ, входя въ азартъ, Лазо. — Грабятъ!.. Сыпь!!. — завопилъ онъ во все горло, и замахалъ рукою.

Пристяжныя обезумѣли. Коренникъ, съ развѣвающимися пышными хвостомъ и гривой, ураганомъ летѣлъ надъ землей. Но онъ помнилъ свой долгъ и, не давая сбить себя съ рыси, нѣтъ-нѣтъ и отваливался назадъ, упирался всѣми четырьмя ногами и заставлялъ пристяжныхъ протаскивать себя нѣсколько шаговъ.

Есть что-то упоительное въ такой ѣздѣ! Захватываетъ дыханье, чувствуешь себя птицей, кажется, — весь міръ вдругъ разверзся кругомъ и все въ немъ твое и для тебя.

Три верстовыхъ столба мелькнули другъ за другомъ, и кучеръ сталъ сдерживать лошадей. Лазо опустился на свое мѣсто.

— А?! только и спросилъ онъ. Ноздри его раздувались, глаза блестѣли.

— Чудесно!!. отвѣтилъ я. — Но коренникъ у тебя прямо восторгъ.

— Бояринъ-то? Еще бы! Умница: ни за что не дастъ разбить пристяжкамъ; коли взбѣсятся — на крупъ сядетъ и такъ и везутъ его съ полверсты! Всѣ дороги въ уѣздѣ знаетъ. Ночью и не правь имъ — самъ все найдетъ!

— Цѣны нѣтъ жеребцу!.. — отозвался съ козелъ Матвѣй: — одно слово — Бояринъ!

А могучій Бояринъ, только что птицей пронесшійся три версты, прядалъ ушами, потряхивалъ густой гривой и, весь красота и сила, шелъ раскачкой, за которой только почти во всю прыть поспѣвали лихіе донцы.

— Баринъ Назимовскій ѣдетъ!.. — сообщилъ немного погодя Матвѣй.

Мы перегнулись за крылья коляски и увидали быстро приближавшуюся пару вороныхъ, запряженную въ дышло. Въ coляскѣ, за кучеромъ, бѣлѣла фигура въ холщевомъ дорожномъ пыльникѣ и въ сѣромъ картузѣ. Еще мигъ, и коляска поровнялась съ нами.

— Куда?!. — встрѣтилъ насъ окликъ. Я успѣлъ различить мелькнувшее мимо чуть рябое лицо и острую бородку господина въ пыльникѣ.

— Чичикова везу!!. — заоралъ въ отвѣтъ Лазо: — мертвыя души скупаетъ!!.

— Стой? стой!!. — воплемъ раздалось за нами. Чужая коляска остановилась; господинъ ступилъ на подножку, чтобы выскочить, но мы были уже далеко.

Лазо оглянулся и потрясъ надъ головой въ знакъ прощанья рукою.

— Ну, теперь я могу умереть спокойно: весь уѣздъ завтра будетъ знать, что ты пріѣхалъ! — обратился онъ ко мнѣ.

Обижаться на это дитя природы было занятіе праздное, но и позволять устраивать изъ своей поѣздки сплошное шутовство не приходилось тоже, и я счелъ нужнымъ прочесть Лазо нѣчто въ родѣ нотаціи.

Лазо скроилъ смиреннѣйше - лукавую рожу, выслушалъ и легонько огладилъ меня, какъ закинувшагося коня.

— Ну, ну, ну, дѣточка... хорошо!!. — нѣжно отвѣтилъ онъ: — не буду больше! паинькой буду, ей Богу! Видишь, я тебѣ не противорѣчу?.. подхватилъ онъ, примѣтивъ, что я уже улыбаюсь: — вѣдь тебя Боженька убилъ, ты же невмѣняемый!

Мы въѣзжали уже въ городъ. Лазо вынулъ часы и съ гордостью показалъ мнѣ ихъ, а затѣмъ на коней: двадцать верстъ мы отмахали ровно въ часъ.

Тройка шла вся сухая, и только горячія пристяжки взмокли было немного послѣ бѣшеной скачки, но затѣмъ совершенно просохли въ пути.

Городъ намъ былъ виденъ еще издалека: высокая гора казалась густо и тѣсно усѣянной на вершинѣ златоглавыми церквами. А отъ нихъ, внизъ по откосу бѣлымъ стадомъ разбѣгались домики. Вблизи красота исчезла. Потянулась ухабистая, пустынная улица, на которой больше было длинныхъ заборовъ, чѣмъ домовъ, почти сплошь одноэтажныхъ. И только на площади, близъ громады стариннаго собора и вокругъ четыреугольнаго гостинаго двора съ полутемными лавками, глядѣвшими изъ подъ низенькихъ арокъ, вставало нѣсколько двухъ - этажныхъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ.

— На почту!.. — скомандовалъ Лазо.

Тройка обогнула соборъ, и близъ одного изъ угловъ я завидѣлъ полосатый верстовой столбъ, торчавшій у воротъ какого-то длиннаго и темнаго зданія: то была конная почта. Противъ нея, въ совершенно такомъ же, видимо казенномъ, зданіи, помѣщалось почтовое отдѣленіе и квартира его начальника.

Не успѣли мы войти въ просторную переднюю, навстрѣчу намъ, наклонясь впередъ, словно хоругвь въ дверяхъ храма, вышелъ и затѣмъ выпрямился хозяинъ. Сходство его съ жираф-

фомъ, причесаннымъ на прямой проборъ, было необыкновенное. Удивительно маленькая головка, наткнутая на тонкую шею, стояла на узенькихъ плечахъ и оказалась у самаго потолка; круглое, сѣрожелтое личико было чисто выбрито, и съ него осторожно высматривали большіе сѣрые, подслѣповатые глаза, окруженные припухлостями. По случаю торжества на безконечной фигурѣ его висѣлъ темнозеленый форменный сюртукъ съ желтыми кантами.

— Съ ангеломъ! — возгласилъ Лазо, пожимая руку заторопившемуся и заулыбавшемуся при видѣ его почтмейстеру . . . — А это другъ мой изъ Петербурга! — добавилъ онъ про меня.

Тонкія ноги Филиппа Савельевича зашаркали; онъ раскланялся со мной совсѣмъ по балетному.

— Милости прошу, пожалуйте въ комнаты ! . . — отвѣтилъ онъ. — Какъ разъ къ пирогу поспѣли; мы только что отъ обѣдни ! . .

Лазо взялъ его за локоть; почтмейстеръ услужливо нагнулся къ лицу его.

— Мой пирогъ на возу ѣдетъ ! . . — вполголоса повѣдалъ Лазо: — овесъ съ мукой ! . .

— Зачѣмъ безпокоитесь? Покорнѣйше васъ благодарю ! ! . — умильно произнесъ Филиппъ Савельевичъ, и личико его приняло добродѣтельно торжественное выраженіе.

Въ столовой — длинной и узкой, насъ встрѣтилъ говоръ; за столомъ сидѣло цѣлое общество. Тутъ были и дебелый снѣжносѣдой отецъ протопопъ и гривастое подобіе льва — широколицый протодьяконъ, достаточно наглаго вида, должно быть любимецъ мѣстной публики; исправникъ съ расчесанными бакенбардами и въ золотомъ пенснэ на словно выточенномъ, чуть изогнутомъ носикѣ и маленькій, худенькій становой, походившій на гимназиста, наклеившаго себѣ черные усики, и какіе - то штатскіе, не имѣвшіе особыхъ примѣтъ, и разодѣтыя дамы всякихъ размѣровъ и возрастовъ. Среди штатскихъ выдавалось мясистое, обритое по актерски лицо — изъ тѣхъ, увидавъ которое даже самый деликатный человѣкъ произноситъ въ душѣ

— «вотъ морда!». Длинные темные волосы владѣлца ея спадали ему на плечи.

Съ конца стола поднялась тощая дама съ классически правильнымъ, но холоднымъ лицомъ. Подойдя ближе, я увидалъ, что темные, властные глаза ея были подведены и вся она значительно и недурно реставрирована. Но, увы, гусиныя лапки около глазъ и морщинки у ушей, несмотря на косметики, выдавали тайну ея сорокалѣтняго возраста.

Лазо представилъ меня, затѣмъ легкимъ движеніемъ руки указалъ мнѣ на нее.

— Жена ангела!.. — совершенно серьезно сказалъ онъ: — и сама ангелъ! Первая красавица и сердцеѣдка всего уѣзда!

Улыбка пріоткрыла бѣлые зубы почтмейстерши.

— Ну, ужъ вы... ферлакуръ!!. — звучно произнесла она. — Очень пріятно, что не забыли насъ!..

— Боже мой! Лазо прижалъ руку къ сердцу. — Да вѣдь гусары сама вѣрность! И если бы не вашъ грозный мужъ...

— Мужъ у воды!.. — отозвался съ противоположнаго конца стола почтмейстеръ: — когда я ѣмъ, я глухъ и нѣмъ!..

— А зачѣмъ же неправду говорите? — пророкоталъ протодьяконъ, указывая волосатой дланью на кучу бутылокъ: — не у воды вы, а у водки! Воды здѣсь и нѣтъ совсѣмъ!

Взрывъ общаго смѣха привѣтствовалъ остроуміе протодьякона, видимо не знавшаго, что «водой» на театральномъ языкѣ именуется задній планъ сцены.

Почтмейстерша не безъ кокетства слегка шлепнула Лазо по рукѣ, и мы, поздоровавшись со всѣми, усѣлись близъ хозяйки. Мнѣ сразу бросились въ глаза старинные стаканы и рюмки, въ изобиліи опоясавшіе весь столъ.

Начался обычный разговоръ и обычныя застольныя шутки. Я ожидалъ, что Лазо будетъ такъ же вопить и хохотать, какъ у себя дома, но ничего подобнаго не происходило: онъ былъ сдержанъ и хотя острилъ, но въ его голосѣ и въ манерѣ держать себя я все время чувствовалъ какую-то грань, которою онъ отдѣлялъ себя отъ остальныхъ гостей.

— «Баринъ и разночинцы»? — мелькнула во мнѣ догадка.

За обѣдомъ зашла рѣчь о протекціи. Помощникъ мѣстнаго казначея, тощій, рыжеватый человѣкъ съ гладко прилизанной головой и унылой физіономіей, безпрерывно потѣвшей отъ духоты и частаго прикладыванія къ рюмочкѣ, вдругъ впалъ въ гражданскую скорбь и сталъ сѣтовать на то, что у насъ на Руси черезчуръ большое значеніе имѣетъ происхожденіе и протекція.

— Ты служишь, ты трубишь?.. — мрачно говорилъ онъ: — вѣрой и правдой двадцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидишь, а пріѣдетъ какой-нибудь Брысь-Эриванскій, или Начхать-Тараканскій — глядь и переплюнулъ всѣхъ! Нѣтъ у тебя бабушки или тетушки — и не родись лучше!

— Зря ропщете, Василь Василичъ!.. — отозвался почтмейстеръ, уписывая за обѣ щеки пирогъ съ рыбой. — Какъ же это быть безъ протекціи? Она отъ самого Бога указана!..

— Гдѣ же? — ехидно заинтересовался Василій Васильевичъ: — въ какихъ это вы книгахъ вычитали?

— Ну, книги-то глупость!.. — отвѣтилъ Филиппъ Савельевичъ. — А вы въ религію вникните: и къ Богу вѣдь мы черезъ протекцію, черезъ угодниковъ, обращаемся! Какъ же на землѣ человѣку своего заступника не имѣть?

Протодьяконъ разверзся и захохоталъ на всю столовую.

— Богословы!.. — прогремѣлъ онъ. — Эка, вѣдь, что выдумали!

— Филосовъ, филосовъ!!. — слегка покачивая головой, добродушно замѣтилъ протопопъ.

— Прямо Вольтеръ!.. — подхватилъ Лазо.

Какъ водится въ провинціи, тосты за именинника начались еще за борщемъ; затѣмъ принялись пить за его жену и за всѣхъ гостей по порядку старшинства. Остроты, говоръ и смѣхъ не умолкали.

Когда наконецъ подали сладкое, протодьяконъ всталъ, набралъ какъ въ мѣхъ въ грудь воздуха и раскрылъ ротъ. Столовая стихла.

— А будьте любезны окошки затворить?.. — вдругъ произнесъ онъ вмѣсто ожидавшагося многолѣтія. — Голосъ иначе того... на дворъ уйдетъ!..

Окна моментально закрыли.

— Благоденственное и мирное житіе... словно изъ подземныхъ глубинъ начала октава и, гулъ, какъ отъ приближающагося потока, сталъ разростаться съ каждой секундой.

Воздухъ дрожалъ какъ подъ колоколомъ; отъ напора мѣдныхъ звуковъ начали явственно позванивать стекла. Публика слушала, кто потупясь, кто склонивъ голову на бокъ. На всѣхъ лицахъ было написано умиленіе.

— Многая лѣ-ѣ-та!!. — грянуло какъ пушечный выстрѣлъ и раздалось общее — «ура!»...

— Громъ, чистый громъ! молніи только не хватаетъ!!. — восторженно воскликнулъ кто-то изъ гостей. Побагровѣвшій протодьяконъ снисходительно улыбался и оглаживалъ пышную, бобровую бороду. Гость съ гривой Рубинштейна сидѣлъ, скептически поджавъ толстыя губы, и рисовалъ вилкой по скатерти что-то походившее на лавровый вѣнокъ. Всѣ встали съ мѣстъ, зашумѣлъ говоръ, раздались чоканье и поцѣлуи съ расчувствовавшимся хозяиномъ; кто-то несъ и уронилъ сразу два стакана, и осколки ихъ разлетѣлись подъ нашими ногами. Почтмейстеръ оттанцовывалъ при поцѣлуяхъ отъ гостя, смотря по росту его, на шагъ или на два, затѣмъ наклонялся и лишь въ такомъ положеніи достигалъ до устъ претендента. Тонкія ноги его при этомъ все время шаркали и притопывали, и казалось, что онѣ выдѣлывали безъ участія верхней половины туловища какую-то фигуру лансье.

Всѣхъ попросили перейти въ гостиную; тамъ уже зеленѣли квадраты раскрытыхъ ломберныхъ столиковъ; на нихъ бѣлѣли мѣлки и колоды картъ.

Я бесѣдовалъ съ корректнѣйшимъ и надушеннѣйшимъ въ мірѣ исправникомъ и видѣлъ, что Лазо переговаривался обо мнѣ съ хозяиномъ. Затѣмъ первый присоединился къ дамамъ, цвѣтникомъ усѣвшимся на диванѣ и въ креслахъ — онъ признавалъ только азартныя игры. Почтмейстеръ разсадилъ муж-

чинъ за преферансъ и за винтъ и поспѣшилъ ко мнѣ; ходилъ онъ присѣдая, какъ на пружинѣ.

— А васъ, ужъ извините, я въ амбаръ попрошу?.. — обратился онъ ко мнѣ: — книжки у меня тамъ лежатъ!

— А вы ихъ продадите мнѣ?

— Ну, конечно!.. подъ спудомъ онѣ у меня, и то философомъ слыву, такъ ужъ, знаете ли, лучше совсѣмъ продать ихъ!

Я это мнѣніе одобрилъ, и мы двинулись въ путь.

— А развѣ худо быть философомъ? — спросилъ я на ходу.

— Да что же хорошаго? Филиппъ Савельевичъ даже развелъ руками. Выпить его заставили гости много; лицо и носъ его были блѣдны, красныя припухлости вокругъ глазъ и на лбу обозначились еще рѣзче.

— Это же все одно, что корреспондентомъ быть: всякій отъ тебя пакости ожидаетъ! Лучше отъ грѣха подальше: блаженъ мужъ ижъ не иде на совѣтъ нечестивыхъ, знаете-ли!..

Мы попали на знойный, пустынный дворъ, пересѣкли его, и Филиппъ Савельевичъ сдѣлалъ попытку отомкнуть огромный замокъ, висѣвшій на двери амбара, но никакъ не могъ попасть ключемъ въ скважину. Наконецъ это ему удалось и онъ распахнулъ дверь. Я вошелъ первымъ.

Охватила пріятная свѣжесть и темнота. У дальней стѣны была навалена какая-то мебель, дырявые стулья, картонки отъ шляпъ, подушки; близъ дверей справа и слѣва стояли три открытые сундука и два большихъ короба изъ луба, въ какихъ обыкновенно пересылали по желѣзнымъ дорогамъ книги. Я заглянулъ въ сундуки и увидалъ, что они сплошь наполнены стариннымъ хрусталемъ и всякими издѣліями изъ стекла — бокалами, стаканами и рюмками; все это было сложено прямо другъ на другѣ безъ малѣйшей прокладки. Особенное вниманіе мое остановили на себѣ толстые, желто-зеленые стаканы, имѣвшіе видъ ижицы и увидавшіе свѣтъ во дни Александра I. Къ той же эпохѣ и къ временамъ Екатерины II принадлежало и все остальное содержимое сундуковъ.

Я присѣлъ на корточки около одного изъ нихъ; почтмейстеръ — соблюдая должно быть вѣжливость — сдѣлалъ то же

по другую сторону и чуть не повалился въ сундукъ. Онъ успѣлъ ухватиться лѣвой рукой за откинутую крышку, а другой уперся въ бокалы; они захрустѣли. Чтобъ не подать вида, что произошло нѣчто неподобающее, онъ еще глубже запустилъ правую длань въ бокалы и началъ небрежно ворошить ихъ, какъ какую - нибудь лапшу; стекло зазвякало.

— Это наслѣдство жены ! .. — пояснилъ онъ: — дѣдушка ея о - очень богатый человѣкъ былъ! Извѣстный! И вотъ подумайте: все состоянiе выпито изъ этихъ бокаловъ ... одни они остались ! ! . Имѣлъ пятьсотъ душъ, а внучкѣ оставилъ пятьсотъ бокаловъ! — Почтмейстеръ поднялъ и поставилъ передъ своимъ лицомъ палецъ.

— Овидiево превращенiе ! .. Тутъ и безъ книгъ зафилософствуешься!

Я не могъ сдержать улыбки.

— А нельзя ли будетъ купить у васъ что - нибудь изъ этого стекла? — спросилъ я.

Почтмейстеръ подобралъ отвисшую нижнюю губу и качнулъ головой.

— Нне знаю ... Это жена распоряжается ! .. у нея спросить нужно ! ..

Мы посидѣли на корточкахъ передъ каждымъ сундукомъ, я полюбовался вещами, и мы перешли къ коробамъ. Они были плотно набиты переплетенными книгами. И книги и переплеты находились въ отличномъ состоянiи и, видимо, принадлежали раньше знатоку и любителю.

— А книги у васъ откуда? — поинтересовался я.

— Дядюшка жены ей оставилъ! Тоже, думали, челвоѣкъ со средствами былъ, а оказались вотъ только книжки. Однихъ пироговъ на именины ему отвезли — въ эти короба не войдетъ ! .. Сколько же, посчитайте, намъ это стоило ? ! . — Почтмейстеръ покрутилъ головой. — Характеръ у меня, знаете ли, счастливый, а другой отъ такихъ наслѣдствъ дѣйствительно Вольтеромъ бы сталъ!

Говорилъ онъ такъ искренно, алкоголь выявилъ на его раскисшемъ личикѣ такое разочарованіе въ завѣтныхъ мечтахъ, что мнѣ стало неудержимо весело.

Филиппъ Савельевичъ извинился, что долженъ оставить меня одного, предложилъ мнѣ хозяйничать и, сѣменя и пошатываясь, заспѣшилъ къ другимъ гостямъ.

Я быстро пересмотрѣлъ книги и опять уложилъ ихъ въ короба. Среди нихъ имѣлись недурныя вещи по исторіи польскаго возстанія и даже нѣсколько запрещенныхъ, лондонскихъ изданій въ родѣ записокъ Екатерины II, Дашковой и т. п. Очевидно это онѣ дѣйствовали на почтмейстера магнетически.

Я притворилъ дверь амбара и отправился въ домъ.

Въ гостиной священнодѣйствовали только одни игроки; голоса прочихъ доносились изъ столовой.

Желчный Васияій Васильевичъ вдругъ положилъ передъ собой карты кучкой и прижался грудью къ столу; прилизанная голова его какъ бы вросла въ плечи.

— Съ пики пошли ?! . — прошипѣлъ онъ въ тихой ярости своему партнеру: — да вѣдь съ пикъ только одни идіоты ходятъ !! .

На другомъ столѣ радостно заржали.

— Безъ двухъ, безъ двухъ !! . — послышались веселые голоса. Тамъ пострадавшимъ лицомъ явился исправникъ. Онъ молча собралъ губы такъ, что конецъ его носика зарылся въ усы.

— Вы бы въ бабки предварительно поиграли, мой дорогой ?.. — соболѣзнующе замѣтилъ онъ своему визави, приставу: — оно помогаетъ, знаете ли !..

Я прошелъ въ столовую. Тамъ уже былъ сервированъ чай; за столомъ сидѣли всѣ дамы, Лазо и господинъ съ гривой. Послѣдній что - то повѣствовалъ и былъ центромъ всеобщаго вниманія; по голосу я сразу призналъ въ немъ бывшаго семинара: говорилъ онъ нескладно, на «о» и съ поползновеніемъ на значительность. Изъ разговоровъ я понялъ, что передо мной пѣвецъ, заѣхавшій погастролировать въ городъ вмѣстѣ съ това-

рищемъ - теноромъ. Дамы принимали въ пѣвцѣ самое горячее участіе.

— Непремѣнно останьтесь на завтрашній вечеръ, Михаилъ Дмитріевичъ ! . . — обратилась къ Лазо хозяйка. — У Аркадія Аркадьевича дивный голосъ, и въ столицѣ такого не услышите: басъ, чудесный басъ!

Толстая шея и щеки артиста сразу распухли отъ удовольствія; онъ внушительно кашлянулъ и потупился.

Лазо развелъ руками и скроилъ убитую горемъ физіономію.
— Невозможно! — отвѣтилъ онъ: — мы ѣдемъ съ Сергѣемъ Рудольфовичемъ по спѣшному дѣлу ! . .

— Ну, для меня . . . пожалуйста ? ! . хозяйка прищурилась и, какъ бы испытывая силу своихъ чаръ, глядѣла на него.

— Прикажите застрѣлиться — это я скорѣй сдѣлаю ! ! . — воскликнулъ Лазо. — Срочное дѣло, экстренное, потеря имъ двухсотъ тысячъ.

— Ахъ, это такъ страшно выступать передъ публикой ? . . — проговорила одна изъ молодыхъ дамъ. — Скажите, Аркадій Аркадьевичъ, вы очень волнуетесь, когда выходите на эстраду, или нѣтъ?

— Да вѣдь это зависитъ отъ обстоятельствъ ! . . — отвѣтилъ тотъ; бываетъ, что и волнуюсь: иногда не знаешь вѣдь, заплатятъ или нѣтъ?

Лазо подавился чаемъ и вскочилъ.

— Чортъ, не въ то горло попало! — заявилъ онъ, весь побагровѣвъ отъ усилія не захохотать на весь городъ. Я отвернулся и беззвучно смѣялся; Лазо подошелъ ко мнѣ и облокотился о спинку моего стула.

— Ну что, кончилъ свое дѣло? — спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ утвердительно и вполголоса добавилъ, что очень хотѣлъ бы пріобрѣсти кое-что изъ стеклянной посуды: вся она была малорусскихъ и русскихъ фабрикъ.

— Это мы устроимъ ! . . онъ вернулся къ хозяйкѣ и что - то сказалъ ей. Та встала, и мы втроемъ отошли къ окну.

— Сей мужъ . . . началъ Лазо, уперевъ мнѣ въ грудь палецъ, — влюбился въ ваши бокалы: наслѣдственный алкоголикъ,

знаете ли! Такъ не снизойдете ли до его слабости и не продадите ли ему дюжинки двѣ - три?

— Ахъ, что вы! энергично возразила хозяйка: — это у меня память о предкахъ, родовое!.. съ удовольствіемъ бы, но никакъ не могу!

— А вы безъ удовольствія продайте?..

—Нѣтъ, нѣтъ, право не могу! Все что угодно готова вамъ сдѣлать, только не это. Наконецъ у насъ гости часто собираются, постоянно бьютъ посуду, не накупишься ея: нынче вѣдь все такое непрочное пошло!

— Если вамъ важно количество, то я взамѣнъ вашей готовъ предложить вамъ въ пять разъ больше самой лучшей современной?.. — замѣтилъ я.

— Никакъ не могу!.. Книги, сдѣлайте одолженіе, тѣ я вамъ съ удовольствіемъ продамъ! Ужъ вы не сердитесь, пожалуйста!.. — добавила она, замѣтивъ, что лицо моего пріятеля потемнѣло и насупилось.

— Такъ съ... ну, что дѣлать - съ?!. — произнесъ Лазо и круто повернулся ко мнѣ на каблукахъ. — Пора намъ, однако, и честь знать!..

— Какъ такъ? Куда?!. Ни за что не пущу! всполошилась почтмейстерша: — вечеромъ танцовать будемъ, вы у насъ заночуете!..

— Покорнѣйше благодарю, не могу - съ!..

— Господи, да вѣдь онъ ужъ надулся?!. — воскликнула видимо обезпокоенная почтмейстерша. — Вѣдь это ужасно, какой вы горячка! А я еще васъ самымъ надежнымъ другомъ считала!.. — добавила она, опять пустивъ въ ходъ чары своихъ подведенныхъ глазъ.

— Съ друзьями о такой дряни, какъ двѣ дюжины стакановъ, не разговариваютъ, драгоцѣннѣйшая Варвара Николаевна!.. — сдержанно, но весь кипя, отвѣтилъ Лазо.

— Господи, да развѣ же я возражаю? Я, вѣдь, говорила про свои принципы. А для васъ, для себя, пожалуйста возьмите сколько хотите!.. Для васъ я на все готова!!. — томно добавила она.

Положеніе создалось совершенно невозможное.

— Я рѣшительно отказываюсь отъ покупки бокаловъ! вмѣшался я. — Позвольте остановиться только на книгахъ. Сколько вамъ за нихъ угодно?

— Да нѣтъ, отчего же, возьмите и бокалы! Двѣ дюжины совсѣмъ немного: мнѣ почему-то показалось, что вы хотите взять всѣ?.. мужъ сказалъ, что вамъ очень понравились зеленые?..

Я опять отказался наотрѣзъ и сослался на невозможность путешествія со стеклянными вещами; вопросъ былъ исчерпанъ. За книги нѣсколько смущенная почтмейстерша назначила пятьдесятъ рублей, и я сейчасъ же вынулъ деньги и уплатилъ ей. Лазо молча присутствовалъ при всемъ этомъ, постукивалъ ногой и покручивалъ густые усы.

Короба съ книгами Варвара Николаевна обѣщала доставить на ближайшую станцію вмѣстѣ съ почтой и отправить ихъ прямо въ Петербургъ.

— Но гдѣ же мужъ? — всхлопоталась хозяйка, видя, что мы непреклонны и откланиваемся самымъ рѣшительнымъ образомъ. Она исчезла, а мы, не прощаясь ни съ кѣмъ, вышли въ гостиную и въ дверяхъ въ переднюю наткнулись на хозяевъ Филиппъ Савельевичъ, должно быть, гдѣ-то тайкомъ залегъ всхрапнуть и былъ безжалостно поднятъ женой на свои неустойчивыя жерди; личико его было измято, желтые волоса спутаны.

— Куда, куда? Невозможно!!. — возопилъ онъ, превратясь въ огромное подобіе Андреевскаго креста, преградившее намъ путь.

— Дѣла, милѣйшій!.. — сказалъ Лазо: — заѣхали къ вамъ, почтили и спѣшимъ дальше!

Послѣдовали новые уговоры, затѣмъ благодарности за визитъ, и мы, сопровождаемые однимъ почтмейстеромъ, перешли черезъ улицу на обширный дворъ конной почты, гдѣ находились наши лошади. Лазо приказалъ запрягать, и немного погодя мы опять колыхались какъ въ лодкѣ по колдобинамъ городскимъ улицъ.

— Ахъ, анафема!!. — вырвалось у Лазо, когда мы отъѣхали отъ воротъ, у которыхъ, въ видѣ вѣхи съ желтымъ пучкомъ соломы наверху, торчала фигура почтмейстера, глядѣвшаго намъ вслѣдъ.

— Кто? — спросилъ я.

— Да калоша эта старая, почтмейстерша!!. Глазки еще дѣлаетъ! Посуды ей стало для меня жалко! Вотъ имъ теперь что вмѣсто окороковъ къ Рождеству будетъ! Онъ потрясъ передъ моимъ лицомъ комбинаціей изъ трехъ пальцевъ и такъ заинтересовалъ этимъ двухъ прохожихъ, что они остановились и принялись глядѣть на насъ.

— Другъ мой, да вѣдь это же ея собственность! — возразилъ я: — она имѣетъ право распоряжаться ею, какъ ей нравится!

Лазо свирѣпо поглядѣлъ на меня.

— Логика изъ Африки!.. — заявилъ онъ. — Если-бъ мои сундуки были, да ты бы у меня дюжину бокаловъ попросилъ — всѣ бы отдалъ, пропади они! Комаринскаго въ сундукѣ проплясалъ бы, дери его чортъ! Вотъ ужъ правду говорятъ поляки: «изъ хама не бендзе пана!»

У собора Матвѣй повернулъ къ намъ голову.

— Куда теперь прикажете? — спросилъ онъ.

— Прямо!.. — сердито буркнулъ Лазо. — А ты пообѣдалъ?

— Такъ точно. Кормъ здѣсь по первой гильдіи-съ!

Гнѣвъ моего спутника началъ проходить. Я глядѣлъ на него и улыбался.

Лазо сплюнулъ на дорогу.

— Чортъ знаетъ, какой дрянью поятъ!.. — пробурчалъ онъ, не желая еще сдаваться: — чистый сандалъ, изжога даже сдѣлалась!

Мы выбрались за городъ и очутились у развилка дорогъ.

— Направо!.. — скомандовалъ Лазо, и коляска безшумно понесла насъ по проселку; черно-желтая пыль полосой растянулась за нами надъ золотымъ моремъ ржи.

— Знаете что, Титъ Титычъ?.. — сказалъ я: — вѣдь если вы еще поѣдете со мной — вы со всѣмъ уѣздомъ перессоритесь!

Лазо покосился на меня уже совсѣмъ развеселившимся глазомъ.

— Это еще почему?

— Да ужъ очень ндравъ у васъ, Титъ Титычъ, сурьезный — и не поперечь даже!

— Молчи... Чичиковъ несчастный! Шурумъ-бурумъ... «старья стараго, стараго платья, старыхъ сапоговъ покупать?!.» Лазо идеально изобразилъ старьевщика и захохоталъ. — Но какова? на все готова, извольте ли видѣть! Ахъ ты, одеръ погребальный?!. Да я то готовъ или нѣтъ, позвольте спросить?.. Тьфу! Лазо повернулся, выстрѣлилъ плевкомъ въ оставшійся далеко позади городокъ, и энергія опять забурлила въ немъ.

— Подъ древо!.. — крикнулъ онъ кучеру.

Впереди, у самой дороги, виднѣлся большой курганъ ; у подножія его, раскидывала густой шатеръ столѣтняя береза съ корявымъ, неохватнымъ стволомъ. Матвѣй свернулъ къ ней и остановилъ тройку въ тѣни. Лазо скинулъ съ себя пыльникъ и китель, бросился на траву и растянулся во весь ростъ.

--- Ну, и жарища-же!!. проронилъ онъ, разстегивая воротъ рубашки. --- Матвѣй, освѣжиться!...

Матвѣй привязалъ лошадей, затѣмъ сталъ на подножку коляски, поднялъ сидѣнье и принялся что-то доставать изъ ящика подъ нимъ. Въ рукахъ у него очутилась коричневая небольшая корзинка. Матвѣй подошелъ къ намъ, бережно держа ее въ рукахъ, досталъ изъ нея салфетку и разостлалъ ее между своимъ бариномъ и мною. Затѣмъ изъ корзины появилась бѣлоголовая бутылка, входившаго въ славу Абрау-Дюрсо и пара серебряныхъ стакановъ Все

это продѣлывалось такъ, какъ будто было разъ навсегда заведеннымъ дѣломъ.

— Съ чего же это мы шампанское будемъ пить?, поинтересовался я.

Лазо закинулъ руки за голову и задралъ одну ногу на другую.

— Вода не утоляетъ жажды, я, помню, пилъ ее однажды!.. продекламировалъ онъ и захохоталъ. — Маршрутъ обсудимъ.... безъ этого нельзя!

...«на днѣ стакана вдохновенье и грусть и слезы и любовь...» самъ Пушкинъ такъ пишетъ! А ужъ онъ ли не знатокъ?

Бутылка выстрѣлила и шампанское заискрилось въ нашихъ стаканахъ.

Лазо залпомъ осушилъ свой.

— Хорошо прополоскаться послѣ всѣхъ этихъ дрей-мадеръ изъ Кашина!.. произнесъ онъ. — Игру душѣ шампанское придаетъ! Спеціально для этой цѣли Господь его создалъ! Ну-съ, теперь за маршрутъ. Отсюда прямо къ баронессѣ фонъ-Штаммъ. Вотъ гдѣ ты будешь въ своей тарелкѣ: тамъ всѣ тоже помѣшанные!.. За твое здоровье, милый!! — нѣжно добавилъ онъ, чокаясь со мной вновь наполненнымъ стаканомъ.

— Да нужное-то мнѣ мы найдемъ у нея, или нѣтъ?

— Все, что хочешь, найдемъ! Я тебѣ говорю, — совершенный бедламъ! Народа полонъ домъ. Всегда всѣ влюблены, всѣ беременны, другъ другу сцены дѣлаютъ. Одна хохочетъ, другая въ истерикѣ! Я вѣдь съ дѣтства ихъ всѣхъ знаю!

— Постой!.. прервалъ я пріятеля:—да вѣдь тамъ только одна баронесса, насколько я понялъ?

— Какое одна? Это зимой она одна, а лѣтомъ къ ней еще три добавляются: три дочки ея! Доругиваться сюда съѣзжаются. Родоначальница — Агнія Николаевна. Былъ родоначальникъ, но за праведность на небо взятъ, не живымъ, конечно! Единственный сынъ дурачекъ. Дочки Тася и Мися замужемъ, Люлю еще холостая. Куча родственницъ, затѣмъ, въ домѣ, кромѣ того, бывшая гувернантка, старая дѣва, Алевтина Павловна. Вся власть въ ея рукахъ: имѣется даже приживалка изъ благородныхъ съ флюсомъ —

Марина Семеновна — у этой мужъ сбѣжалъ. Мамаша замужъ хочетъ, дочки развода требуютъ, Люлю декадентка, гувернанта всѣхъ распекаетъ! Крикъ, скандалъ круглый день!!. Идеи?!—Лазо хлопнулъ себя по ляжкѣ. — Хочешь, я тебя на мамашѣ женю? Красавица, ей Богу! А ужъ какъ сложена! Въ банѣ увидалъ бы — не зналъ бы съ какой стороны кланяться!

— А не объѣхать ли намъ твою баронессу стороною?... отвѣтилъ я.

— Милый, невозможно!! — закричалъ, хохоча, Лазо:— ты только посмотри, что тамъ такое дѣлается! деньги вѣдь за это слѣдуетъ брать!

— Странно, нѣмецкая семья, а картинка истинно русская!....

— Какъ нѣмецкая? — завопилъ, хохоча, Лазо: — родоначальница урожденная Свѣшникова, мэйдъ инъ Тула!.

— А родоначальникъ?

— Онъ не считается: у всѣхъ чистокровныхъ русскихъ кто нибудь изъ родителей нѣмецъ! Тамъ по нѣмецки даже не говоритъ никто! А книгъ твоихъ найдемъ милліонъ, ей Богу! Матвѣй, еще бутылку?..

— Слушай, да вѣдь мы же лыка вязать не будемъ? заявилъ я: — пріѣдемъ въ видѣ какихъ то пропойцъ: парой Расплюевыхъ!..

— Вздоръ! Шампанское — это же лучъ свѣта въ темномъ царствѣ — помнишь, у Островскаго?... По литературной части ты, я вижу, слабъ?... соболѣзнующимъ тономъ добавилъ онъ, увидавъ, что я качнулъ головою. — Ну да ничего, за дорогу я тебя поднатаскаю!.. будь здоровъ!

Черезъ полчаса мы, снова по аллеѣ изъ березъ, опять неслись среди ржаныхъ полей и дышали густымъ, парнымъ запахомъ свѣжаго хлѣба. Жаръ уже свалилъ, деревья стали гатить дорогу длинными тѣнями. Солнце сожгло за день всю синеву неба, и оно казалось бурымъ. Суля на слѣдующее утро такой же зной, даль начинала заволакиваться дымною мглою.

Лазо, выпившій львиную долю обѣихъ бутылокъ, сидѣлъ развалясь, но былъ свѣжъ, по его выраженію, какъ Рафаэлевскій херувимъ, и только глаза съ покраснѣвшими бѣлками казались произведеніемъ Рубенса.

До имѣнія фонъ-Штаммъ, или фонъ-Страмъ, какъ произносилъ Матвѣй, считалось отъ города пятнадцать верстъ. «Бояринъ» шутя донесъ насъ до баронскихъ владѣній, и первыя сумерки нашли насъ передъ большимъ стариннымъ домомъ, имѣвшимъ видъ буквы «п». Средняя, двухъ-этажная часть его тонула въ саду; передній фасадъ закрывали заросли сирени, и виднѣлась только верхняя часть: между боковыми, одноэтажными крыльями лежалъ усыпанный пескомъ маленькій дворикъ, какъ бы заливъ отъ широкой зеленой луговины большого двора: по бокамъ его, за линіей тополей, выглядывали разныя строенія.

На звонъ нашего колокола въ нѣсколькихъ мѣстахъ показались въ окнахъ женскія лица; ихъ было такъ много, что можно было подумать, что мы подъѣхали къ какому то женскому пансіону.

— Лазо?! Михаилъ Дмитріевичъ?!.. услыхалъ я возгласы.

Не успѣли мы выйти изъ экипажа, тяжелая дверь подъѣзда разлетѣлась на двѣ половинки, и передъ нами предстали двѣ сіяющія, загорѣлыя какъ кирпичи, физіономіи молодыхъ босоногихъ горничныхъ.

— Пожалуйте, дома!!. разомъ вскрикнули онѣ, не давъ намъ даже раскрыть ротъ для вопроса.

— Здорово, пышки!.. отвѣтилъ Лазо и одновременно ущипнулъ за красныя щеки обѣихъ. Тѣ захихикали и чуть отодвинулись. Мы прошли мимо и въ передней почти столкнулись съ худошавымъ рыжеватымъ господиномъ въ легкомъ лаунъ-тенисномъ костюмѣ. Лицо господина отражало разстройство.

— Я счастливъ, что вы пріѣхали!.. заявилъ онъ, обѣими руками потрясая руку Лазо. — Тася сегодня въ невозможномъ настроеніи!..

И произношеніе — нѣсколько длительное и излишне отчетливое — и точно гуттаперчевое, совершенно обритое лицо, сразу обличали въ немъ остзейца.

— Это мой другъ. Знакомьтесь, господа?... воскликнулъ Лазо, подталкивая меня въ спину.

— Баронъ фонъ Тренкъ! — нѣсколько напыщенно произнесъ встрѣтившій насъ господинъ.

— Густавъ Густавовичъ!.. поправилъ его Лазо. — Мужъ пре-

лестнѣйшей жены въ мірѣ!.. «Мужъ царицы, мужъ царицы»... напѣлъ онъ фразу изъ «Прекрасной Елены».

— Что? спросилъ Тренкъ, не понявъ.

— Мужъ прекраснѣйшей изъ Еленъ, говорю!..

— Да... когда она въ духѣ!.. согласился Тренкъ и отворилъ передъ нами среднюю дверь.

Меня оглушилъ ревъ гармоніи, заливавшейся торжественнымъ маршемъ. Его усердно игралъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати въ сѣрой курточкѣ, сидѣвшій на стулѣ около входа и видимо караулившій наше появленіе, чтобы устроить намъ встрѣчу. Въ залъ съ радостными восклицаніями торопилось населеніе изо всѣхъ комнатъ, и мы оказались посреди, по крайней мѣрѣ, двухъ десятковъ дамъ, барышень и дѣтей разныхъ возрастовъ; мужчинъ среди нихъ имѣлось всего двое. Лазо, видимо, состоялъ въ общихъ любимцахъ; всѣ улыбались намъ и говорили одновременно; дѣти кричали и прыгали, гармонія ревѣла! А на насъ несказанно величаво и строго смотрѣлъ высокій залъ, весь закутанный въ бѣлые чехлы...

— Господа, да уймите же наконецъ Куку?!. Силъ нѣтъ никакихъ!!. закричала, зажимая себѣ обѣими руками уши, высокая блондинка. — Дѣтей уберите вонъ, дѣтей!!.

Къ гармонисту метнулись двѣ молодыя, скромно одѣтыя гувернантки, и музыка оборвалась. Пару толстощекихъ бутузовъ похватали за руки и потащили изъ залы; они упирались и визжали; за ними съ гамомъ и смѣхомъ умчалась и остальная дѣтвора.

Баронъ подвелъ меня къ самой родоначальницѣ — небольшому кубу, возраста безповоротно скрытаго косметиками. Но влага, постоянно державшаяся въ сѣрыхъ, наивныхъ глазкахъ, и умиленное выраженіе лица свидѣтельствовали о второмъ дѣтствѣ, переживаемомъ баронессой. Одѣта она была въ кружева цвѣта кремъ, наброшенныя на что-то розовое. Обширное лицо ея покоилось на трехъ подбородкахъ, замѣнявшихъ шею; надъ нимъ, въ видѣ опрокинутой суповой миски, громоздилось сооруженіе изъ прелестнѣйшихъ, но чужихъ, свѣтлыхъ волосъ.

Меня подарили улыбкой и поднесли къ моимъ губамъ пухлую руку для поцѣлуя.

Начались дальнѣйшія представленія. — «Фонъ-Тренкъ, фонъ Штраммъ»... то и дѣло сыпалось изъ устъ моего вожатаго. Весь домъ какъ будто былъ населенъ только «фонами».

Жена Густава Густавовича, Елена Францевна, оказалась небольшой, синеглазой съ чисто Грезовской, изящной головкой и съ такимъ выраженіемъ лица, что могла бы съ успѣхомъ служить моделью для статуи богини капризовъ. Легкій голубой капотъ ея плохо скрывалъ тайну о близкомъ увеличеніи рода бароновъ фонъ-Тренкъ. Это она закричала, чтобы убрали дѣтей и гармониста. Лѣтъ ей можно было дать двадцать-восемь.

Близъ нея находилась вторая сестра ея — прехорошенькая, смѣшливаго вида блондинка съ нѣсколько выпуклыми глазами—Евгенія Францевна, на семейной воляпюкѣ — Мися. Лѣтъ ей можно было предположить около двадцати пяти. И съ ней было неблагополучно по части ожиданія потомства. Ей что-то говорилъ на ухо мужъ ея, невысокій и полный шатенъ съ французской бородкой и карими глазами съ веселой лукавинкой. Онъ шаркнулъ мнѣ ножкой, какъ гимназистъ, и, только что Тренкъ раскрылъ ротъ, чтобы назвать его, онъ громко отрекомендовался самъ: «фонъ Булкинъ».

Тренкъ закрылъ ротъ, подарилъ его строгимъ взглядомъ и поскорѣе повелъ меня дальше.

Люлю, а по христіанскому Лидія Францевна, самая младшая, незамужняя дочь баронессы, была высокая и поджарая особа, удивительно напоминавшая породистую борзую; надменное, длинное лицо ея украшалъ тонкій и прозрачный, какъ алебастръ, носъ. Свѣтлые волосы были обрѣзаны до плечъ и на греческій манеръ поддерживались по серединѣ узенькаго и скошеннаго назадъ лба золотымъ обручемъ. На плоской груди ея торчала бѣлая хризантема. Подала мнѣ руку Люлю совсѣмъ особымъ способомъ: сперва подняла ее до уровня своей головы, затѣмъ какъ бы погрузила ее куда то въ бездну, внизъ, вытянувъ при этомъ четыре пальца и далеко отставивъ отъ нихъ большой. Вмѣсто пожатія я почувствовалъ уколъ, какъ бы отъ гвоздей, и увидалъ, что меня укололи миндали ногтей необыкновенныхъ размѣровъ, заканчивавшіеся остріями. Одна изъ наиболѣе пожилыхъ дамъ, сутулая и черноволосая, съ черносливами вмѣсто глазъ, опираясь на палку, какъ Гроз-

ный на посохъ. Говорила она властно, громко, даже стучала при этомъ палкой и поминутно сердилась.

— Алевтина Павловна Захарова!.. сказалъ, знакомя меня съ ней, Густавъ Густавовичъ.

— Генеральша!.. — отчеканила она. — Вы сегодня разсѣяны, баронъ!

— Виноватъ!!. спохватился тотъ.

Лазо, шутившій и смѣявшійся то здѣсь то тамъ, очутился около насъ.

— Дорогая Алевтина Павловна?! воскликнулъ онъ, цѣлуя то одну, то другую руку бывшей гувернантки. — Не генеральша вы, а генералъ съ головы до ногъ! Отецъ командиръ настоящій! Какъ ваше драгоцѣнное здравьице?!

На синеватыхъ, полныхъ губахъ и щекахъ Алевтины Павловны, вблизи походившихъ на клубки спутанныхъ красныхъ и синихъ нитокъ, появилась довольная улыбка.

— Ну, ну... балагуръ!.. очень тебя рада видѣть!.. А жена гдѣ? Опять одну дома бросилъ?

— Помилосердствуйте! — хохоча закричалъ Лазо : — да развѣ же въ Тулу со своимъ самоваромъ ѣздятъ? Здѣсь же цвѣтникъ, разсадникъ красавицъ!.. вы наконецъ здѣсь!.. надобно же мнѣ на свободѣ поухаживать!

— Вотъ погоди, погоди!!. разскажу ей все!.. проговорила, окончательно придя въ хорошее расположеніе духа, Алевтина Павловна.

Черезъ настежь открытую, огромную, застекленную дверь все общество наше вышло на большую веранду; насъ встрѣтило шесть бѣлыхъ, неохватныхъ колоннъ, уходившихъ ввысь; низенькая рѣшетка изъ узорнаго желѣза между ними была густо оплетена вьющеюся зеленью; сквозь нее глядѣли шпалеры георгинъ всевозможной окраски. Нѣсколько длинныхъ мраморныхъ ступеней спускались въ цвѣтникъ, дальше превращавшійся въ паркъ; онъ видимо былъ обширный и старинный.

Всѣ размѣстились вокругъ насъ. Лазо въ торжественномъ тонѣ, безъ обычныхъ своихъ шутовскихъ вывертовъ, громогласно повѣ-

далъ о цѣли нашей поѣздки. Можно было дать голову на отсѣченіе, что говорилъ ярый поклонникъ старины и книгъ.

Повѣствованіе его было принято одобрительно.

— Очень мило!.. тронутымъ голосомъ объявила сидѣвшая между нами родоначальница. — Благодарю васъ... — и она, блестя слезой, съ прежней, застывшей улыбкой поднесла для поцѣлуя къ самому носу Лазо правую руку, а мнѣ лѣвую.

— Господи, опять онъ за сигару взялся?!. выдѣлился изъ общаго говора раздраженный вскрикъ Таси; она замахала передъ собой обѣими руками, какъ бы отгоняя отъ лица осу: — не выношу я этой гадости, кажется извѣстно тебѣ?!.

Тренкъ вынулъ изо рта только что закуренную, длиннѣйшую сигару.

— Дорогая, но вѣдь мы же на воздухѣ?..

— Все равно я не желаю! Кури ихъ въ конюшнѣ! Удивительное удовольствіе: одинъ куритъ, а пятерыхъ тошнитъ!!

Тренкъ пожалъ плечами.

— Сигары прекрасныя... сказалъ онъ и нехотя началъ гасить ее пальцемъ.

— Еще бы?.. вмѣшался Булкинъ: — цвей рубль аршинъ, ундъ ганцъ шварцъ!

— Тасенька, вы тиранка!!. воскликнулъ Лазо: — что вамъ дьяконъ на свадьбѣ читалъ — мужъ вѣдь глава?

— И пускай его будетъ главою, я ничего не имѣю противъ! Но пусть все дѣлаетъ по моему!.. капризно возразила Тася.

— Ты у насъ ересей-то своихъ не разводи!.. обратилась къ Лазо Алевтина Павловна и застучала палкой. — Вотъ тебя распустила жена, что изъ тебя толку вышло?

— Изъ меня?! ужаснулся Лазо и простеръ впередъ обѣ ладони: — да я первый, примѣрнѣйшій мужъ во всей губерніи!!.

По верандѣ прокатился смѣшокъ.

— Неужели?! удивился Булкинъ. — А я думалъ, я?

— Ты самый глупый! отозвалась Мися: — молчи!

Булкинъ скрестилъ на груди руки и съ покорнымъ видомъ поникъ головою.

— Ты? воскликнула Алевтина Павловна: — ахъ, ты, безсовѣстный!!.

— А примѣрный мужъ посвятилъ новаго друга въ исторію своей женитьбы? освѣдомилась Тася.

— А что такое? почему? удивился Лазо на этотъ разъ совершенно искренно: — кажется, все хорошо прошло, дай Богъ всякому; всю посуду въ домѣ перебили!

— А при разъѣздѣ гостей вы что учинили? настаивала Тася.

Лазо вспомнилъ что-то и покатился со смѣху.

— Пожалуйста безъ сплетенъ, господа!!.. закричалъ онъ на всю веранду.

Всѣ дружно захохотали. Алевтина Павловна улыбалась, качала головой и грозила Лазо пальцемъ.

— Нѣтъ, ужъ разъ начали, такъ договаривайте! вступилъ я въ разговоръ: — онъ, я вижу, утаилъ отъ меня какое-то обстоятельство?

— Да развѣ это обстоятельство, вздоръ это! закричалъ опять Лазо: — просто я барышню одну проводить хотѣлъ! Муху въ слона превратили!

— Это ты съ мухой былъ! заявила Алевтина Павловна: — будь я на мѣстѣ твоей жены, годъ бы я тебя послѣ такой штуки на глаза къ себѣ не пустила!

— Что же онъ натворилъ такое? заинтересовался я.

— Да на собственной свадьбѣ вообразилъ, что онъ не на Нинѣ Павловнѣ, а на подружкѣ ея женился; съ ней и уѣзжать рѣшилъ и въ коляску влѣзъ! Его вонъ тащатъ, а онъ упирается, бушевать началъ, такъ и укатилъ съ той! Десять верстъ, до самаго ея дома, откаталъ; по дорогѣ-то обдуло его должно быть, опомнился и назадъ на той же чужой тройкѣ вернулся. Ахъ, скандалистъ!!.

Лазо хохоталъ, моталъ головой и махалъ руками.

— Милый, это клевета!!. кричалъ онъ: — здѣсь всѣ ненавидятъ меня! Фактъ вѣренъ, но онъ вздоръ! Пойми душу мою: произошла ошибка, добросовѣстное заблужденіе, за него и законъ не караетъ! Суть въ томъ, что на радостяхъ былъ выпитъ всего одинъ лишній стаканъ шампанскаго! Это же естественно? Спу-

тать въ такія минуты долго ли: всѣ въ бѣломъ, всѣ въ цвѣтахъ, поэтъ въ душѣ, крылья вѣдь иногда растутъ у человѣка! Я и взлетѣлъ! Жена поняла это — она у меня геній!!..

— А плакалъ кто, ожидая васъ? освѣдомилась Тася.

— Н-ну?.. Лазо развелъ руками. — Всѣ женскія программы воздѣйствія на мужей слезы содержатъ! Но у насъ онѣ заняли всего полчаса и затѣмъ наступили миръ и любовь! Но до чего злопамятны здѣсь люди? Пятнадцать лѣтъ прошло, и все помнятъ!!,

Началась общая перекидка шутками и остротами.

На балконѣ, на накрытомъ для ужина длинномъ столѣ уже горѣли въ бѣлыхъ матовыхъ колпакахъ три высокія лампы.

Увидавъ разставленныя всѣмъ тарелки съ простоквашей, Булкинъ скроилъ страшную физіономію.

— Какъ, опять проскакаша?!. воскликнулъ онъ.

— Ѣшь, ѣшь!!. отвѣтила Алевтина Павловна: — это полезно, особенно Тасѣ съ Мисей въ ихъ положеніи!

— Но вѣдь я то не въ положеніи?!. прижавъ обѣ руки къ груди вопросилъ Булкинъ: — я то за что осужденъ каждый вечеръ проскакашей питаться?! Его усадили, Мися подвязала его салфеткой и приказала съѣсть всю тарелку. Ужинъ начался весело.

Среди ужина Тренкъ вдругъ выпрямился и раздулъ щеки.

— Вашихъ взглядовъ я никакъ не уясняю себѣ!.. оскорбленнымъ тономъ произнесъ онъ, продолжая свой разговоръ съ Булкинымъ, сидѣвшимъ противъ него. — Помилуйте?.. какъ бы аппелируя, обратился онъ ко всему столу. — Всѣ отъ мужика до барина ходатайствуютъ завести у себя все лучше... Тренкъ загнулъ палецъ: — пѣтуха - породистаго... Онъ загнулъ второй палецъ и сталъ продолжать дѣлать это и дальше: — собаку породистую, свинью породистую, корову породистую, лошадь породистую! Стало быть, порода что то значитъ? Значитъ, въ породѣ есть все дѣло?..

— Совершенно вѣрно!.. согласился Булкинъ. — Но ваша теорія, какъ выдающагося коннозаводчика, кажется мнѣ нѣ-

сколько односторонней: чтобы осчастливить и переродить человѣчество, еще не достаточно послать въ турнэ по Россіи нѣсколько десятковъ племенныхъ бароновъ! Кромѣ породы нужны и реформы...

Баронъ опѣшилъ и нѣсколько секундъ сидѣлъ шевеля бритымя губами и не зная, что отвѣтить.

— Позвольте?!. взъершился наконецъ онъ: — но развѣ про плѐменныхъ бароновъ я что нибудь говорилъ? — я имѣлъ въ виду странное, неестественное желаніе упразднить дворянство и поставить, какъ это говорится, въ углу стѣны, холуя!..

— Кто же вамъ сказалъ объ этой жаждѣ обзавестись холуемъ?

— А хоть бы вы: пять минутъ назадъ вы объявили, что лучшій способъ правленія — республиканскій!

— Вы изумительно вѣрно схватили мою мысль, но холуя въ видѣ мечты я не выставлялъ!..

— Вы хвалите республику, это одно и тоже! Сегодня объявятъ республику, а завтра въ ней президентомъ разсядется и будетъ черезъ зубокъ плевать вашъ лакей Ванька Безпалый?..

— Алевтина Павловна, да запретите имъ говорить о политикѣ?! закричалъ Лазо.

— Да, да!.. курить сигары и ссориться можете на дворѣ!.. поддержала Тася.

Въ тонѣ ея все время чувствовалось какое то пренебреженіе.

Алевтина Павловна постучала палкой. — Я васъ помирю!.. сказала она: — наилучшій образъ правленія — это палка... и при томъ самая крѣпкая! А звать — зовите ее какъ угодно!

Лазо захлопалъ въ ладоши и принялся цѣловать руку Алевтины Павловны.

— Браво! вы Соломонъ!!. кричалъ онъ: — совершеннѣйшая истина! Первое дѣло — твердымъ по головѣ и сейчасъ все придетъ въ порядокъ и проясненіе мозговъ сдѣлается!!.

— Бѣдный ты у меня тварючекъ!.. произнесла Мися: говоришь однѣ глупости! Вводить республику въ Россіи я тебѣ запрещаю!

— Слушаю! воскликнулъ Булкинъ и приложилъ ко лбу ладонь правой руки.

Послѣ ужина Тренкъ и Булкинъ проводили насъ въ назначенную намъ комнату; Тренкъ раскланялся у дверей ея, а Булкинъ вошелъ вмѣстѣ съ нами и заботливо осмотрѣлъ, все ли приготовлено какъ слѣдуетъ. Отведена намъ была билліардная — просторная и нѣсколько мрачная. На длинныхъ, темно-зеленыхъ диванахъ, у противоположныхъ стѣнъ, бѣлѣли двѣ постели. Я первымъ дѣломъ распахнулъ всѣ три окна и открылъ портьеру у своего изголовья.

— Вамъ свѣтъ помѣшаетъ спать?.. сказалъ Булкинъ.

Лазо схватилъ его за локоть—Тссс! не противорѣчь...—вполголоса, какъ бы по секрету сообщилъ онъ: — онъ, вѣдь, у меня поврежденный!..

— Завтра я покажу вамъ весь домъ... пообѣщалъ Булкинъ, прощаясь со мней: — но заранѣе предупреждаю, что интереснаго въ немъ сохранилось мало!

Булкинъ ушелъ и мы улеглись по постелямъ. Лазо долго не гасилъ свѣчи, курилъ и разглагольствовалъ.

— Ну что, какое впечатлѣніе произвели на тебя господа туземцы? поинтересовался онъ, между прочимъ.

— Разнообразное!, — отвѣтилъ я, — а вообще говоря — изумительная смѣсь богемы и высшаго круга! Босыя горничныя и княжеское палаццо, Булкинъ и Тренкъ, Люлю и маманъ...

— Двадцатый вѣкъ, братъ!.. Теперь вездѣ сапоги въ смятку! А на Марину Семеновну обратилъ вниманіе?

— Это еще кто такая?

— А съ подвязанной щекой? Феноменъ замѣчательный!

— Чѣмъ?

— Я жъ тебѣ говорилъ, что у нея лѣтъ пять назадъ мужъ сбѣжалъ и баронесса взяла ее къ себѣ. Вѣчно съ флюсомъ, вѣчно грустить и каждый годъ въ такомъ положеніи!

— Что ты болтаешь? Отъ кого же?

— Отъ грусти, ей-Богу! Сама удивляется и не знаетъ отъ чего! Такъ ужъ устроена!

— Будетъ врать! сказалъ я. — Гаси лучше свѣчу!

Лазо повернулся на бокъ и задулъ свѣчу. Въ темнотѣ краснымъ пятнышкомъ обозначилась его папироса.

— А фонъ-баронъ тебѣ понравился? — немного погодя заговорилъ Лазо. Я не отозвался. Лазо ткнулъ во что-то папироску, должно быть въ стаканъ съ питьемъ, и она зашипѣла и погасла.

— Окочурился уже... шурумъ-бурумъ несчастный!!.. пустилъ Лазо по моему адресу: — и поговорить вволю человѣку не съ кѣмъ!

Черезъ минуту мы оба спали крѣпчайшимъ сномъ.

Въ семь часовъ утра я былъ уже на ногахъ и, оставивъ почивать своего пріятеля, захватилъ полотенце и отправился купаться.

Домъ безмолвствовалъ. Не встрѣтивъ нигдѣ ни души, я спустился въ садъ. Меня охватило благоуханіе; садъ весь былъ свѣжесть и радость; цвѣты, какъ милліонная, изящнѣйшая въ мірѣ толпа, сошлись со всѣхъ сторонъ къ шести-колонному храму земного божества-человѣка на поклоненіе. Въ аллею солнце и суета не проникали; тамъ было сумеречно, торжественно и сыро. Липы-чудовища навѣрное помнили времена императрицы Екатерины II. Аллеи прямыми линіями разрѣзали огромный фруктовый садъ; — узкія дорожки то и дѣло уводили влѣво и вправо къ развѣсистымъ яблонямъ, сплошь усыпаннымъ уже начавшими румяниться яблоками.

Открылась рѣка. Наканунѣ, впотьмахъ, она казалась сверхъестественной и необъятной; теперь она жалась въ крутыхъ берегахъ, узенькая, обыкновенная, извилистая. Подъ обрывами противоположнаго берега стѣной стояли камыши съ черными, словно бархатными банниками на концахъ; кручу за ними одѣвалъ густой лиственный лѣсъ. Куда ни обернись — ничего кромѣ зелени лѣса и камышей, воды и неба видно не было.

Послѣ купанья я обошелъ паркъ. Средняя аллея была короче другихъ и выводила на зеленую, круглую лужайку. На ней въ видѣ шапки возвышался небольшой холмъ, весь заросшій жасминами. Изъ чащи ихъ, какъ бы насторожась, выглядывала лукавая голова фавна съ рожками.

Я продрался къ нему черезъ кусты и увидалъ мраморный бюстъ: онъ стоялъ на слегка обтесанномъ валунѣ. Бюстъ былъ итальянской работы восемнадцатаго вѣка и выполненъ былъ мастерски. Плѣсень, какъ плющъ, вилась въ его волосахъ и въ

складкахъ лица, и казалось, будто онъ выглядываетъ изъ стеблей травы. У пьедестала устроена была скамеечка для двоихъ, но судя по тому, какъ задавили ее кусты, и по отсутствію хотя бы тропинки къ ней, можно было заключить, что уже много лѣтъ подъ рядъ напрасно подкарауливалъ фавнъ появленіе парочки, идущей на свиданье къ холму...

На балконѣ я встрѣтился съ Булкинымъ.

— Окупацію уже сдѣлали ? весело воскликнулъ онъ.

Я сообразилъ, что на мѣстномъ языкѣ это обозначало купанье.

— Да.. отвѣтилъ я. — Славная вода!

— Великолѣпно, давайте вмѣстѣ чаевничать? Кстати, что хотите — чаю, или кофе?

Мы подошли къ столу; дѣвка усердно стучала вокругъ него пятками, разставляя посуду и все необходимое.

— Попрошу кофе... сказалъ я. — Но развѣ уже всѣ встали?

— Нѣтъ. Здѣсь подымаются въ неопредѣленное время; сходимся всѣ вмѣстѣ только къ обѣду и къ ужину!

Мы усѣлись. Булкинъ, такой ядовитый - задира наканунѣ, оказался простымъ и милымъ человѣкомъ.

Бесѣда зашла о прошломъ имѣнія. Я освѣдомился давно ли оно въ роду Штраммовъ.

— Оно не родовое!.. отвѣтилъ Булкинъ. — Покойный баронъ купилъ его лѣтъ тридцать назадъ у Велепольскихъ...

— Вы, кажется, не особенно долюбливаете титулы ?... намекнулъ я на вчерашнюю пикировку его съ Тренкомъ.

Булкинъ глянулъ на меня и въ зрачкахъ его опять заискрился смѣхъ.

— Это какъ сказать?.. по экземпляру судя! А вотъ русскіе столпы отечества аусъ Рига — они дѣйствительно аппетитъ отбиваютъ!..

— Скажите, а отъ Велепольскихъ не сохранилось какихъ либо бумагъ или писемъ?

Булкинъ раздумчиво качнулъ головою.

— Не знаю, не слыхивалъ!.. Если и уцѣлѣли, то развѣ гдѣ нибудь на чердакѣ!

— Вы мнѣ разрѣшите сейчасъ осмотрѣть его?

— Сдѣлайте милость. И я вмѣстѣ съ вами пойду!

Мы покончили съ кофе и вошли въ домъ. Въ залѣ, за большимъ концертнымъ рояле́мъ, согнувшись, сидѣлъ мальчикъ, встрѣтившій насъ наканунѣ игрой на гармоніи. Длинное лицо его было нездороваго, сѣраго цвѣта. Услыхавъ наши гулкіе шаги, онъ выпрямился, и словно два синихъ василька глянули изъ бурьяна и опять скрылись — онъ опустилъ глаза и наклонился надъ клавишами.

— Кто это? вполголоса обратился я къ своему спутнику.

— Кука!.. громко отвѣтилъ тотъ: — братъ жены. Большой талантъ, но къ сожалѣнію — Булкинъ постучалъ себѣ въ лобъ пальцемъ — у него не «не всѣ дома», а совсѣмъ никого дома нѣтъ!

— Развѣ онъ не понимаетъ васъ? тихо спросилъ я, почувствовавъ неловкость.

— Нѣтъ, понимаетъ только самыя несложныя вещи. И вмѣстѣ съ тѣмъ изумительный музыкантъ!

Мы подошли къ мальчику, и Булкинъ погладилъ его по вихрастой, еще не причесанной головѣ.

— Здраствуй, Кука?.. ласково проговорилъ онъ.

Мальчикъ взглянулъ на него синими глазами и улыбнулся, но улыбка эта не шла изъ глубины души, какъ обыкновенно бываетъ, а произведена была лишь поверхностью лица: въ чертахъ его оставалось что то неподвижное.

— Сыграй намъ вальсъ?.. попросилъ Булкинъ.

Мальчикъ потупился, опустилъ руки на колѣни и не шевелился.

— Сыграйте вы что нибудь?.. обратился ко мнѣ Булкинъ: — онъ сейчасъ же безошибочно повторитъ все отъ начала до конца!

— Я не играю... отозвался я, продолжая наблюдать странное и несчастное существо, сидѣвшее передъ нами.

Мальчикъ сильно сутулился; руки и особенно пальцы у него были сильно развиты.

— На роялѣ онъ играетъ неважно: самоучка, вѣдь!.. продол-

жалъ мой спутникъ: — но на гармоніи виртуозъ! Ну, да вы его, вѣроятно, еще услышите сегодня!

Въ зеркало я видѣлъ, что за нашими спинами поднялись и внимательно проводили насъ синіе глаза. Мнѣ показалось, что мальчикъ дѣлалъ усиліе понять слышанныя имъ слова. Мы миновали залъ, поднялись во второй этажъ и оттуда по желѣзной винтовой лѣстницѣ взошли на чердакъ. Онъ былъ пустъ. Казалось, что мы попали въ громадный манежъ, посрединѣ котораго четвероугольными колоннами вставали трубы. Земля подъ нашими ногами была чисто выметена; въ большіе овалы слуховыхъ оконъ широкими потоками вливался свѣтъ.

— Однако! не удержался я: — даже ужъ слишкомъ чисто!

— Главное достоинство бароновъ!.. проронилъ Булкинъ.

Мы спустились обратно, досыта «попаслись», по выраженію Булкина, въ саду въ зарысляхъ крупной и душистой малины и направились къ балкону. До насъ донесся повышенный голосъ Таси; ей возражалъ супругъ; сперва слышны были только отдѣльныя слова. Булкинъ насторожился, и на лицѣ его появилась усмѣшка.

— А я желаю и поѣду!.. говорила Тася.

— Невозможно! Будь разсудительна: это далеко, ты устанешь!.. отвѣчалъ Тренкъ.

— Никогда не устану! И если бы даже устала — хочу и конецъ!

— Въ твоемъ положеніи это опасно. Я рѣшительно противъ!

— Поѣду, поѣду и поѣду!.. визгливо закричала Тася. — Ты меня нарочно бѣсишь! Съ тобой мнѣ вреднѣе быть, чѣмъ въ самомъ тряскомъ экипажѣ!

Мы подходили уже къ балкону. Видно было, что Тася порывисто встала; послышался звукъ разбившейся чашки, затѣмъ плачъ; между колоннами быстро промелькнуло пестрое кимоно и скрылось въ домѣ.

Къ намъ на встрѣчу пошелъ Тренкъ. Онъ былъ взволнованъ, но заставилъ себя улыбнуться мнѣ; только потемнѣвшіе глаза выдавали его настоящія переживанія. Онъ догадался, что мы должны были слышать конецъ его объясненія съ женой, и счелъ нужнымъ набросить на него шутливый оттѣнокъ.

— Дамы — это вѣнецъ творенія... произнесъ онъ, здороваясь со мною. Булкину онъ сдѣлалъ только легкій сухой кивокъ, на что тотъ отвѣсилъ необыкновенно глубокій и сверхъ-почтительный поклонъ... — но только не въ интересномъ положеніи!.. добавилъ онъ обрѣзавъ поклонъ своего родственника. Тренкъ сдвинулъ брови, закурилъ папиросу и усѣлся въ кресло; лицо его опять сдѣлалось величавымъ и окаменѣвшимъ.

— Вообще говоря... процѣдилъ онъ еще черезъ минуту: — пренепріятная это привычка у женщинъ размножаться!..

— О, да!.. подхватилъ Булкинъ: — и притомъ отъ всякихъ пустяковъ!!. въ немъ опять проснулся Балакиревъ.

Баронъ не соблаговолилъ отвѣтить, вытянулъ впередъ ноги и глубоко затянулся дымомъ; послѣдній, видимо, дѣйствовалъ на его нервы и мысли благотворно.

Я сдѣлалъ попытку узнать у Тренка, какъ у человѣка раньше Булкина вступившаго въ семью Штраммовъ, о бумагахъ, могшихъ остаться отъ Велепольскихъ, но удивленное баронское — «что?» — сразу дало мнѣ понять, что Велепольскіе и весь міръ — ничтожество, совершенно не интересующее его; дальше мнѣ было открыто, что фонъ-Тренки ведутъ свой родъ отъ ливонскихъ рыцарей и что архивъ ихъ хранится у него въ Петербургѣ и находится въ полномъ порядкѣ.

Около десяти часовъ я отправился взглянуть что дѣлаетъ Лазо; еще въ корридорѣ мнѣ сдѣлалось извѣстно, что онъ проснулся — слышался его голосъ напѣвавшій арію князя изъ «Русалки».

— Я шелъ будить тебя!.. сказалъ я, входя въ билліардную.

Лазо сидѣлъ на постели, откинувшись назадъ, натягивалъ на себя сапогъ и дѣлалъ страшные глаза.

— Здорово, мельникъ?!. пропѣлъ онъ, цѣлясь въ меня ногой какъ изъ ружья.

Я сообщилъ ему о своихъ рекогносцировкахъ въ саду и на чердакѣ.—Гдѣ же находится твой милліонъ книгъ, позволь узнать? закончилъ я.

— Ужъ и милліонъ! Экъ, ты, братъ, какъ всегда хватишь?! воскликнулъ Лазо. — Кое что, будь покоенъ, сыщемъ! Сейчасъ

вмѣстѣ искать будемъ. Навѣрное вся суть гдѣ нибудь у безобразниковъ въ сараѣ валяется!..

Лазо принялся бриться, а я сталъ разсматривать гравюры на стѣнахъ.

— Объясни мнѣ, пожалуйста, что дѣлаетъ Булкинъ? спросилъ я.

— Что Булкинъ дѣлаетъ?.. младенцевъ... невнятно отвѣтилъ Лазо, расперевъ языкомъ щеку. — А что, развѣ это не почтенное занятіе по твоему?.. добавилъ онъ, опустивъ бритву и замѣтивъ, что я махнулъ рукою.

— А Тренкъ богатъ?

— Очень! Когда женился, двѣ пары штановъ были! Всѣ деньги у женъ: ось, братъ, гдѣ заковыка!

— Положимъ, не совсѣмъ въ томъ: обѣ онѣ прехорошенькія! возразилъ я.

— Ну, понятно. Булка и посейчасъ влюбленъ какъ котъ въ мартѣ!

— Все таки, чѣмъ же онъ занимается въ Петербургѣ?

— Да тѣмъ же чѣмъ здѣсь: ничѣмъ; пишетъ стишки и около жены околачивается. Отъ скуки либеральничать теперь сталъ... Купцы отъ скуки запиваютъ, а нашъ братъ либеральничаетъ!..

— Почему ты такъ думаешь? А можетъ быть онъ и дѣйствительно либералъ?

— Вздоръ! Ты гляди въ корень: кому дома женскій полъ пикнуть не даетъ — тѣ всѣ въ оппозиціи! Туфлей влетитъ, а ему кажется, что весь міръ не такъ устроенъ какъ слѣдуетъ! Одну свою бабу не переустроитъ, а сто милліоновъ ихъ, думаетъ, по плечу ему будутъ! Потѣха!

Лазо кончилъ бриться, совершилъ омовеніе, вытеръ щеки одеколономъ и облекся въ бѣлоснѣжный китель.

— А въ которомъ часу мы тронемся сегодня отсюда дальше? спросилъ я, созерцая своего пріятеля. Онъ только что взялся за свои густые усы и съ самодовольнымъ видомъ закрутилъ ихъ передъ зеркаломъ.

— Сегодня? То есть какъ это?.. онъ, не выпуская изъ рукъ усовъ, повернулъ ко мнѣ лицо. — Кто тебя укусилъ?

— Никто не кусалъ, но вѣдь, когда покончимъ съ осмотромъ, дѣлать намъ здѣсь будетъ нечего?..

— Совершенная истина! Вотъ мы сперва все осмотримъ, а затѣмъ и поговоримъ!

Мы вышли въ корридоръ и оттуда черезъ залъ на веранду. Тамъ были всѣ въ сборѣ; стоялъ говоръ. Можно было подумать, что за ночь у обитателей дома накопилась бездна энергіи и впечатлѣній и каждый — кто хохоча, кто сѣтуя, торопился высказать ихъ; слушать другъ друга въ этомъ домѣ было не принято.

Тренкъ снисходительно улыбался; Тася была оживлена и смѣялась. Въ улыбкѣ барона мнѣ почудилось какое-то злорадство и пара перехваченныхъ взглядовъ, кинутыхъ Тренкомъ на Булкиныхъ, объяснили мнѣ въ чемъ дѣло: Мися сидѣла съ надутымъ лицомъ; Булкинъ беззаботно болталъ, но нѣтъ нѣтъ и поглядывалъ на жену съ нѣкоторымъ опасеніемъ: домашніе Везувіи, какъ извѣстно, склонны къ неожиданнымъ сюрпризамъ!

Старая баронесса съ мѣста въ карьеръ принялась мнѣ повѣствовать о балахъ, какіе она давала въ Петербургѣ, но восторженная рѣчь ея была скоро прервана: по залу рѣзво протопали чьи то босыя ноги, и изъ высокихъ дверей вылетѣла еще невиданная мною курносая дѣвченка въ ситцевомъ красномъ платьѣ.

— Барыня, орѣхи приперли!!.. во все горло оповѣстила она.

Тася схватилась руками за голову и какъ бы въ изнеможеніи упала локтями на столъ. Тренкъ выпрямился съ оскорбленнымъ видомъ.

Баронесса заморгала глазами.

— Вотъ такъ дура?!. воскликнула она.

Алевтина Павловна застучала палкой.

— Дура и есть!!. грозно подтвердила она: — тебя какъ я учила докладывать? Какъ, отвѣчай же?..

Дѣвченка хлипнула носомъ и шмыгнула подъ нимъ рукою. На лицѣ ея изобразилось полное недоумѣніе...

— Принесли стало быть?.. проговорила она вполголоса.

— Ступай! Сейчасъ приду, посмотрю орѣхи! Алевтина Павловна не безъ труда поднялась со стула. Лазо почтительно поддержалъ ее подъ руку.

— Спасибо!.. проронила тронутая его вниманіемъ Алевтина Павловна.

— Хорошій ты человѣкъ, хоть и шелапутъ! А мы рѣшили завтра всѣмъ кагаломъ къ тебѣ нагрянуть...

— Завтра?.. изумился Лазо: — почему именно завтра? Вѣдь меня дома не будетъ?

— Да ты съ ума сошелъ или нѣтъ?!. Алевтина Павловна разсердилась. — завтра чьей жены день рожденія будетъ, не твоей ли?..

Глаза у Лазо выпучились, ротъ пріоткрылся. Онъ съ такой силой треснулъ себя ладонью по лбу, что легко могъ бы сшибить такимъ ударомъ со стула любого изъ насъ.

— Забылъ!!. какъ то утробой подвылъ онъ. — Ахъ и свиньища же я!!.

Всеобщій хохотъ покрылъ его покаянныя слова.

Лазо вскочилъ съ мѣста. — Ѣду! Сейчасъ ѣду!!. закричалъ онъ и уже бросился было къ дверямъ, но Алевтина Павловна удержала его за рукавъ.

— Постой ты, торопыга!.. сказала она: — ну чего ты заметался? На что ты ей сегодня нуженъ? Сегодняшній день проведи у насъ, а завтра на разсвѣтѣ съ Богомъ: какъ разъ къ утреннему чаю поспѣешь, порадуешь ее! Это ей пріятный сюрпризъ будетъ, вниманіе свое ей покажешь! А мы къ полдню подъѣдемъ!

Лицо Лазо прояснилось.

— Вѣрно! воскликнулъ онъ. — Вы министръ, дорогая Алевтина Павловна, геній! вы всегда выручите!!. и онъ съ жаромъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Мисеньки, а вашъ мужъ твердо день вашего рожденія помнитъ!.. пролепеталъ Булкинъ, склонивъ голову на плечо и прикинувшись дурачкомъ. — Ахъ, какой у васъ паинька мужъ!!..

Происшествіе съ Лазо развеселило Мисю, и она выглядѣла уже не такъ многообѣщающе пасмурно.

— Попробовалъ бы ты забыть?!. отвѣтила она. — И вообще не приставай: я еще не въ духахъ!..

Всѣ начали подыматься изъ-за стола. Лазо, Булкинъ и я

отправились осматривать домъ и сараи, но поиски были напрасны: очевидно при продажѣ имѣнія Велепольскіе вывезли все изъ дома, а бароны фонъ-Штраммъ не завели ничего, кромѣ новой меблировки и сотенъ двухъ книгъ романовъ и стихотвореній, главнымъ образомъ модернистскихъ.

Проходя черезъ дѣтскую, я обратилъ вниманіе на пятилѣтняго карапуза, усердно макавшаго кисточку въ блюдечки съ разноцвѣтными красками и мазавшаго какую то книгу. Я заглянулъ въ нее, и она оказалась великолѣпно изданнымъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Парижѣ «Путешествіемъ по Рейну». Дргоцѣнныя гравюры ея всѣ были изуродованы красными, синими и желтыми красками.

— Занятіе, развивающее у дѣтей вкусъ... но неизвѣстно къ чему!.. глубокомысленно проронилъ Булкинъ. — По мнѣнію барона мазать надо непремѣнно, что нибудь прекрасное...

Мы обошли домъ. Весь онъ былъ такой свѣтлый, такой удобный, такой просторный и спокойный, что невольно передавалъ свое настроеніе человѣку. Казалось, живя въ немъ нельзя ссориться, кричать, думать о пустякахъ — домъ и обстановка воспитываютъ душу. И мнѣ не было досадно, что я потерялъ цѣлый день изъ небольшого числа ихъ, отсчитанныхъ мною для путешествія.

Ничего не нашли мы и въ сараяхъ. Около нихъ къ намъ присоединился Тренкъ, надѣвшій рыжія краги и бѣлую жокейскую фуражку, и пригласилъ насъ осматривать конюшни. Длинное кирпичное зданіе ихъ начиналось въ полусотнѣ шаговъ отъ насъ.

— А я откланиваюсь!.. заявилъ, остановившись, Булкинъ. — Видѣлъ этихъ лошадей семь тысячъ разъ! Цѣлую тебя заочно... онъ послалъ воздушный поцѣлуй Лазо.

— И я съ вами?.. заявилъ я. — Вы меня извините, баронъ, я въ лошадяхъ неграмотный?..

— Пожалуйста, пожалуйста!!. любезно отозвался Тренкъ.

И онъ исчезъ вмѣстѣ съ Лазо въ темномъ отверстіи двери, а мы съ Булкинымъ направились къ саду и тамъ разстались: онъ, видимо, хотѣлъ вернуться въ домъ, а меня тянуло побродить одному и подумать подъ вѣковыми деревьями.

Приблизительно за часъ до обѣда я вернулся въ домъ. Ни на верандѣ, ни въ комнатахъ не было ни души. Отъ нечего дѣлать я принялся разглядывать немногочисленныя картины и гравюры на стѣнахъ и забрелъ въ круглую гостиную. Вся она была желто-золотая, начиная отъ стѣнъ и мебели изъ карельской березы и кончая массивной люстрой и рамами картинъ. Но первое блестящее впечатлѣніе значительно умѣрялось послѣ легкаго осмотра: атласъ на мебели былъ сильно потертъ и многое нуждалось въ основательной починкѣ.

На одномъ изъ многочисленныхъ столиковъ, разбросанныхъ по всей комнатѣ, грудой были навалены альбомы и книги. Я взялся за сборникъ какихъ то «поэзъ», но черезъ минуту оторвался отъ него: въ дверяхъ стояла и покровительственно, и нѣжно смотрѣла на меня слезящимися безцвѣтными глазами баронесса-мать.

— Вотъ вы гдѣ уединились?!.произнесла она, входя.—Я вамъ не помѣшаю? въ голосѣ ея звучала томность.

— Нисколько, очень радъ... отозвался я, вставъ съ кресла.

Баронесса опустилась рядомъ со мной на диванчикъ и слегка потянула меня внизъ за руку; пришлось сѣсть тоже.

— Читали? баронесса кивнула на книги: — все новая литература! Я ничего, ничего въ ней не понимаю! Но, вѣдь, это ужъ вѣкъ такой — никто и ничего теперь не понимаетъ, не правда ли?

— Да, до нѣкоторой степени!.. уклончиво отвѣтилъ я.

— Ну да!.. И наша молодежь такая же какъ книги. Я разъ иду по залу, а они бѣгаютъ, хлопаютъ руками. — «Бемоль» — кричатъ, бемоль летаетъ, мамочка»! Я изумилась: какая бемоль? она въ нотахъ только водится. А оказалось — моль летала! Сахаръ у нихъ захáръ; упалъ — опалъ; медальонъ --- мордальонъ... все все наизнанку! Вотъ вы ихъ и поймите! Въ наши времена мой мужъ пальчики у меня цѣловалъ и говорилъ: — «ты божество» — баронесса сцѣпила обѣ руки и въ упоеніи стала потрясать ими и головой при каждомъ эпитетѣ — «ты ангелъ, ты прекраснѣе всѣхъ»... А теперь? она развела руками — теперь даже поэты — Ваничка вѣдь поэтъ — говоритъ женѣ: — позвольте васъ амбрасекнуть въ самый пятачекъ съ?» Въ модѣ лакейскій жаргонъ!

Я улыбнулся.

— Да, да... это смѣшно!.. продолжала баронесса. — Все вотъ такъ на свѣтѣ теперь идетъ вверхъ ногами!.. она изобразила толстыми руками вращеніе пароходныхъ лопастей. — Я увѣрена, что еще пять лѣтъ и всѣ мы будемъ или летать по комнатамъ, или ходить вверхъ ногами. Къ этому идетъ!.. Она вдругъ поднялась съ диванчика; я попытался сдѣлать то же, но она жестомъ руки остановила меня. Видъ у нея сдѣлался таинственный и многообѣщающій.

— Подождите, я сейчасъ вернусь!.. Она кинула мнѣ долгій, особенный взглядъ, поджала губки и вышла изъ гостиной съ проворствомъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ ея толщинѣ.

Немного погодя она вернулась обратно; рука ея прижимала къ груди большой квадратный кусокъ бѣлаго картона. Движеніемъ какъ бы отрывавшимъ его отъ сердца, она подала его мнѣ.

— Вотъ вамъ подарокъ... мой портретъ!!. отъ упоенія у баронессы въ углахъ рта вскочили пузырьки изъ слюны.

Съ картона глянуло на меня лицо изумительной красавицы; то была Тася, но куда воздушнѣе ея, изящнѣе и тоньше чертами лица. Портретъ снятъ былъ вѣроятно, лѣтъ тридцать назадъ.

— Похожъ, не правда ли?.. продолжала восторгаться баронесса.. — До сихъ поръ такое сходство. Удивительно, удивительно!..

Мнѣ сдѣлалось немного грустно: ни одного прежняго, художественнаго штриха не сохранило злое время на лицѣ этой бѣдной куклы, жившей только своею красотою! Даже небо глазъ смѣнилось лужицами. Было обидно, что между сверхкрасотой и этимъ кубомъ сала все же существовало сходство: они походили другъ на друга какъ отдаленные родственники.

— Поразительное лицо!.. отвѣтилъ я: — я безмѣрно вамъ благодаренъ за такой подарокъ!

— Неправда ли?.. Да? рука баронессы безъ моего вмѣшательства очутилась у моихъ губъ для поцѣлуя. — Очень рада!!..

Звукъ колокола прервалъ нашу бесѣду: надо было идти къ обѣду. Баронесса съ благосклоннымъ видомъ подала мнѣ руку, и я, словно въ полонезѣ, торжественно прошествовалъ со своею рас-

крашенной опереточной королевой черезъ величавый залъ на веранду.

Послѣ обѣда я улизнулъ въ гостиную, захватилъ какую то «сверхъ-книгу» и отправился съ нею въ еще неизвѣстный мнѣ конецъ парка. Онъ упирался въ желтое ржаное поле; за нимъ виднѣлась деревня. Справа, почти рядомъ, изъ-за кустовъ бѣлѣли каменные шары и верхнія части двухъ воротныхъ колоннъ, на которыхъ они лежали.

Только что я усѣлся на скамейкѣ и прислонился спиной къ толстенной липѣ, — у воротъ прозвучалъ переборъ гармоники, и будто скрипка взяла высокую, тоскующую ноту: — полилось — «аддіо Эллеонора» изъ «Трубадура». Мягкіе, бархатные басы разстилали аккомпаниментъ, и только по нимъ можно было признать, что поетъ плебейка-гармоника, а не скрипка виртуоза.

Я, чуть ступая, подкрался къ кустамъ, чтобы взглянуть кто играетъ. Арія оборвалась, разсыпалась рыдающая трель и все смолкло.

— А ну ка, повеселѣй чего нибудь жарни?.. проговорилъ знакомый мужской голосъ. Сквозь кусты я увидѣлъ Куку; онъ сидѣлъ въ обычной своей скрюченной позѣ на лавочкѣ у воротъ и держалъ на колѣняхъ гармонику; рядомъ съ нимъ помѣщался кучеръ Лазо; у ногъ ихъ, на вытоптанной травѣ, лежали, грызя стебельки соломы, два молодыхъ безусыхъ и загорѣлыхъ конюха.

Синіе васильки Куки поднялись и уставились на Матвѣя: мальчикъ повидимому не понялъ его просьбы.

— Плясовую сыграй, комаринскаго!.. пояснилъ Матвѣй. — «А-ахъ ты, с-сукинъ с-сынъ, комаринскій м-мужикъ!!.» съ чувствомъ напѣлъ онъ, прищелкивая пальцами.

Улыбка освѣтила лицо мальчика; гармоника дернулась. — «Высота-ль, высота-ль поднебесная»!.. запѣло въ воздухѣ. И вмѣсто воротъ передо мной открылась сцена Маріинскаго театра, изогнутый въ видѣ лебедя, изукрашенный корабль и на немъ, отъѣзжающій въ далекій путь, красавецъ Садко-Ершовъ, шевелящій плечами въ тактъ удалому подыгрышу гусель...

— Кука?.. лѣниво произнесъ одинъ изъ лежавшихъ, когда

пѣсня стихла. — А какъ твою бабушку по батюшкѣ кличутъ, знаешь?..

Кука молчалъ; на лицѣ его выразилось уже знакомое мнѣ напряженіе.

— А какъ по матушкѣ?

Кука опять расцвѣлъ и загнулъ такое словечко, что оба лежавшіе захохотали и задергали ногами.

— Это на что же учите такому?.. строго вмѣшался Матвѣй: — довольно это стыдно вамъ! Не сказывай такъ никогда, Николушка! обратился онъ къ Кукѣ: — бить тебя за это будутъ!.. Сыграй еще что нибудь: — «Не бѣлы снѣги» знаешь?

— Во-во!.. подхватилъ другой конюхъ: — а то все блажитъ шивѣсть что... собаку за хвостъ таскаетъ!

Гармонія залилась опять какою то аріей изъ оперы.

Я послушалъ немного и направился вглубь парка, поискать себѣ новое прибѣжище. Лицо Куки продолжало стоять передъ моими глазами. Какъ, какимъ наитіемъ этотъ почти не понимающій словъ слабоумный ребенокъ отъ прикосновенія звуковъ вдругъ превращался въ генія, ярко и отчетливо схватывалъ ихъ и ими же рисовалъ радость, грусть и все что доступно человѣку?

Ауканье и голосъ Лазо, вопившій, какъ мнѣ показалось, мое имя, вспугнули мои мысли. Я направился на зовъ.

На перекресткѣ мы встрѣтились; Лазо шелъ въ разстегнутомъ кителѣ и съ фуражкою набекрень; вмѣстѣ съ нимъ былъ Булкинъ.

— Вотъ онъ?! закричалъ Лазо, увидавъ меня: — гдѣ ты пропадалъ, скажи на милость?

— Читалъ. А ты съ чего это хлѣбъ у лѣшаго отбиваешь — ревешь бѣлугой?

— Да изъ-за тебя! Я и въ адъ, должно быть, попаду изъ-за тебя! Лазо находился уже въ своемъ обычномъ фейерверочномъ настроеніи—Понимаешь, ключъ мы у Алевтины Павловны скрали, ищемъ тебя цѣлый часъ; идемъ скорѣе!..

— Какой ключъ?

— Отъ подвала! Пробу винъ сейчасъ учинимъ. Погребъ изумительный — есть бутылки еще Ноева розлива —ей-Богу!!

— Христосъ съ вами, господа?.. возразилъ я: — что же это мы, по карманной части, значитъ, ударимся?

— Не выражайся!.. съ хохотомъ возгласилъ Лазо: —это бонъ-тонъ, высшій номеръ по самому Гоппе!..

Онъ подхватилъ меня подъ руку и повлекъ къ дому. Булкинъ усмѣхался въ усы.

— Вы не въ курсѣ дѣлъ... отвѣтилъ онъ на мой недоумѣвающій взглядъ: — суть въ томъ, что въ нѣкоторыхъ изъ своихъ взглядовъ Алевтина Павловна непреклонна и потому мы нѣсколько облегчаемъ свое положеніе — таскаемъ у нея со стѣнки ключъ... это ужъ такъ принято!..

— Имъ не даютъ, вѣдь, вина; разрѣшается только по двунадесятымъ праздникамъ! воскликнулъ Лазо: — развѣ ты не замѣтилъ? Оно вредно вліяетъ на грядущее потомство!!. онъ взялся за бока отъ смѣха.

— Но Алевтина Павловна можетъ хватиться ключа, скандалъ выйдетъ? протестовалъ я.

— Ничего не замѣтитъ; дамы здѣсь всѣ близоруки, какъ кроты!!. кричалъ Лазо: — помилуй, быть у Штраммовъ и не-посѣщать ихъ погреба — это же позоръ, страмъ воистину!!.

— Тише!.. произнесъ Булкинъ: голоса слышны!..

Мы остановились. Впереди, за поворотомъ, дѣйствительно раздавались чьи то голоса.

— Кто это? тихо спросилъ Лазо.

— Мися съ дѣтьми!.. отвѣтилъ Булкинъ. — За мной, господа!.. и онъ какъ заяцъ метнулся въ сторону, въ яблочный садъ. Туда же тяжелою кавалеріей зарысилъ Лазо; я быстро зашагалъ за ними. Вслѣдъ за Булкинымъ мы описали большую дугу и опять вернулись на ту же аллею. Но прежде, чѣмъ выйти на нее, Булкинъ осторожно выставилъ изъ за ствола липы голову и оглядѣлся; аллея была пустынна ; голоса едва различались далеко позади насъ.

Запыхавшійся Лазо тяжело привалился къ сосѣднему дереву.

— Сцена изъ Майнъ-Рида!.. зафыркалъ онъ, зажимая себѣ ротъ: — нападеніе индѣйцевъ на гаціенду!.. Ей-Богу мальчишки!..

онъ зашелся отъ смѣха: — совсѣмъ какъ въ дѣтствѣ яблоки воровать лазили!..

Мы вышли изъ-за деревьевъ, и мои спутники устроили совѣтъ. Рѣшено было, что Лазо пойдетъ первымъ и, улучивъ минуту, проберется въ подвалъ; за нимъ, какъ бы осматривая домъ, проскользнемъ и мы; входъ въ подвалъ велъ изъ бывшей буфетной, находившейся рядомъ со столовой.

— И Густавъ Густавовичъ будетъ? спросилъ я.

— Кто? съ испугомъ переспросилъ Булкинъ и перекрестился. — Во имя Отца и Сына и св. Духа, что это вы его не къ мѣсту поминаете?

— Куда ему!!. поддержалъ Лазо.

Булкинъ извлекъ изъ кармана огромныхъ размѣровъ ключъ и пару толстыхъ короткихъ свѣчей и передалъ все Лазо. Видъ у послѣдняго сдѣлался серьезнымъ и даже глупымъ.

— Гитару захвати!.. дѣловито прошепталъ онъ, хотя шептать надобности еще не было. Онъ передернулъ ногами, расправилъ плечи и пошелъ къ дому. По дорогѣ надѣлъ фуражку, застегнулъ китель и заложилъ руки за спину.

Приблизительно черезъ четверть часа двинулись за нимъ и мы. Если бы кто нибудь посторонній встрѣтилъ насъ, то непремѣнно счелъ бы за злоумышленниковъ — такъ подозрительно мы вели себя, оглядываясь и останавливаясь при малѣйшемъ шорохѣ впереди.

Веранда была пуста. Не оказалось никого и въ залѣ. Булкинъ взялъ одну изъ двухъ гитаръ, лежавшихъ на роялѣ, и мы вошли въ корридоръ; у гостиной навстрѣчу попалась Марина Семеновна, и по тому млѣющему выраженію, какое сразу какъ масло разлилось при видѣ насъ по постному лицу ея, я сразу понялъ, какая «грусть» служила причиной ея всегдашняго «положенія».

— Вотъ это гостинная... тономъ гида произнесъ Булкинъ, входя въ дверь и подмигнувъ мнѣ; Марина Семеновна задержалась въ корридорѣ и видимо подслушивала.

— Посмотрите на эти альбомы... монотонно продолжалъ Булкинъ: — все семейные, но вниманія не заслуживаютъ! Превосходная люстра... пока не упала кому нибудь на голову! Замѣчатель-

ный диванъ, но садиться лучше прямо на полъ, ибо все равно на полу очутитесь!..

Спина Марины Семеновны скрылась и Булкинъ прервалъ свое краснорѣчіе, выглянулъ въ корридоръ и, убѣдившись, что путь свободенъ, поманилъ меня; на носкахъ мы прокрались въ почти пустую, темно-зеленую буфетную. Можно было сто разъ пройти по ней и даже не заподозрить, что изъ нея имѣется входъ въ погребъ — такъ плотно и незамѣтно сливалась дверь со стѣной. Булкинъ быстро толкнулъ въ нее рукой, и открылся черный провалъ внизъ. Дверь за нами затылорилась; Булкинъ щелкнулъ ключемъ, и мы стали спускаться по каменнымъ ступенямъ. Снизу брезжилъ свѣтъ, можно было различить, что мы идемъ по сводчатому корридору. Охватило мягкимъ, подвальнымъ воздухомъ. Спускъ былъ короткій, ступеней въ пятнадцать, и мы попали въ невысокую, сводчатую же комнату; ее освѣщали два окошка, пробитыя у самаго свода и зарѣшеченныя толстыми желѣзными прутьями; оттуда глядѣла крапива, казавшаяся почти прозрачно-зеленой, и клочки синяго неба.

Комната была совершенно пуста; съ правой стороны въ стѣнѣ темнѣлъ другой проходъ; въ немъ блеснулъ свѣтъ; и подъ низкой аркой показался Лазо съ зажженной свѣчею въ рукѣ.

— Гряди, гряди, голубица!!. пропѣлъ онъ, дирижируя свѣчей. Вслѣдъ за нимъ мы вступили въ темную, квадратную пещеру; оконъ въ ней не имѣлось. Близъ входа, въ лѣвомъ углу, на земляномъ полу стоймя стояла широкая бочка; на ней горѣла свѣча и при желтоватомъ свѣтѣ ея, изъ отступившихъ потемокъ волнистою линіей смутно намѣчался рядъ изъ пяти двадцативедерныхъ бочекъ; стѣны были скрыты полками; на нихъ тѣсно лежали и стояли безчисленныя бутылки.

— Кителя долой!.. скомандовалъ Лазо: — иначе перемажемся всѣ какъ черти!

... И онъ скинулъ съ себя китель и повѣсилъ его на давно хорошо извѣстный, невидимый гвоздикъ. Я и Булкинъ сдѣлали то же.

Булкинъ взялъ съ бочки вторую свѣчу, и мы медленно обошли подвалъ. И бочки, и бутылки покрывала густая пыль; на нижнихъ

полкахъ наросъ особый сѣрый мохъ и плѣсень. Надъ полками бѣлѣли ярлычки съ надписями: «Токайское 1847 г.», «Рейнвейнъ 1833 г.», «Лафитъ 1866 г.» и т. д.

Въ бочкахъ находились крымскія столовыя вина; въ самой задней заключалась водка. И они были не заурядныя, — старый баронъ умеръ пятнадцать лѣтъ назадъ, и послѣ его смерти уже ни одной капли вина не поступило въ забытый подвалъ.

— А стаканы гдѣ же? спохватился я. Лазо захохоталъ.

— Не безпокойся, здѣсь все предусмотрѣно!.. сказалъ онъ. Все въ тайникахъ размѣщено! Онъ нагнулся и пропалъ со свѣчей за днищемъ бочки; изъ за нея стало изливаться слабое сіяніе; ухо уловило позваниваніе стекла.

Булкинъ подкатилъ изъ разныхъ мѣстъ три небольшихъ, пустыхъ боченка и разставилъ ихъ вокругъ импровизированнаго стола. Лазо явился со штопоромъ и нѣсколькими высокими, гранеными стаканчиками. Изъ противоположнаго угла Булкинъ извлекъ пару жестяныхъ коробокъ и откупорилъ ихъ; тамъ оказались шоколадная соломка и печенье Альберъ.

— Однако?!. только и нашелся я сказать, глядя на превращеніе бочекъ въ столъ и стулья, и появленіе произведеній Жоржа Бормана.

— Голь на выдумки хитра!.. отвѣтилъ Булкинъ. — Теперь чередъ за виномъ; какое кому угодно?..

Мы опять обошли подвалъ. Я, помня исторію у Чижикова, выбралъ себѣ длинную, узкогорлую бутылку съ легкимъ рейнвейномъ; Булкинъ принесъ алое какъ гранатъ, густое Нюи и такое же Марго; Лазо притащилъ въ объятіяхъ цѣлую кучу бутылокъ разныхъ фирмъ.

— Вы еретики!!. возгласилъ онъ, ставя на бочку пузатый сосудъ съ бенедиктиномъ. — А я о душѣ подумалъ, по духовной части прошелся: монахорумъ, — его же и монаси пріемлютъ! Шартрезъ... тоже святые отцы дѣлали! «Пипперментъ», спеціально для страдальцевъ желудкомъ!..

На бочкѣ выросъ лѣсъ изъ бутылокъ. Булкинъ откупорилъ ихъ всѣ и мы усѣлись.

— Господа, а вѣдь мы въ средніе вѣка переселились?.. ска-

залъ я, оглядывая силуэты бочекъ, и затонувшіе въ темнотѣ ряды полокъ. Позади насъ на освѣщенной стѣнѣ двигались и кивали огромныя тѣни.

— Вѣрно! подхватилъ Лазо: — рыцари круглаго стола!

— Легче на поворотѣ!.. бюргеры въ винномъ погребѣ... поправилъ Булкинъ.

— Умный былъ человѣкъ старый баронъ!.. произнесъ Лазо и поднялъ свой стаканъ. — Вѣчная ему слава и память!..

Мы чокнулись и выпили.

— А живой баронъ не обидится, что мы безъ него сюда ушли? спросилъ я.

— Это фонъ-Тринкенъ то?.. съ пренебреженіемъ спросилъ Булкинъ. — Ничего, тринкнемъ и безъ него!..

— А вдругъ сейчасъ сюда войдетъ Алевтина Павловна?! произнесъ я.

— Я влѣзаю въ эту бочку! сказалъ Булкинъ: — ваканція въ ней моя!..

— А мы падаемъ на колѣни и подымаемъ руки! подхватилъ Лазо. — Нѣтъ, кромѣ шутокъ, а я Алевтину Павловну очень люблю! Напылитъ, накричитъ, а добруха необыкновенная!

— Да!.. согласился Булкинъ: — безъ нея здѣсь давно бы все развалилась. Стара только она уже становится!..

— За вѣчную дѣву, Алевтину Павловну! воскликнулъ Лазо; — да живетъ генеральская дочь еще многіе годы!!.

Мы опять чокнулись.

Старое ароматное вино стало давать себя чувствовать; такія вина прежде всего предательски дѣйствуютъ на ноги, и голова, остающаяся свѣжей, долго не замѣчаетъ измѣны своихъ союзниковъ. Поэтому прежде, чѣмъ начать вторую бутылку рейнвейна, я всталъ и проэкзаменовалъ ихъ въ прогулкѣ по погребу. Мои собесѣдники налегли на ликеры и «освѣжились» послѣ нихъ Нюи; щеки ихъ пылали какъ вино.

— Скажите... обратился ко мнѣ Булкинъ. — Вы вѣрите въ то, что императоръ Александръ I скрылся подъ именемъ Федора Кузмича?

— Много данныхъ за это.. отозвался я: — а васъ это интересуетъ?

— Очень. Есть что то захватывающее въ его поступкѣ! Такъ вотъ уйти, разстаться со всѣмъ... великій подвигъ!

— Ты еще, смотри, не подвинься эдакъ?.. буркнулъ Лазо. — Отыщу!!. онъ стукнулъ кулакомъ. — Жизнь-то — она, братъ, длинная: въ мужичьихъ лаптяхъ ее всю не оттанцуешь; бутылочку Нюи захочешь!..

— А что есть жизнь? съ усмѣшкой спросилъ Булкинъ. — Видѣлъ, какъ деревья бросаютъ тѣни? Утромъ онѣ огромныя, густыя, къ полдню онѣ тоньше и меньше, а къ ночи все сливается въ общую тьму...

— А за ночью новый разсвѣтъ?.. сказалъ я.

Булкинъ опять взялся за гитару. — Я вамъ прочту мое стихотвореніе въ прозѣ... въ немъ мой отвѣтъ! Онъ сѣлъ поудобнѣе и закинулъ назадъ голову.

— Сонъ земли!.. въ повышенномъ, мелодекламаторскомъ тонѣ произнесъ онъ; гитара начала аккомпаниментъ.

— Спитъ земля и видитъ сонъ... Тѣни отъ облаковъ бѣгутъ по ней, и кажется ей, что это возникаютъ царства, города и люди, Въ ясный радостный день чудятся ей пѣнье колоколовъ, праздники и веселье; въ мрачные слышитъ громъ, видитъ молніи: въ ураганѣ и въ пламени гибнутъ города и царства...

Спитъ земля и видитъ сонъ...

Бредъ объ ихъ жизни подслушали тѣни и гордая мысль осѣнила ихъ: «Мы — дѣйствительность». И тѣни погнались за тѣнями — за славой, за властью, за расширеніемъ границъ. Сталъ незамѣтенъ имъ быстрый ихъ бѣгъ по землѣ. Секунда — жизнь отдѣльныхъ тѣней, минута — городовъ и царствъ...

Среди свѣтилъ зашифрованной телеграммой несется въ необъятномъ пространствѣ земля.

Спитъ она и видитъ сонъ...

А въ семь часовъ утра на слѣдующій день Лазо съ заспанным, измятымъ лицомъ стоялъ на мокрой отъ росы платформѣ станціи и махалъ бѣлымъ платкомъ въ слѣдъ уносившему меня поѣзду.

— До свиданья!!. Пиши!.. телеграфируйте!!. — слышался крикъ его.

——◆——

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN DÉCEMBRE 1978
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE

N° 6583

КНИГИ НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛЕВ»

1.	П. Жильяр	13 лет при русском Дворе.
2.	Л. Норд	Маршал М. Н. Тухачевский.
3.	С. Черный	Солдатские сказки.
4.	С. Черный	Сатиры.
5.	С. Черный	Румяная книжка.
6.	С. Минцлов	За Мёртвыми душами.
7.	Н. Лейкин	Где апельсины зреют.
8.	А. Блок	Последние дни императорской власти.
9.	С. Карачевцев	1200 анекдотов.
10.	Палеолог	Роман Императора.
11.	С. Мельгунов	На путях к дворцовому перевороту.
12.	М. Цветаева	Психея.
13.	М. Цветаева	Разлука.
14.	А. Эфрон	Воспоминания.

Издательство принимает рукописи и заказы
на книги по адресу:

LEV
85,Rue Rambuteau
75001 Paris